

"Невеста врага"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ

Замок Давиншем, Шотландия, 1818 г.

Над равниной южной Шотландии собиралась буря. Зазубренные мечи молний рассекали небесный мрак, земля под ногами сотрясалась от оглушительных раскатов.

С первыми каплями дождя из конюшни стремительно вышел шестнадцатилетний лорд Уоррик — виконт Гленкарин, будущий предводитель клана Драммондов. Хотя он только что отвел свою лошадь в конюшню Давиншемского замка, ему до сих пор не верилось, что он в цитадели Макайворсов, заклятых врагов его родного клана. От волнения он не замечал ни резкого западного ветра, ни того, что одежда его уже промокла насквозь.

Не далее как сегодня утром ему пришлось присутствовать при обручении его сестры Гвендолин с сыном вождя Макайворсов Гавином — человеком вдвое старше ее.

От родни жениха не ускользнуло, что лорд Джеймс не явился на церемонию сам, а прислал вместо себя шестнадцатилетнего сына. Вождь клана Драммондов сказался больным, однако все подозревали — и не без основания, — что он просто не пожелал стать свидетелем соединения своей единственной дочери с Макайворсом.

Уоррику вспомнилось, как Гвендолин слезно молила отца не выдавать ее замуж за человека из вражеского клана, но родитель остался непреклонен: обе стороны надеялись с помощью этого брака достичь примирения. Однако старая ненависть была слишком глубока, и Уоррик сомневался, что брачный союз заставит врагов забыть вековую рознь.

Не замедляя шага, Уоррик вошел в замок и направился вверх по лестнице. Губы его кривила презрительная усмешка: Макайворсы кичились своим богатством, как иные кичатся охотничьими трофеями. Стены до потолка были обтянуты шелком, полы застланы плюшевыми коврами. Богатство и размах чувствовались во всем, но не было здесь домашнего уюта и тепла. Айронуорт, родной замок Уоррика, казался в сравнении с Давиншемом маленьким и неухоженным. После смерти матери Уоррика замок остался без хозяйки: Гвендолин, которую домашние дела почти не занимали, старалась переложить их на прислугу. «Да, — думал Уоррик, переодеваясь к свадебному пиру, — Айронуорту нужна заботливая женская рука».

Воспоминание об утренней церемонии в часовне заставило его стиснуть зубы. Макайворсы глазели на его красавицу сестру, как на лакомый кусочек. Девятнадцатилетняя Гвендолин с ее золотистыми, как мед, волосами и мягким взглядом серых глаз и впрямь была необыкновенно хороша. Но станет ли Гавин Макайворс, ровесник их отца и к тому же известный распутник, заботиться о ней, как она того заслуживает? Бедняжка Гвендолин! У нее было столько возможностей выбрать для себя супруга гораздо достойнее Гавина, однако отец настоял на своем.

Слезы, стоявшие утром в глазах сестры, ранили сердце Уоррика больнее ножа. Он сердито застегнул черную бархатную куртку, натянул черные сапоги и заправил наброшенный на плечо клетчатый плед под ремень. Скорей бы уже эта постылая свадьба закончилась, чтобы он мог вскочить в седло и уехать домой. Жаль только, что нельзя будет взять с собою Гвендолин.

Гвендолин, уже облаченная в платье вишневого цвета, вспомнила, что супруг велел ей надеть обручальное кольцо с огромным рубином — его свадебный подарок. Крепя сердце она взяла кольцо со столика. В ее дрожащей руке камень полыхнул кровавым отсветом, так что она чуть не выронила его. В ту же секунду небо прорезала молния, окно распахнулось, и ворвавшийся ветер задул свечу. Стало темно. Гвендолин кликнула было свою служанку, но вспомнила, что сама же недавно отослала ее.

Пытаясь добраться до двери в полной темноте, она натыкалась на незнакомые предметы, и страх сжимал ее сердце все сильнее. О, как ей хотелось уехать завтра утром вместе с братом! Без него она останется совсем одна в стане врагов.

Вскоре в дверь постучали, и вошла давиншемская служанка со свечой.

— Супруг ждет вас, миледи, — холодно произнесла она.

«Боже, — подумала Гвендолин, — какая жизнь ждет меня тут, если даже прислуга разговаривает со мною свысока?»

Пока угрюмая служанка со свечой вела Гвендолин по темному коридору, на стенах плясали их огромные уродливые тени. Музыка и смех слышались все ближе и ближе. Мысленно призвав на помощь все свое мужество, Гвендолин на негнущихся ногах начала спускаться по лестнице. При ее приближении тяжелые двери банкетного зала распахнулись, смех и разговоры смолкли.

В соответствии с этикетом, который строго соблюдался в Давиншеме, лорд Гавин Макайворс восседал рядом со своим отцом, вождем клана Макайворсов лордом Джиллом. Гавин, несмотря на возраст — двадцатью годами старше невесты, — был видный мужчина, рыжеволосый и рыжебородый.

Гвендолин подняла глаза на своего супруга. Только вчера вечером она увидела его впервые. Отец обещал ей, что этот союз принесет примирение враждующим кланам, однако пока что в нацеленных на нее со всех сторон взглядах она не чувствовала ничего, кроме ненависти.

Она чуть-чуть успокоилась, отыскав среди множества лиц то единственное, которое хотела сейчас видеть, — лицо своего брата Уоррика. Брат и сестра печально кивнули друг другу. Уоррик, как и она сама, понимал, что она отдана на откуп дьяволу и что ни он, никто другой уже не в силах ей помочь.

Наконец она храбро шагнула к лорду Гавину. До сих пор ей было известно о нем лишь то, что у него два сына, причем старший, Йен, — ее ровесник. До нее также долетали слухи, что Гавин «открыто живет со своей любовницей, Лоррейн Тернот. Теперь же, впервые осознав себя супругой этого человека, она невольно вздрогнула. У нее не было матери, и некому было подготовить ее к предстоящей брачной ночи, но в глазах лорда Гавина горело желание, столь откровенное и ненасытное, что ей сделалось страшно.

Садясь подле него, она все еще трепетала. О, как он был ей противен и как противны были ей все эти лица, обступившие ее со всех сторон! От похотливого взгляда Гавина она невольно залилась густым румянцем.

— Ну, маленькая моя женушка, улыбнись же мне, — вкрадчиво говорил он.

Наполняя ее кубок, он как бы случайно склонился ближе к ней и скользнул рукой по ее груди. Сердце ее бешено заколотилось от страха перед тем, что должно было произойти этой ночью.

Гвендолин чувствовала себя жалкой и несчастной и изо всех сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Она пыталась поймать взгляд Уоррика, но тот как замороженный смотрел на кроваво-красный рубин на ее пальце.

Тем временем лорд Гавин слащавым голосом уговаривал ее отведать лучшие куски из его тарелки. Зная, что не сможет проглотить ни крошки, она лишь молча покачала в ответ головой. Гавин довольно погладил свою рыжую бороду и впился глазами в ее глаза.

— Что ж, скромность в девице — это хорошо. Мой конь устал таскаться по паханым-перепаханным полям! Право, уже трудно припомнить, когда он в последний раз паса на нетронутом лугу.

Гвендолин, не обращая внимания на циничный хохот гостей, лишь ниже опустила голову и сцепила лежащие на коленях пальцы. Прежде ей не приходилось бывать на свадебных пирах, но окружающие, судя по всему, находили ее поведение вполне естественным для невесты.

— Леди Гвендолин, — обратился к ней лорд Джилл. — К несчастью, у вас нет ни матери, ни свекрови, и некому дать вам совет по ведению вашего нового хозяйства. Однако быть хозяйкой Давиншема — большая ответственность для такой юной леди, как вы. Думаю, придется назначить кого-нибудь вам в помощь...

— Отец, — поспешно вмешался Гавин, — я уже распорядился, чтобы Лоррейн Тернот продолжала заниматься хозяйственными вопросами... До тех пор, пока моя супруга не будет готова взять эту обязанность на себя.

— Нет! — раздался неожиданно звонкий голос леди Гвендолин. Она вскочила со стула и, не обращая внимания на застывших от изумления гостей, обернулась к мужу. — Вы не посмеете открыто ставить надо мною свою любовницу! Не для того я стала сегодня вашей женой, чтобы вы срамили и унижали меня.

— Это вы изволите срамить меня, мадам, — угрожающе начал лорд Гавин. — Вы забываетесь! Вы, вероятно, переутомились нынче — так ступайте в свою комнату...

— Нет, — повторила леди Гвендолин. — Я знала, что вы до самой свадьбы приближали к себе эту женщину и противилась нашему с вами союзу. Но, коль скоро он уже заключен, я не желаю быть в подчинении у вашей любовницы!

Некоторое время лорд Гавин и леди Гвендолин молча стояли друг против друга, потом Гавин грубо схватил ее за руку и потащил от стола. По залу пронеслись смешки и непристойные шуточки Макайворсов.

— Продолжайте пировать, дорогие гости, а я пока отлучусь... ненадолго, — сквозь зубы процедил Гавин.

— Уоррик! — беспомощно оглядываясь на брата, позвала Гвендолин. — Помоги мне!

— Стой, Макайворс! — поднимаясь на ноги, Уоррик швырнул свой стул о стену.

— Убери свои грязные лапы от моей сестры!

— Не суй нос не в свое дело, сопляк! — рявкнул лорд Гавин. — Она моя жена, и я буду обращаться с нею, как мне заблагорассудится.

Уоррик одним прыжком подскочил к сестре и попытался вырвать у Гавина ее руку.

— Я забираю ее домой! — крикнул он. — И не надейтесь меня остановить! Моя сестра ехала сюда не затем, чтобы терпеть обиды и оскорбления.

Краем глаза Уоррик заметил возникшего у него за спиной Йена Макайворса, но не успел обернуться: что-то тяжелое обрушилось ему на голову, и он без чувств повалился на пол.

— Уоррик, Уоррик! — кричала Гвендолин.

Муж продолжал тащить ее к двери. Гвендолин отчаянно извивалась, пытаясь освободиться, однако силы были слишком неравны.

— Пустите меня к брату, он ранен!

— Ничего, пусть это послужит ему уроком: не вступай между мужем и женой.

— Я не стану вашей женой! — с ненавистью выкрикнула Гвендолин, но они уже были около дверей ее спальни.

Отчаянно молотя руками и ногами, она нанесла ему несколько ощутимых ударов. Лорд Гавин пинком отворил тяжелую дверь и швырнул жену на пол, однако она тут же вскочила на ноги, выхватила из ножен небольшой кинжал, который всегда носила на поясе, и, не раздумывая, метнулась вперед. Когда клинок вонзился в руку Гавина, девушка оцепенела от ужаса. Кровь брызнула ей на пальцы, обагрив ненавистный рубин. Ей с детства внушали, что Макайворсы вспыльчивы и кровожадны, но разве не по ее вине пролилась сегодня первая кровь?

— Ну, держись, дьяволица! — взревел Гавин, глядя на нее страшными глазами. — Или я тебя усмирю — или не жить тебе на свете!

— Будь ты проклят, Гавин Макайворс! — колени Гвендолин подкосились, и девичье тело затряслось в горестных рыданиях: все было кончено. В доме презренного супруга ее ждали лишь тоска да отчаяние.

Лорд Уоррик очнулся на другое утро. Открыв глаза, он разглядел над собой озабоченное лицо Мактавиша, приехавшего вместе с ним из Айронуорта, а позади него каменные стены Давиншемской башни.

— Слава богу, — пробормотал Мактавиш. — Я уж боялся, что не смогу привести тебя в чувство.

Уоррик сел, сорвал с головы повязку и, отстранив Мактавиша, начал торопливо натягивать сапоги.

— Что с моей сестрой? Ты ее видел?

— Нет, не видел и ничего о ней не знаю — я ведь всю ночь не отходил от тебя.

Уоррик без колебаний направился в комнату сестры. По дороге он обратил внимание на странную тишину в замке. Встретившаяся ему в коридоре служанка низко наклонила голову и прошмыгнула вдоль стены.

Чуя неладное, он без стука ворвался в спальню Гвендолин. Комната была пуста.

С колотящимся сердцем Уоррик нагнулся, чтобы рассмотреть пятна крови на ковре, и заметил блеснувший под ногами клинок. Уоррик узнал кинжал Гвендолин: он сам подарил его сестре на пятнадцатилетие.

В тот момент, когда он взялся за рукоять, тень легла на его лицо. Уоррик медленно выпрямился: на пороге стоял лорд Гавин.

— Где моя сестра?

— Мне выпала неприятная обязанность сообщить тебе о ее кончине. Вчера, как ты сам видел, она была слишком возбуждена и вечером, вместо того чтобы скрепить наш с нею союз, предпочла броситься с лестницы вниз головой. — Не выдержав пронзительного взгляда Уоррика, лорд Гавин опустил глаза. — Увы, при падении она сломала себе шею.

— Нет... — не веря, Уоррик медленно качал головой. — Моя Гвендолин?.. Не может быть.

— Я ничего ей не сделал! — поспешно отступая на шаг, выкрикнул Гавин. — Знай я, что она так слаба рассудком, я ни за что бы на ней не женился.

— Лжешь, ублюдок, — сказал Уоррик. — Ты говоришь, она бросилась с лестницы, тогда откуда кровь на ковре?

— Это моя кровь, — Лорд Гавин протянул вперед забинтованную руку. — Леди Гвендолин, видимо, не понравилось мое обхождение. Мне очень прискорбно, что ее постигла такая участь, но не будь она так...

— Нет! — с невыносимым страданием в голосе воскликнул Уоррик. — Ни за что не поверю, что она покончила с собой. Я желаю сейчас же видеть ее тело собственными глазами!

— Пожалуйста. Оно лежит в главном зале. Глаза Уоррика расширились от ужаса.

— Что? Не в часовне? Макайворс, неужели из-за твоего подлого вранья моей сестре придется покоиться в неосвященной земле?

Лорд Гавин наклонил голову.

— Она сама в этом виновата. Она совершила тяжкий грех... Впрочем, мне только что пришлось несколько часов кряду выслушивать нравоучения от собственного отца, так что с меня довольно. Убирайся в свой Айронуорт и забудь эту неприятную историю.

Неожиданно Уоррик овладел собой и заговорил очень тихо:

— Того, что ты сделал с моей сестрой, я не забуду никогда. Ты заплатишься за это жизнью, Гавин Макайворс. Я найду тебя, где бы ты ни находился.

В серо-серебристых глазах Уоррика горела такая ненависть, что Гавин вздрогнул.

— Не надейся, что я заберу твою жалкую жизнь сейчас, ибо сегодняшней день станет для меня днем скорби по любимой сестре. Отныне ты будешь всечасно дрожать в ожидании расплаты... Смотри же в оба и не спи слишком крепко: в любой момент я могу выступить из темноты.

Страх, мелькнувший в глазах Гавина, принес Уоррику минутное утешение.

— Помни, Гавин Макайворс: в следующий раз ты увидишь меня перед своим смертным часом.

Лицо Лорда Гавина побелело.

— Он грозит мне, чертово отродье!

— Это не угроза — это обещание. До тех пор, пока не исчезнет с лица земли последний Макайворс, мы будем жить по законам кровной мести. Миру между нашими кланами не бывать.

Килмурис, 1819 г.

Больше года негодование по поводу гибели леди Гвендолин росло, углубляя старую вражду. За это время между Драммондами и Макайворсами произошло несколько мелких стычек, по счастью, пока бескровных. Наконец, пламя ненависти взметнулось так высоко, что готово было вот-вот перерасти в пожар войны.

Однажды вечером до Айронуортского замка дошли слухи, что Макайворсы выступили в поход с целью тайно пересечь границы владений Драммондов и захватить Килмурис. По прошлогоднему договору Килмурис должен был перейти к Гавину Макайворсу как часть приданого леди Гвендолин. Но отец Уоррика, терзаемый муками раскаяния из-за ее гибели, заявил, что Макайворсы не имеют никаких прав на деньги и земли его дочери, и потребовал назад приданое Гвендолин. Макайворсы, однако, думали иначе и явно не собирались ни возвращать деньги, ни отказываться от собственности на землю.

На рассвете воины вражеского клана начали во множестве скапливаться в долине, перегораживая Драммондам единственную дорогу на Килмурис.

Тронув поводья, Уоррик поравнялся с лордом Джеймсом. Глаза отца и сына встретились. Оба думали об одном и том же: сегодня Гвендолин будет отомщена. Джеймс Гленкарин смотрел на то, как спокойно его единственный сын ожидает сражения, и сердце его наполнилось невольной гордостью. Зная, что Уоррик рано или поздно займет его место, он неустанно готовил его к нелегкой жизни вождя, и сегодня ему предстояло увидеть, сколь успешно было его учение.

— Если кто-то из нас падет нынче на поле брани, это будет славная смерть, сынок.

Уоррик взглянул на отца. Клетчатый плед вождя, перехваченный у пояса ремнем, крепился на левом плече металлической пряжкой — символом власти. Берет на седеющих волосах лорда Джеймса венчало великолепное перо.

— Лучше умереть, чем отдать Макайворсам хоть пядь нашей земли.

— Хорошо сказано, сынок.

Макайворсы приближались. Вытягивая из ножен меч, Уоррик сравнил их яркие черно-красные с золотом пледы с черно-красно-белыми пледами Драммондов и усмехнулся.

— Хорошие цвета. Нетрудно будет отличить своих от врагов.

Наконец противники сошлись, и над рассветной долиной разнесся грохот мушкетов, звон мечей и людские крики.

Уоррик Гленкарин тут же показал себя прекрасным воином, нанеся подскочившему к нему Макайворсу такой сокрушительный удар, что тот вылетел из седла и угодил прямо под копыта

Уоррикова коня.

Так Уоррик впервые лишил жизни другого человека, но вдумываться в значение этого поступка было некогда. Молодой лорд действовал из самых праведных и благородных побуждений, ибо обязан был отомстить за смерть сестры и защитить фамильную честь.

Бок о бок с отцом он доблестно и беспощадно крушил своих врагов. Вскоре, однако, отца и сына разбросало в разные стороны, и Уоррик остался один против двоих Макайворсов. Он ранил в плечо одного, обернулся к другому, мечи их уже со звоном скрестились в смертной схватке — и в этот миг Уоррик заметил, что на его отца несетя Йен Макайворс. Он предостерегающе крикнул, но голос его утонул в шуме битвы. На его глазах клинок Йена Макайворса вонзился в самое сердце Джеймса Гленкарина, вождь клана Драммондов качнулся в седле и упал на землю уже бездыханным.

Уоррик как одержимый размахивал мечом, пытаясь прорваться к отцу, но Макайворсы наседали на него со всех сторон. Острая боль пронзила вдруг его затылок. Он сполз с седла и провалился в черноту.

Только когда его подняли и понесли с поля боя, он пришел в сознание и узнал, что битва закончена и что лорд Джеймс убит.

Несмотря на безмерную скорбь по отцу, Уоррик ясно видел, что, как бы ни желали оба клана объявить себя победителями, а противника побежденным, на самом деле этого сражения не выиграл никто.

Оставшиеся в живых — Драммонды и Макайворсы — молча ходили между телами, собирая раненых и мертвецов. Последним можно было даже позавидовать, ибо только они не скорбели сегодня по родным и друзьям.

Пока его несли на руках, Уоррик думал о том, что в этом бою ему не удалось отстоять честь семьи: год назад Гавин Макайворс погубил его сестру, сегодня Йен Макайворс убил отца. Когда его хотели посадить в седло, он решительно отстранил всех, сказав, что хочет встать.

Впрочем, от потери крови он так ослабел, что ему пришлось для этого воспользоваться помощью Мактавиша. Драммонды безмолвно смотрели, как их новый вождь борется со слабостью и болью. Наконец, встав на ноги, он поднял над головой отцовский меч и воскликнул:

— Клянусь, что отныне я без устали буду мстить Макайворсам! Они дорого заплатят за гибель наших людей.

Глава 1

Замок Айронуорт, Шотландия, 1833 г.

Уоррик Гленкарин, граф Гленкарин и вождь клана Драммондов, стоял у высокого окна своего фамильного замка и смотрел на серое октябрьское море. Волны с брызгами и ревом разбивались о прибрежные скалы и откатывались назад, навстречу им вскипали новые волны, и так снова и снова, до бесконечности. Лицо лорда Уоррика было хмуро.

Он думал о том, что волны Северного моря веками подтачивают утес, на котором стоит его замок, точно так же, как ненависть и гнев, давно ставшие его постоянными спутниками,

подтачивают его душу.

Вот уже много лет его не оставляла скорбь по погибшей сестре, а закрывая глаза, он до сих пор видел победный взгляд Йена Макайворса, занесшего смертоносный меч над его отцом.

Темные брови Уоррика сдвинулись к переносью, губы сурово сжались. Пока что ему как-то удавалось удерживать Макайворсов за пределами Килмуриса, но рано или поздно они все равно вступят во владение этой землей, потому что закон на их стороне.

Сегодня Уоррик был мрачнее обычного. Судя по всему, скоро ему опять предстояло сойтись лицом к лицу с заклятым врагом — не исключено, что в последний раз. За тягостными размышлениями он не заметил возникшего на пороге Мактавиша.

Мактавиш молча смотрел на него. Уоррик унаследовал титул графа Гленкарина пятнадцать лет назад, когда был семнадцатилетним юношей. За эти годы он превратился в истинного вождя, предводителя древнего рода Драммондов, и снискал любовь и уважение всего клана. Высокий, стройный красавец с черными, как смоль, волосами, серебристо-серыми пронзительными глазами и благородными чертами, он, разумеется, нравился женщинам, однако давно к этому привык и относился спокойно и без лишнего бахвальства.

Вместе с графским титулом Уоррику досталось незавидное наследство: пустой карман да многочисленные долги — плоды последних тревожных лет. Его подвиги на полях сражений сделались легендарными, и только благодаря его сильной личности клан Драммондов, в отличие от большинства других, до сих пор не развалился и держался крепко, как в прежние годы. Любой из воинов клана готов был без колебаний идти за своим отважным вождем в огонь и в воду.

— Я слышал от Хадди, что ты здесь, — заговорил, наконец, Мактавиш, — и подумал, может, захочешь поохотиться со мной сегодня? Утром я встретил в долине двух оленей-самцов, у одного на рогах было аж двенадцать отростков.

Уоррик даже не обернулся.

— Нет. Поезжай без меня.

— Поедем, сынок. Ты уже больше месяца не охотился. Скажи мне, наконец, что тебя гложет?

Уоррик провел пальцем по заиндевевшему стеклу.

— Что меня может глодать? Просто у меня есть дела поважнее охоты, и тебе это прекрасно известно.

Подойдя к окну, Мактавиш всмотрелся в отражение Уоррика в стекле.

— Что ж, если ты сегодня не настроен, я, пожалуй, тоже не поеду. В конце концов, можно поохотиться завтра.

Уоррик отошел от окна и сел в кресло с высокой кожаной спинкой.

— Как знаешь.

На душе у Мактавиша было беспокойно.

— Я слышал, утром был посыльный от короля. Что, плохие вести?

Уоррик поднял глаза. Стоявший перед ним человек, бывший в свое время другом его отца, был теперь и его лучшим другом и советчиком. Многие — хотя вслух об этом не говорилось — считали Мактавиша дядей Уоррика, побочным отпрыском его деда. Молодой лорд ценил советы Мактавиша и всегда усаживал его на почетное место рядом с собой.

Уоррик вынул из нагрудного кармана письмо и протянул Мактавишу.

— Вот, почитай сам.

— Ты забыл, я ведь не умею читать.

— Это от лорда Торндайка, полномочного представителя английского короля. Приказано через две недели явиться в Эдинбургский замок для беседы с Джиллом Макайворсом.

— Разве можно заставить графа Гленкарина встречаться с Макайворсами? — нахмурился Мактавиш. — Что ты решил? Надеюсь, не поедешь?

— К сожалению, от моего решения тут мало что зависит: я не могу оставить без внимания приказ короля. В письме сказано, что если какая-либо из сторон не пришлет на встречу своего человека, то их земли будут конфискованы в пользу английской короны.

— Так пошли меня. Я готов побеседовать с Макайворсами вместо тебя.

— Не могу, Мактавиш. Но зато могу взять тебя с собой. Не думаю, чтобы эта встреча принесла какую-то пользу, во всяком случае, мне. Ясно, кем она подстроена и кто ждет выгоды от решения лорда Торндайка.

— Да, это наверняка дело рук Джилла Макайворса, — Мактавиш хмуро уставился на стертые носы своих сапог. — Старый лис! Этому проходимцу ни в чем нельзя доверять.

— Твоя правда.

— Но ты все же поедешь?

Уоррик кивнул:

— Придется, хотя вряд ли из этого выйдет толк. Посоветуй, как вести себя с лордом Торндайком.

Серые глаза Мактавиша смотрели на него серьезно и внимательно.

— Думаю, король хочет, чтобы вы положили конец старой вражде. Как-никак, со дня смерти твоего отца между нашими кланами не было кровопролитных сражений — лишь несколько стычек, происшедших по вине Макайворсов.

— Да, сражений не было, но все же я не забыл того, что они сделали моей семье...

— Умерь свою ненависть, Уоррик. Гавин Макайворс уже несколько лет как убит... заколот кинжалом твоей сестры. По-моему, он получил по заслугам: кровь за кровь.

Хотя вопрос этот ни разу между ними не обсуждался, Уоррик подозревал, что именно Мактавиш свел счеты с лордом Гавином: Гавин был зарезан злополучным кинжалом Гвендолин, кинжал же со дня ее смерти хранился у Уоррика, и только они с Мактавишем знали где.

— Что ж, Гвендолин, возможно, отомщена, но Макайворсы не за все еще заплатили.

— Да, помню. Они похитили у тебя невесту перед самой свадьбой.

Уоррик рывком встал, глаза его презрительно сузились.

— Любая женщина может стать жертвой их распутства.

— Тогда, пожалуй, даже неплохо, что ты встречаешься с королевским уполномоченным. Высажи ему свое недовольство — может статься, из этого что-то выйдет.

— Помнится, ты еще после похищения леди Элен советовал мне обратиться к королю Уильяму. Однако король ничего не предпринял, и теперь она жена одного из этих негодяев.

— Полагаешь, они ее неволили? А я слышал, что леди Элен не очень-то противилась и охотно легла в постель Джейми Макайворса.

— Это делает оскорбление еще невыносимее, — глухо произнес Уоррик.

Мактавиш помнил, как глубоко переживал Уоррик, когда враги перехватили его невесту по пути в Айронуорт. Неважно, что до этого он виделся с леди Элен лишь однажды, неважно, что он почти не знал ее. Нанесенное оскорбление уязвило его даже сильнее, чем потеря земель и богатого приданого леди Элен.

— Из-за нашей затянувшейся усобицы король одинаково недоволен как Драммондами, так и Макайворсами, — заметил Мактавиш. — Думаю, старый Джилл Макайворс доверяет англичанам не больше нашего.

— Нелюбовь к англичанам — единственное, в чем мы сходимся. Она не перевесит нашу ненависть друг к другу, во всяком случае, до тех пор, пока моя фамильная честь не будет удовлетворена. У Макайворсов, как мы оба с тобой знаем, чести нет, и поэтому они не способны уважать ее в других, если только их к этому не принудить.

— Что бы ты ни делал, твоего отца и Гвендолин уже не вернешь. А возвращать леди Элен ты, думаю, и сам не захочешь.

— Разумеется, нет. Однако хотелось бы знать, сколь счастлива она в своем замужестве.

— Стало быть, решено, ты едешь?

— Да, хотя бы затем, чтобы присмотреться к лорду Джиллу и отыскать его слабое место. И если оно есть, если существует способ уязвить старого плута в самое сердце — я это сделаю. Я отомщу ему, Мактавиш.

— Не сомневаюсь.

— Душа моей сестры взывает ко мне из неосвященной могилы. Я не обрету покоя, пока она не будет достойно похоронена в фамильном склепе, среди наших предков!

Кале, Франция

Леди Арриан Винтер, дочь герцога Равенуортского, поглядывала с борта отцовской яхты на грозные облака над восточным горизонтом. Яхта «Соловей», имевшая семь человек экипажа

под началом капитана Норриса, везла Арриан за шесть сотен миль, через все Северное море к берегам далекой Шотландии, где ее ждал нареченный жених. Капитан обещал при благоприятном ветре подойти к берегам Шотландии уже через неделю.

Пока морской ветер, солоновато-пьянящий на вкус, играл ее длинными золотистыми волосами, она думала о том, что или, точнее, кто ждет ее в конце долгого пути. Сердце ее разрывалось от счастья: на берегу ее встретит суженый — лорд Йен Макайворс.

Любит ли он ее так же сильно, как она его? Считает ли дни до начала их супружеской жизни?

Ей вспомнились детские годы, когда они вместе с братом Майклом и тетужкой Мэри уезжали на лето к прадедушке в Шотландию. В те времена Йен едва замечал ее.

Потом незаметно, как всегда, воспоминания унесли Арриан в счастливый день тринадцатилетия, когда она впервые поняла, что любит...

В тот день с самого утра Йен был к ней особенно внимателен и учтив, а вечером разыскал ее в саду, куда она вышла подышать свежим воздухом, и протянул ей целую охапку дикого вереска.

— Я хотел вручить тебе свой подарок, когда мы будем одни, — произнес он, улыбаясь и глядя на нее сверху вниз.

Арриан дотронулась пальцем до нежно-лиловых лепестков.

— Как красиво, — пролепетала она, в благоговейном страхе глядя на Йена. Он был такой высокий, мужественный.

— Знаю, что столь необычный подарок не все могут оценить, Арриан. Но я подношу его тебе в знак искреннего расположения... и, кроме того, преследую одну тайную цель.

С этими словами он поднес ее руку к губам, и сердце ее замерло в груди.

— Какую же? — теплые губы коснулись ее запястья, и она затрепетала от восторга.

— Я хочу, чтобы ты не забывала Шотландию — и меня.

— Я буду помнить, обещаю, — с сияющими глазами отвечала она.

— Ты так юна... Поймешь ли ты, с каким нетерпением я ждал, когда ты вырастешь? Впрочем, ты и сейчас еще дитя.

Арриан не верила своим ушам. Что это — Йен признается ей в любви?

— Мне уже тринадцать, — сказала она. Он коснулся ее щеки.

— Тринадцать лет — это еще очень мало, Арриан.

— Я повзрослею, — не зная, что думать, пообещала она.

— Конечно, моя юная прекрасная леди. Но там, в далеком Лондоне, в кругу поклонников, готовых на все ради твоей улыбки, вспомнишь ли ты обо мне?

— О да! — Глаза ее вспыхнули ярче прежнего. — Я буду помнить тебя всегда.

Он нежно привлек ее к себе. Ей уже казалось, что он собирается ее поцеловать, но он лишь воткнул вересковую веточку в ее волосы.

— Что ж, Арриан, постараюсь почаще напоминать о себе. Придется иногда навещать в Англию, чтобы ты меня не забыла.

Глаза Йена говорили о любви, и Арриан вдруг почувствовала, что сердце ее отныне принадлежит этому человеку.

Ветер задул сильнее, обжигая щеки Арриан и подстегивая воспоминания. Йен сдержал слово: после того разговора в вечернем саду он стал приезжать в Англию. В день ее семнадцатилетия он признался ей в любви, а она без колебаний согласилась пойти за него замуж.

Интересно, думала Арриан, глядя на набегающие с востока тучи, скоро ли начнется шторм? Наконец ей стало холодно, она плотнее завернулась в плащ и спустилась по трапу вниз. Легонько постучав в одну из дверей, она вошла в полутемную каюту.

На постели, среди множества шелковых подушек и подушечек, возлежала ее двоюродная бабушка, которую Арриан с детства привыкла называть тетушкой Мэри. От качки голова ее клонилась то вправо, то влево, и, хотя плавание только началось, почтенная леди выглядела очень неважно.

Арриан села на скамеечку у изголовья и, ласково взяв тетушку Мэри за руку, сплела свои пальцы с безвольными тетушкиными.

— Тетушка, миленькая, скажите, чем облегчить вашу участь?

— Терпеть не могу морских прогулок, особенно в шторм, — со стоном отозвалась леди Мэри Ринд-холд. — Боже правый, знай я, что в марте море еще такое бурное, ноги бы моей не было на этой яхте.

Сказать по правде, на «прогулке» настояла сама леди Мэри, желавшая непременно попасть в Шотландию раньше родителей и брата Арриан, но, по разумению Арриан, вряд ли стоило ей сейчас об этом напоминать.

— Может, мне лучше уйти, чтобы вы отдохнули?

— Нет. Поговори со мной — может, я хоть немного отвлекусь от этой ужасной качки.

Арриан опять вспомнила Йена, и глаза ее подернулись мечтательной дымкой.

— Я вот думаю, тетушка Мэри: способны ли мужчины любить так же искренне и глубоко, как женщины? Мне кажется, да.

Леди Мэри сначала проворчала что-то себе под нос, потом сказала вслух:

— Мужчины, сколько я их знаю, способны на очень сильные и глубокие чувства, но только у них это большая редкость.

— А мой папа? А дядя Джордж? Ах, как бы мне хотелось, чтобы Йен когда-нибудь смотрел на меня такими глазами, какими папа смотрит на маму!

— Что верно, то верно, Кэссиди повезло с твоим отцом, как в свое время мне с Джорджем, — взгляд ее смягчился. — Такие люди, как твой отец или дядя Джордж, вообще нечасто

встречаются. Впрочем, — тут же со свойственной ей прямою добавила она, — я не уверена, что твой Йен окажется таким же прекрасным супругом.

— Ах, тетушка, вы несправедливы к Йену! Он необыкновенный.

— Еще бы ты считала его обыкновенным!

— Знаете, мне ведь было всего тринадцать, когда я решила выйти за него замуж. Но до прошлого лета, когда он приехал к нам в Равенуорт, я думала, что мои мечты так и останутся мечтами... До сих пор не могу поверить, что он в меня влюблен!

— Арриан, ведь не слепец же он! Как можно не влюбиться в такую красавицу?

Арриан недоверчиво заглянула тетушке в глаза.

— Неужели я так хороша?

— Ну, в этом ты и без моих слов могла убедиться хоть тем же прошлым летом. Ведь не один Йен на тебя заглядывался: помнится, ухажеров вокруг тебя крутилось — не счесть.

Прищурившись, леди Мэри попыталась взглянуть на свою внучатую племянницу глазами Йена Макайворса. Да, ее Арриан, от шелковистого золота волос до изящных ступней, была само совершенство. Куда бы она ни вошла, взгляды присутствующих неизменно обращались к ней. Ее небесно-голубые глаза искрились счастьем и жизнерадостностью. Пожалуй, любая другая на ее месте давно превратилась бы в капризную, избалованную девицу, однако Арриан, хорошо усвоившая воспитание своей приемной матери, покоряла всех скромностью и добротой.

— Дай бог, чтобы Йен оказался достоин тебя, Арриан. Знаешь, почему я настояла, чтобы мы с тобой пустились в путь пораньше? Хоть он мне и родной племянник, все же я должна своими глазами увидеть, что он собою представляет. До вашей свадьбы еще два месяца, так что у меня будет время к нему хорошенько присмотреться.

— Он чувствует, что вы к нему присматриваетесь, — улыбнулась Арриан, — и, кажется, робеет в вашем присутствии.

— С чего бы он робел, если ему нечего скрывать?

Арриан весело рассмеялась:

— Ах, тетушка, думаю, ваша суровость может отпугнуть всякого, кто не знает вас, как я.

— Что еще за суровость? Вздор!

— Не вздор, тетушка, а шотландская кровь.

— Ну, шотландская кровь в тебе тоже есть. Твоя родная мать ведь была наполовину шотландка.

— Я горжусь своим шотландским родством.

— Так-то оно так, да только воспитана ты по-английски, и жизнь в Шотландии может показаться тебе несладкой.

Арриан улыбнулась:

— Все равно я буду Йену хорошей женой!.. Как вы думаете, он встретит нас на берегу?

— Разумеется, встретит! А как же иначе?

Лицо тетушки покрылось вдруг нездоровой бледностью, и Арриан проворно поднесла ей тазик. Когда рвотный приступ миновал, леди Мэри без сил откинулась на подушки, а Арриан омыла ее лицо прохладной водой.

— Если нас и дальше будет так болтать, я умру, — простонала леди Мэри. — Право, скорее бы уж!

Арриан, которая в жизни не страдала морской болезнью, невольно почувствовала себя виноватой. Но что она могла поделать — ведь они с братом почти что выросли на «Соловье»!

— Милая тетушка, не говорите так... Знаете, Таттл, бедняжка, тоже лежит в своей каюте и мучается — совсем, как вы.

— Ну, мне-то от этого не легче. Впрочем, довольно разговоров! Ступай, мечтай о своем замужестве, ты мне сейчас ничем не поможешь.

— Может, мне все-таки остаться?

— Нет, ступай. Я постараюсь уснуть.

Арриан заботливо укрыла измученную леди Мэри и перевела взгляд на бьющую в стекло волну. Некоторое время она продолжала сидеть у тетушкиного изголовья, вспоминая грустную сцену прощания с семьей.

А как чудно они отдохнули во Франции! Днем бродили по музеям и паркам, устраивали пикники, вечером все вместе выезжали на концерты, в театры или на музыкальные вечера.

Спасибо маме, это она придумала ехать в Париж. Она заявила, что у Арриан непременно должно быть «парижское приданое», и теперь трюмные отсеки яхты были забиты сундуками, полными прекрасных платьев и прочих дамских аксессуаров.

Арриан знала, что эти счастливые дни навсегда останутся в ее памяти и что после свадьбы, когда ее родные уедут домой, она будет отчаянно тосковать по родителям, по брату и, конечно же, по милой тетушке Мэри.

От свадьбы мысли ее незаметно вернулись к жениху. Йен Макайворс, статный красавец, был, казалось, рожден для того, чтобы стать вождем. Когда-нибудь он возглавит древний клан Макайворсов, Арриан же постарается быть ему достойной супругой.

Глава 2

Эдинбург, спустя две недели

Было пасмурное утро, и от тусклого света, струившегося в высокие окна Эдинбургского замка, комната заседаний казалась особенно темной и унылой.

Йен Макайворс, будущий вождь клана Макайворсов, стоял, заложив руки за спину, и смотрел на вулканические скалы у подножия замка. У Йена было подвижное выразительное лицо с большим лбом и глубоко сидящими карими глазами. Его желтые, как песок, волосы были

откинута назад. Отвернувшись от окна, он перевел взгляд на трех своих сородичей и младшего брата Джейми — все они приехали из Давиншема вместе с ним. Джейми, приоткрыв полу куртки, показал ему рукоять заткнутого за пояс пистолета, и Йен одобрительно кивнул.

— Только смотри, чтобы никто не видел, — предостерег он. — Велено было являться на встречу без оружия.

Джейми торопливо одернул куртку и сказал:

— Я не намерен встречаться с Уорриком Гленкарином с голыми руками. Во-первых, я не доверяю ему: говорят, он на все способен. А во-вторых — хотя он, конечно, ненавидит нас всех, но против меня у него зуб особый.

Йен оглянулся на жену Джейми, сидевшую в полумраке в глубине комнаты. Еще недавно леди Элен слыла красавицей, теперь же от ее бывшей привлекательности ничего не осталось. Лицо, когда-то поражавшее безупречной белизной и румянцем, покрылось некрасивыми пятнами, живот раздулся, и вся она расплнела и сделалась грузной и неповоротливой.

— Хорошо, что мы прихватили с собой твою жену. Пусть лорд Уоррик своими глазами увидит, как в ней прорастает Макайворсово семя, пусть услышит от нее самой, что она добровольно предпочла ему тебя.

Леди Элен, разумеется, догадывалась, что мужчины используют ее как орудие в своей опасной игре, и ехала на встречу с большой неохотой. Теперь она украдкой озиралась по сторонам и беспокойно сплетала и расплетала пальцы. Лорд Уоррик славился на всю Шотландию горячим нравом. Вдруг его гнев обратится сегодня против нее?

— Конечно, дед вряд ли одобрил бы нас, прознай он, что мы взяли ее с собой. Он ведь, в отличие от меня, только и мечтает, как бы поскорее уладить распри с Драммондами, — Йен сощурил глаза и довольно улыбнулся. — То-то Уоррик взбеленится, когда увидит ее, то-то покажет англичанину свой дьявольский норв!

В этот момент за открытой дверью послышались шаги, и на пороге появились двое. Первым шел полномочный представитель Его Величества, за ним — лорд-мэр города Эдинбурга.

Йен придвинулся к брату.

— Надеюсь, — пробормотал Йен, — нам удастся склонить этого англичанина на свою сторону — тогда Драммондам несдобровать. Не в сражении, так в переговорах, не оружием, так королевским судом — уж как-нибудь мы уложим лорда Уоррика на лопатки.

Джейми с восхищением взглянул на старшего брата.

— Да, Йен, думаю, что тебе это по силам!

— Все англичане — глупцы, — успел шепнуть Йен, пока лорд Торндайк и сэр Бродрик приближались к ним. — Смотри и учись, как просто один шотландец может их перехитрить.

— Господа, — явно кичась своей ролью в сегодняшней встрече, объявил сэр Бродрик. — Я имею честь представить вам лорда Торндайка, полномочного представителя Его Величества и посредника в переговорах между домом Драммондов и домом Макайворсов. Ваша милость, позвольте представить вам лордов Йена и Джейми Макайворсов, родных внуков лорда Джилла Макайворса.

Лорд Торндайк кивнул Йену и Джейми:

— Насколько я понимаю, вы будете говорить от лица своего деда?

— Совершенно верно, — подтвердил Йен.

— Кто эти трое? — нахмурился лорд Торндайк, заметив сопровождающих Йена.

— Это мои люди, они приехали проследить за тем, чтобы встреча прошла без осложнений, — отвечал Йен.

— Посторонние не должны участвовать в переговорах. Если они останутся, пусть наблюдают за встречей издали.

Йен сделал знак своим людям отойти в другой конец комнаты.

Взгляд лорда Торндайка озадаченно остановился на леди Элен.

— А это еще кто такая? — спросил он, досадуя на обилие незваных гостей. — Разве вам не сообщили, что беседа будет носить частный характер?

— Это всего лишь моя жена, — сказал Джейми. — Она, как видите, на сносях, и для собственного спокойствия я везде вожу ее с собой. Постараюсь, чтобы она нам не мешала.

Лорд Торндайк окинул Джейми недовольным взглядом.

— Да уж постарайтесь, — сказал он. — Если я правильно понимаю, лорд Уоррик еще не прибыл?

— А чего еще ждать от горца? — отозвался Йен. — Они всегда поступают, как им нравится, людские законы им не указ.

Однако лорд Торндайк был проницательный человек и опытный политик — качества, благодаря которым он и удостоился нелегкой миссии улаживания отношений между кланами. К тому же король Уильям особо предостерегал его, от каких бы то ни было дискуссий по поводу личных достоинств горцев и жителей равнин.

— Назначенное время еще не наступило, — сухо сказал он, подходя к столу и расстегивая кожаную сумку для бумаг. — Мне нужно подготовиться к встрече, вас же пока прошу располагаться удобнее. Впереди тяжелый день, — он обернулся к сэру Бродрику. — Благодарю вас, вы нам больше не понадобится. Когда появится лорд Уоррик, сразу же направьте его к нам.

— Ишь, как лебезит перед англичанином, — процедил Йен, когда лорд-мэр поспешно удалился. — Чтобы шотландец слушался приказа какого-то паршивого чужака — тьфу, смотреть тошно!

— Зато тебя никто не заставит лебезить, — с гордостью заметил Джейми. — Думаю, сегодня все выйдет по-твоему.

Йен не успел ответить, потому что в этот момент дверь распахнулась и в комнату вошли еще два человека.

Старшего из них Йен тут же отмел как фигуру незначущую и больше о нем не думал. Однако

отмести так же и второго он при всем желании не мог. Этот второй отличался горделивой посадкой головы и был одет в черное с головы до пят, лишь наброшенный на плечо фамильный плед — непременный атрибут одеяния вождя — ярко выделялся на черном фоне. Войдя, он с порога окинул комнату равнодушным взглядом. Последний раз Йен видел его во время сражения за Килмурис, но это было давно, когда лорд Уоррик был еще не оперившимся юнцом, теперь же от него исходило ощущение силы и уверенности. Йен не был трусом, однако что-то во взгляде вошедшего заставило его сердце сжаться.

— Это он? — шепнул Джейми. Макайворс-младший уже много лет слышал рассказы о легендарном вожде Драммондов, но видеть его воочию пока не приходилось.

Уоррик Гленкарин был темноволос и смуглолиц; цвета глаз издали было не разобрать, зато хорошо было видно сквозившее в них презрение. Кажется, сегодняшние переговоры были ему не по нраву.

— Однажды я здорово огрел его рукоятью меча, — сказал Йен. — Это было в день свадьбы нашего отца с его сестрой. Жаль, что не прибил совсем. Теперь его так просто уже не зашибешь. Что ж, попробуем при случае поставить его перед выбором — смерть или бесчестье. Не сомневаюсь, что он выберет смерть.

— А с виду настоящий дикарь, — заметил Джейми. — Одно слово — горец.

В тот момент, когда лорд Торндайк поднялся навстречу вошедшему, часы на камине пробили назначенное время.

— Лорд Торндайк, — представился королевский уполномоченный. — Вы очень точны, лорд Уоррик.

Уоррик неприязненно взглянул на Йена, но тут же снова отвернулся к англичанину.

— Не привык ждать или заставлять ждать. Я ценю свое время так же, как вы, вероятно, цените свое. Со мною мой друг, Мактавиш. Впрочем, — добавил он, снова окинув взглядом людей Йена, — мы с ним, кажется, в меньшинстве.

— Как видите, — кивнул лорд Торндайк. — Итак, приступим? Знакомы ли вы с Йеном Макайворсом?

Скривив губы, Уоррик перевел взгляд на Йена.

— Больше понаслышке. Правда, однажды мы с ним столкнулись на свадебном пиру, — он прищурился. — И еще раз... в день смерти моего отца.

Пока они неподвижно стояли друг против друга, как два хищника перед схваткой, их ненависть, казалось, волнами распространялась на всю комнату.

Наконец Йен нарушил молчание.

— Думаю, лорд Уоррик должен быть наслышан и о моем младшем брате, — подталкивая вперед Джейми, сказал он. — Джейми — муж леди Элен.

Когда горящие глаза Уоррика обратились на Джейми, у того перехватило дыхание. Он вздрогнул и, не в силах отвернуться, попятился.

— Ах да, счастливый супруг, — процедил Уоррик. — Ну, дай бог, дай бог, Джейми Макайворс. Правда, взявши женщину силой, трудно рассчитывать на ее искреннюю привязанность.

— Но я... — От волнения в горле у Джейми пересохло, и он умолк.

Йен поспешил ему на выручку:

— Леди Элен вышла за моего брата по любви и уже носит под сердцем его ребенка.

— Прекрасно, — отвечал Уоррик с улыбкой, отнюдь не смягчившей его взгляда. — Уверен, что вместе они нарожают много маленьких Макайворсов для укрепления рода.

Чувствуя, что ненависть этих двоих в любой момент может выплеснуться наружу, лорд Торндайк торопливо вмешался:

— Садитесь, джентльмены. Сегодня нам с вами предстоит многое обсудить. Согласно королевскому приказу мы не должны покидать комнату заседаний до тех пор, пока стороны не придут к удовлетворительному соглашению.

Уоррик удивленно взглянул на англичанина:

— Но где же лорд Джилл? Он что, опаздывает?

Лорд Торндайк заметно смутился.

— Лорд-мэр уведомил меня, что вместо вождя в сегодняшней беседе будет участвовать его внук и наследник Йен Макайворс. Надеюсь, у вас нет возражений?

Губы Уоррика презрительно скривились.

— Я ехал на встречу с Джиллом Макайворсом. Чего ради я должен вести переговоры с каким-то выскочкой, если слово его все равно не имеет веса?

Йен оскорбленно вскочил на ноги и потянулся было за мечом, но у пояса его рука наткнулась на пустые ножны.

— Он заплатит мне за это! А я... я не желаю более находиться в одной комнате с грязным горцем.

Но не успел он договорить, как Уоррик притянул его к себе за грудки и сильно встряхнул.

На помощь брату кинулся Джейми, однако, натолкнувшись на предостерегающий взгляд Уоррика, быстро стушевался. Правда, под ребро ему давила холодная рукоять пистолета, но руки так тряслись, что он и думать не смел об оружии.

— Йен Макайворс, убирайся к своему деду и передай, чтобы он не подсылал вместо себя недостойных, с которыми мне не о чем говорить. Я ехал сюда по королевскому приказу — такой же приказ, насколько я понимаю, был получен лордом Джиллом — и мысли не допускал о том, что на встречу со мною вместо него явится вся его родня...

Понимая, что силой разгневанного шотландца остановить будет трудно, лорд Торндайк быстро проговорил:

— Я как раз собирался передать вам просьбу лорда Джилла. Не соблаговолите ли вы ее

выслушать?

Уоррик отшвырнул от себя Йена, так что тот налетел задом на стол.

— Я выслушаю ее, но предупреждаю: если эта просьба придется мне не по душе, я оставляю за собой право немедленно уйти.

— Мне сообщили, что лорд Джилл Макайворс нездоров, — сказал лорд Торндайк. — Ему ведь уже восемьдесят три.

— Да, это немало, — кивнул Уоррик. — Но мне доподлинно известно, что для своих лет он на удивление крепкий старик. — Он метнул насмешливый взгляд в сторону Йена и Джейми. — Так что вряд ли ваш дед не пожелал встретиться со мною по слабости здоровья. Думаю, у него есть на то какая-нибудь другая причина.

Йен открыл уже рот, чтобы ответить, но его перебил лорд Торндайк:

— Да, есть еще одна причина, по которой лорд Джилл не смог приехать. Он готовится к встрече своей правнучки — нареченной невесты Йена Макайворса.

Эти слова, однако, не произвели на Уоррика должного впечатления.

— Не понимаю, почему из-за этого он не мог приехать на переговоры?

— Невеста лорда Йена — дочь герцога Равенуортского, и долг лорда Джилла перед королем оказать ей все подобающие почести. Кроме того, на встречу с дочерью герцога приедет посланец Его Величества. Думаю, вы согласитесь, что основания для отсутствия лорда Джилла на сегодняшних переговорах достаточно веские.

Самодовольная улыбка Йена убедила Уоррика, что лорд Торндайк говорит правду.

— Мои поздравления, — сказал Уоррик. — Уверен, что английская невеста достойна своего жениха.

Лорд Торндайк шагнул вперед.

— Наши переговоры не место для взаимных колкостей и упреков. Извольте вести себя так, как приличествует джентльменам в вашем положении, в противном случае по возвращении в Лондон мне придется рекомендовать королю выслать войска для подавления обоих враждующих кланов.

Противники немедленно смолкли: никому не хотелось втягивать в свои отношения королевские войска.

— Так говорите, что вам от нас нужно, — произнес, наконец, Уоррик. — Вынужден заметить, что дома меня ждет множество дел.

Лорд Торндайк откашлялся:

— Не возражаете, если я перейду прямо к делу, минуя формальности?

Уоррик взглянул на Йена, который в этот момент одергивал куртку, и, чуть помедлив, ответил:

— Лорд Торндайк, чтобы остаться, я должен быть уверен, что вы не на стороне Макайворсов.

— Я на стороне короля! — с негодованием произнес лорд Торндайк. — И всякий, кому угодно в этом сомневаться, волен покинуть комнату заседаний. Нет? В таком случае прошу садиться, и перейдем к делу.

Уоррик и Йен сели за стол, и в комнате повисла тревожная тишина. Все неотрывно следили за лордом Торндайком, который отыскивал среди бумаг нужные документы.

— Начнем с заявления лорда Джилла Макайворса, — заговорил королевский уполномоченный. — Он жалуется Его Величеству, что вы, лорд Уоррик, отказываетесь пропускать его людей через свои земли в Килмурис, являющийся законной собственностью Макайворсов. Он также пишет о том, что его люди часто подвергаются нападениям со стороны Драммондов.

Уоррик прямо взглянул на Йена:

— Я и впредь не намерен пропускать Макайворсов в Килмурис, поскольку они не имеют на эту землю никаких прав. Килмурис мой.

— На чем основывается ваше утверждение? — спросил лорд Торндайк.

Уоррик вздохнул. Вероятнее всего, сегодня он просто потеряет время: вряд ли можно рассчитывать на то, что суд королевского посланника окажется беспристрастным.

— В 1818 году Килмурис был выделен моей сестре Гвендолин как часть приданого. Но, питая известное недоверие к Макайворсам, мой отец отказался передать право на владение Килмурисом непосредственно жениху, — глаза Уоррика сверкнули холодным слюдяным блеском. — Несмотря на то, что накануне моя сестра пребывала в добром здравии, в ночь свадьбы она умерла при загадочных обстоятельствах.

— Я слышал об этом. Впрочем, продолжайте.

— На другое утро мне сообщили, что моя сестра сама, без всякой причины, бросилась вниз головой с лестницы, но, зная ее набожность, я прекрасно понимал, что она никогда не решилась бы покончить с собой. Погребение в неосвященной земле всегда казалось ей страшнее самой смерти.

— Боюсь, что все происшедшее в ту ночь так и останется для нас тайной за семью печатями, поскольку ни вашей сестры, ни ее супруга уже нет с нами, — заметил лорд Торндайк.

— В таком случае, милорд, — продолжал Уоррик, — объясните мне, почему ни наши исконные земли, ни прах моей сестры до сих пор не возвращены нам? За эти годы мы многократно обращались к вашему королю — точнее сказать, к трем вашим королям, — однако наши требования так и не были услышаны.

— Для того я и прибыл сюда сегодня, чтобы выслушать все требования сторон и, взвесив все, сделать на сей счет собственное заключение.

— Любопытно было бы знать, сколь справедливо будет это ваше заключение.

— Об этом вы сможете судить сами по окончании переговоров.

Уоррик недоверчиво усмехнулся:

— Что бы вы сказали о человеке, который похитил невинную девушку перед самой ее свадьбой, силою увез ее к себе и заставил стать его женой? Какое заключение вы вынесли бы на его счет?

Лорд Торндайк догадывался, что в ходе разрешения спора между враждующими домами столкнется с немалыми трудностями, но к столь неожиданному повороту он все же не был готов.

— Лорд Уоррик, если обвинение будет обосновано, то, по моему разумению, обидчика следует судить без всяких поблажек.

— Тогда, — Уоррик указал на Джейми, — судите его. Джейми Макайворс — гнусный похититель, укравший у меня невесту. Судите его, если хотите убедить меня в справедливости вашего суда.

Лорд Торндайк обернулся к Джейми:

— Справедливо ли это обвинение? Отвечайте.

Джейми проворно вскочил со своего места и поспешил в дальний угол комнаты. Схватив за руку леди Элен, он потащил ее за собой.

— Позвольте представить вам мою жену, лорд Торндайк. Пусть она сама ответит вам, неволил ли я ее идти за меня.

Джейми вытолкнул Элен вперед, и она остановилась перед столом, низко опустив голову и не смея поднять глаз.

— Не бойтесь, миледи, говорите, — мягко сказал лорд Торндайк. — Я жду от вас правдивого ответа.

Когда Уоррик увидел свою бывшую невесту с животом, раздувшимся от ненавистного Макайворсова семени, глаза его вспыхнули негодованием.

— Я... — Элен облизнула пересохшие губы. — Я... люблю своего супруга, — она никак не могла заставить себя взглянуть на сидящих за столом мужчин.

Однако Уоррик все же решил выяснить все до конца.

— Миледи, так вы утверждаете, что вы не пленница в Давиншемском замке и живете со своим супругом по доброй воле?

Элен наконец осмелилась поднять глаза.

— Я довольна своей участью, лорд Уоррик. Со временем я поняла, что с вами я... не была бы счастлива. Пожалуй, я вас немного побаивалась. Вы ведь помните, что наш с вами союз заключался... не по любви.

Уоррик почувствовал, как его охватывает неудержимый гнев. Неважно, что он никогда не любил свою невесту. Она должна была быть его женой, а ребенок у нее под сердцем должен был стать его ребенком.

— Я тоже доволен тем, что все обернулось именно так, миледи, — холодно сказал он ей. — Право, мне не хотелось бы, чтобы следующий граф Гленкарин оказался произведен на свет

женщиной со столь переменчивым сердцем. Лорд Торндайк, — он обернулся к королевскому представителю, — можете что угодно говорить обо мне своему королю, но больше я не намерен оставаться в обществе Макайворсов ни одной минуты. — С этими словами Уоррик в сопровождении Мактавиша решительно направился к выходу.

Когда дверь за ними захлопнулась, губы Йена расплылись в довольной улыбке.

— Вот видите, лорд Торндайк. Разве с Драммондами можно о чем-то договориться? Мой дедушка надеется, что вы прикажете лорду Уоррику открыть нам дорогу на Килмурис и не препятствовать проходу в наши законные владения.

Глаза лорда Торндайка недобро сверкнули.

— Не трудитесь указывать решения мне и Его Величеству, — сказал он, убирая бумаги обратно в сумку. — Насколько я могу судить, в срыве сегодняшних переговоров виноваты вы, лорд Йен. Вы нарочно привезли с собой леди Элен, дабы вызвать гнев лорда Уоррика. Будь я на его месте, я, вероятно, вел бы себя так же.

Лицо Йена посуровело.

— Вы, кажется, собираетесь занять сторону Драммондов? Предупреждаю, что мой дедушка этого не потерпит. Я бы посоветовал вам...

— Оставьте свои советы при себе, — прервал его лорд Торндайк. — И передайте вашему дедушке, что окончательное решение вопроса остается за королем. А вы, Джейми Макайворс, объясните лорду Джиллу, что английская корона не намерена оправдывать похищение невест, какие бы побуждения ни толкнули похитителей на сей преступный шаг. На вашем месте я бы благодарил небо за то, что лорд Уоррик явился сюда без оружия. Будь он вооружен, боюсь, даже мое присутствие не удержало бы его от скорой расправы. Вы оскорбили его достоинство, а он, судя по всему, не привык оставлять подобные оскорбления безнаказанными.

Джейми гордо расправил плечи.

— Я его не боюсь!

— Всего хорошего, джентльмены. В свое время я изведу вас об окончательном решении, — лорд Торндайк твердыми шагами пересек глянцевого поблескивающий пол комнаты заседаний и затворил за собою дверь.

— Может, не стоило везти сюда Элен? — спросил Джейми, не совсем понимая, какого «окончательного решения» им следует ждать.

Йен нетерпеливо отстранил брата.

— Поезжай домой и расскажи деду о том, как все было, — он прищурился. — Не забудь сказать, что лорд Уоррик ушел первым. А что касается твоей жены... думаю, не обязательно упоминать, что она ездила с нами.

— Почему бы тебе самому не поговорить с ним? — Джейми был явно смущен. — Ты же знаешь, дедушка меня недолюбливает.

— У меня есть дело поважнее: мне нужно встречать невесту. Я хочу успеть в порт к прибытию ее яхты.

— Повезло тебе с нашей кузиной, Йен. Мало того, что она красавица, еще и дочь такого богача.

— Да, Джейми, мне повезло. Во всяком случае, я в отличие от тебя женюсь по любви.

Глаза леди Элен, слышавшей разговор братьев, наполнились слезами. Увы, ей пришлось выйти замуж отнюдь не по любви, к тому же супруг ее оказался человеком совершенно безвольным. Он всегда тенью следовал за старшим братом и, кажется, вовсе не имел собственного голоса. Правда, в глубине сердца Элен чувствовала, что без Йена Джейми, возможно, был бы другим. Иногда он действительно обращался с нею как любящий супруг и как будто с нетерпением ждал рождения ребенка. Сейчас, когда она, с трудом передвигаясь, подошла к мужу, Джейми лишь скользнул по ней равнодушным взглядом и отвернулся. Но по ночам, когда Йена не было рядом, он порой шептал ей на ухо нежные слова, и тогда она засыпала в его объятиях и чувствовала себя почти счастливой.

Выйдя из замка в сопровождении Мактавиша, Уоррик вскочил в седло и поскакал прочь из Эдинбурга. На его плечи давила тяжесть предательства, на лице застыло выражение слепой ярости. И так, леди Элен не желает, чтобы ее вызволяли из неволи! Он повернул лошадь на север, в сторону родных гор. Да, сегодня он проиграл. Лорд Торндайк наверняка вынесет решение по Килмурису в пользу Макайворсов, и он, Уоррик, будет бессилен перед судом англичанина.

Северное море бушевало все сильнее, швыряя «Соловья» из стороны в сторону, подобно легкой скорлупке. Три дня в мачтах свистел ветер, по палубе хлестал дождь, и шторм, судя по всему, не собирался утихать. На четвертый день ветер как будто ослабил свой напор, и волны перестали перехлестывать через борт. Леди Мэри лежала в каюте едва живая.

Арриан, сидя у тетушкиного изголовья, пыталась внушить ей, что худшее позади, но несчастная леди Мэри ничего не желала слушать.

Послышался негромкий стук, и Арриан встала, чтобы отворить дверь. На пороге стоял улыбающийся капитан Норрис.

— А, входите, капитан! Может, хоть вы поможете мне убедить тетушку, что шторм уже миновал.

Рослому капитану пришлось нагнуться, чтобы не задеть головой за притолоку. Арриан помнила и любила его с самого раннего детства. У него было обветренное загорелое лицо, а когда он улыбался, в углах глаз собирались глубокие морщины. Входя, капитан сунул шляпу под мышку.

— Леди Мэри, я хочу посоветоваться с вами о выборе дальнейшего курса.

Голова леди Мэри слабо качнулась на подушке.

— Из чего вы предлагаете выбирать?

— Как вам известно, мы следовали в порт Лейт, но, к сожалению, нас отнесло далеко в сторону, и сейчас мы находимся в Мори-Фертском заливе.

— Как можно было так сбиться с курса? — изумилась леди Мэри.

— Шторм, миледи.

— И что же теперь делать? Говорите, капитан.

— Буду с вами вполне откровенен. Море в направлении Лейта, конечно, еще не спокойное, но шторм уже идет на убыль, так что, если мы двинемся дальше намеченным курсом, надеюсь, что так болтать нас уже не будет.

Леди Мэри отчаянно замотала головой.

— Ни за что! Еще одного шторма мне просто не выдержать. Лучше уж добираться сушей.

— Но, миледи, не забывайте, что земля, которую мы видим на горизонте, — это побережье Северной, а не Южной Шотландии.

— Все равно. Я хочу сойти на берег в ближайшем порту. Какой порт от нас ближе всего?

— Раттри-Хед, миледи.

— Стало быть, направляйтесь прямо туда и высадите нас с племянницей на берег. Там я найму экипаж, он и довезет нас до места.

— Ваша милость, позвольте вам заметить, что это отнюдь не лучший выбор. Северная Шотландия — дикая страна. К тому же в горах на вас в любую минуту может обрушиться метель... Морем будет гораздо безопаснее.

Леди Мэри упрямо подняла подбородок.

— Мы сегодня же сходим на берег. Капитан Норрис как будто хотел еще что-то возразить, но не посмел.

— Как угодно, миледи. Но позвольте хотя бы двум моим матросам сопровождать вас верхом.

— На что нам матросы на суше?

— Ну, — улыбнулся капитан, — если понадобится, они и на суше могут стрелять так же метко, как на море.

— Нет уж, обойдемся без стрелков-сопровождающих. Лучше я найму в деревне пару надежных проводников. У ваших матросов такие английские физиономии, что первый же встречный шотландец, чего доброго, захочет перерезать им глотки.

Поднявшись на палубу, Арриан шагнула к борту и устремила разочарованный взгляд вдаль. Ей так ясно виделась их с Йеном встреча: он будет ждать ее в порту, и оттуда они вместе поедут в дедушкин замок...

Она всматривалась в берег, едва различимый в тумане.

— Дикая страна, — сказал капитан.

Да, такая она и с виду — дикая, темная, негостеприимная. Над горизонтом скапливались зловещие облака.

Арриан поежилась. Хорошо бы тетушка передумала, и они бы остались на «Соловье».

Утро было ветреное и холодное, редко-редко меж облаками прорывался случайный солнечный луч. Арриан вслед за тетушкой опустилась на холодное сиденье почтовой кареты, и лошади рысцой двинулись с постоялого двора.

К неудовольствию леди Мэри, обе служанки — ее и Арриан — были еще очень плохи. Понимая, что две больные женщины в Шотландских горах будут только лишней обузой, она приказала им следовать в Лейт с капитаном Норрисом.

Окутавший карету густой туман, казалось, начисто отрезал двух пассажиров от внешнего мира.

Снаружи доносился лишь приглушенный стук копыт о мерзлую дорогу.

Арриан, решив, что от уныния проку мало, ободряюще улыбнулась тетушке. Леди Мэри сидела, укутанная шерстяными платками так, что видно было только лицо.

И все же леди Мэри была необыкновенная женщина. Арриан прекрасно понимала, что если уж суждено несколько дней кряду трястись в холодной карете, то лучшей попутчицы, чем ее двоюродная бабушка, нельзя и желать. Уже будучи вдовой, леди Мэри Риндхолд снискала себе славу устроительницы лучших праздников и балов. Приглашение на вечер к леди Мэри высоко ценилось среди лондонской знати. Годы не тронули ее такой, казалось бы, хрупкой красоты, и кожа ее до сих пор осталась гладкой, как у девушки. К тому же она была обаятельна и умна, и внучатая племянница просто обожала ее. Не снимая перчаток, Арриан наклонилась вперед и тронула леди Мэри за рукав.

— Как вы, тетушка? Получше?

— Не сказала бы. Мало того, что меня все еще мутит после вчерашнего шторма, теперь к тому же заломило кости. Вот увидишь, скоро пойдет снег: перед непогодой у меня всегда начинает болеть то одно, то другое.

Арриан спрятала руку обратно в горностаевую муфту, соображая, как лучше всего отвлечь тетушку от тягостных мыслей.

— Мне так хочется поскорее увидеть прадедушку Макайворса! Когда я была маленькая, он казался мне ужасно сердитым — я его даже побаивалась. Потом-то я разглядела, что глаза у него, при всей его кажущейся угрюмости, добрые.

Леди Мэри рассмеялась.

— Да, мой отец всегда любил предстать перед друзьями и родными сумасбродным тираном. Во многих отношениях он, конечно, и есть самый настоящий тиран. Но к тебе у него отношение особое: ты ведь так похожа на мою покойную сестру, от которой тебе досталось имя Арриан. Да и Кэссиди он нежно любит. Помню, в детстве она была такая отважная, ничего не боялась, и отец очень ею гордился. — Леди Мэри улыбнулась. — Впрочем, она и сейчас такая же.

— Я очень люблю, когда мама начинает рассказывать о том, как они с папой познакомились.

— Да, пожалуй, лучшего выбора сделать она не могла. Правда, мой отец отнесся к нему очень неодобрительно — Рейлт ведь англичанин. Он и до сих пор еще частенько ворчит, что лучше бы она вышла за шотландца, но мы-то с тобой знаем, что тут он не прав.

— Мама много раз говорила мне о моих настоящих родителях, но я решительно не могу их себе представить. Они кажутся мне какими-то мифическими персонажами, которые не имеют ко мне никакого отношения.

— Кэссиди с Рейли всегда в тебе души не чаяли. Помню, как отчаянно Кэссиди боролась за тебя. Она так обожала свою сестру, что после ее смерти даже мысли не допускала, чтобы тебя отдали кому-то другому.

Арриан улыбнулась:

— Я знаю, они с папой ведь и познакомились из-за меня.

— Да. Рейли был сводным братом твоего родного отца, а Кэссиди — сестрой твоей матери, так что ты им обоим была родная кровинка. Но хотя оба и так считались твоими ближайшими родственниками, все же они решили удочерить тебя, чтобы ты знала, как ты им нужна.

— Я всегда чувствовала их любовь. Взгляд леди Мэри сделался задумчивым, словно она вспомнила что-то печальное.

— Кэссиди с Рейли многое пришлось пережить, прежде чем к ним пришло счастье. Никогда не забывай, что они любят тебя. Пусть не они дали тебе жизнь, но в душе Кэссиди твоя мать, а Рейли — отец.

В полдень карета подъехала к придорожной гостинице. Здесь дамам была предложена комната для отдыха и легкий завтрак. На дворе становилось все холоднее, и Арриан очень не хотелось уходить от гудящего в камине огня и возвращаться в промерзшую карету.

Однако леди Мэри желала ехать дальше, надеясь засветло добраться до следующей деревни.

Когда они, наконец, устроились на сиденье, леди Мэри озабоченно выглянула в окно.

— Признаться, всякий раз, когда приходится проезжать в этих краях, на душе у меня кошки скребут. Здесь лежат владения Уоррика Гленкарина, легендарного вождя Драммондов, а он, как известно, Макайворсов не жалуется.

Арриан, выросшая на рассказах о шотландских лаэрдах и клановых войнах, оживилась. Пуще всяких сказок она любила слушать историю Роберта Брюса, которого шотландцы после победы над англичанами признали своим королем. Возможно, именно детское восхищение перед этой таинственной и сказочной землей и расположило ее сердце в пользу Йена Макайворса.

— Расскажите мне об этом лорде Уоррике, тетюшка. За что он так не любит Макайворсов?

— О лорде Уоррике? Я слышала, что он сущий дьявол. Впрочем, возможно, это всего лишь выдумки Макайворсов — я ведь немало их наслушалась с детства. Твой дядя Джордж помог мне в свое время понять, что в этой вражде повинны обе стороны, — хотя вряд ли бы он убедил в этом Уоррика Гленкарина или, скажем, твоего прадедушку.

— Уоррик Гленкарин... Звучит как имя средневекового рыцаря. Как вы думаете, он красив? Хотя нет, он, вероятно, старик, переживший уже нескольких жен.

Наклонившись к окну, леди Мэри заметила, что пошел снег, и нахмурилась.

— Не воображай лишнего, Арриан. И не надейся, что этот рыцарь станет рыскать в метель по

дорогам, чтобы спасти какую-нибудь замерзающую девицу, в особенности, если в ее жилах течет английская кровь или кровь Макайворсов. А в тебе, моя милая, довольно и того, и другого. Не говоря уже о том, что твой жених — будущий вождь клана Макайворсов.

— Неужто кланы и по сей день враждуют, как в стародавние времена? И король Уильям это допускает?

— А что он может сделать? Всякий раз, когда Драммонды сталкиваются с Макайворсами, на этой земле льется кровь. Они заклятые враги — так было и, думаю, будет всегда.

— Тетушка, расскажите мне еще что-нибудь о здешних кланах.

— Что еще тебе сказать? В этих краях люди привыкли жить по старинке и говорить без обиняков все, что думают. Шотландцы, как и прежде, боготворят свою Шотландию и свято чтят память отцов. К сожалению, после нашей войны с Францией большинство кланов распалось. Крупные землевладельцы, сообразив, что с овец у них будет больше прибыли, чем с фермеров-арендаторов, занялись овцеводством. Кто победнее, перебрались в города или вовсе уехали из Шотландии, иные даже подались в дальние колонии.

— Но Драммонды, как и Макайворсы, все же держатся до сих пор? Пожалуйста, тетюшка, — опять попросила Арриан, — расскажите, что вы знаете о лорде Уоррике. Что он за человек?

— Лорд Уоррик, как мне говорили, настоящий северный горец и относится к «господам равнинникам», как здесь называют южан, весьма пренебрежительно. Думаю, что во многих отношениях он достоин восхищения. Он имеет огромное влияние на своих людей, да и врагам приходится с ним считаться. Сама я видела его только издали: лет пять назад мне показали его на улице в Эдинбурге. Должна сказать, что для мужчины он показался мне даже чересчур красивым, хотя и смуглым сверх меры.

— А какие отношения у вождя с людьми его клана?

— Они напоминают, хоть это и звучит странновато, отношения между отцом и детьми в семье. Вождь — если он настоящий вождь — знает всех своих людей, мужчин и женщин, навещает стариков, когда тем нездоровится, а детей называет по именам. В молодости таким вождем был и мой отец... Но имей в виду, Арриан, теперь отцовский клан уже не так силен, как прежде. Мало кто из Макайворсов продолжает заниматься возделыванием земли. Если не ошибаюсь, это Йен уговорил отца распустить фермеров и заняться овцеводством.

Последнее тетюшкино замечание прозвучало довольно неодобрительно, но в эту минуту Арриан больше занимал загадочный вождь Драммондов.

— Как вы думаете, а этот лорд Уоррик настоящий вождь?

— Я слышала, что он умеет заечь людей, особенно людей своего клана. Они во всем доверяют ему и бросаются выполнять каждое его приказание, а от этого частенько страдают Макайворсы. Беспрестанные стычки с Драммондами досаждают моему отцу уже много лет.

— Мама часто говорит о северянах и южанах так, словно это два совершенно разных народа.

— Попасть в Северную Шотландию — это все равно что вернуться в прошлое. Северяне держатся проще, предпочитают во всем прямоту и изъясняются в основном по-гаэльски. Южане же — хоть сами они это и отрицают — уже давно во многом уподобились своим английским родичам. К сожалению, ни те, ни другие не желают признавать, что старые

времена уже прошли и Шотландия связана с Англией навеки.

Арриан задумчиво качнула головой.

— Представляю, как роскошно выглядел их торжественный выезд: впереди сам вождь, за ним знаменосцы с развевающимися знаменами, потом воины в одеждах строго определенных цветов... Жаль, что все это теперь утрачено.

— Ах, дитя мое, не стоит горевать об утраченном; порадуемся лучше тому, что осталось.

Но мысли Арриан уже текли в другом направлении.

— Надеюсь, Йен не слишком встревожится, когда «Соловей» пришвартуется, а нас не окажется на борту?

— Капитан Норрис объяснит ему, почему мы сошли на берег... Если, конечно, сам к тому времени не отправится на дно. Клянусь, ни за что больше не соглашусь плыть морем! — она набросила на себя еще одну шерстяную пелерину. — Но давай поговорим о более приятных вещах, — в глазах леди Мэри зажглись веселые огоньки. — Хотя бы о твоей свадьбе.

— В Йене, — проговорила Арриан, глядя на мелькание снежных хлопьев за окном, — я нашла все, что хотела бы видеть в своем супруге. Не зря я столько времени ждала, пока он поймет, что любит меня. Одно воспоминание о нем затмевало всех моих лондонских кавалеров.

Леди Мэри окинула ее пронизательным взглядом.

— А ты уверена, что твое чувство к Йену — истинная любовь, а не девичья фантазия? Что, если она завтра пройдет?

— Мама задавала мне тот же вопрос, но я сказала ей, что готова прожить с Йеном всю жизнь, до последнего дня.

Леди Мэри поскребла перчаткой иней на стекле и выглянула в образовавшийся просвет.

— Смотри, как разыгралась пурга. Все-таки надо было остаться в той гостинице. Боже правый, так метет, что даже обочины не видно.

Становилось все холоднее. Арриан поежилась и плотнее укутала ноги дорожным пледом. Сквозь снежную завесу с трудом удавалось разглядеть силуэты проводников, припавших к лошадиным шеям.

— Бедняги, им, должно быть, сейчас несладко... — в этот момент налетел новый порыв ветра, и белая пелена поглотила обоих всадников. Арриан обеспокоенно прильнула к окну. — Они заблудятся, — растерянно пробормотала она. — Разве возможно отыскать дорогу среди такой круговерти?

Леди Мэри взяла Арриан за руку.

— Да, в такую непогоду я, знаешь ли, еще не попадала. Скоро стемнеет, а метет так, что бедному вознице и дороги-то не видать. Не дай бог, с тобой что случится... Этого я никогда себе не прощу.

Не успела Арриан ей ответить, как карета неожиданно качнулась в одну, потом в другую сторону, сбросив при этом с сиденья леди Мэри. Арриан, силясь удержать равновесие,

вцепилась в дверную ручку, но в следующую секунду карета сползла на обочину, накренилась и тяжело рухнула в сугроб.

Голову Арриан пронзила острая боль, и сознание покинуло ее.

Арриан села и изумленно огляделась, пытаясь вспомнить, что произошло. Зубы ее стучали от холода, было темно. Мало-помалу ее мысли прояснились, и все начало становиться на свои места.

Снаружи доносился вой ветра, сотрясающего опрокинутую карету. Пошарив в темноте руками, Арриан выяснила, что дверь теперь оказалась наверху и что без посторонней помощи ей до нее никак не дотянуться.

— Тетушка Мэри, где вы? Вы ударились? — страх овладевал девушкой все сильнее. — Почему вы ничего не говорите?

Но ответом ей было молчание. Наконец она отыскала в темноте тетушкину руку, безвольную и холодную.

— Тетушка Мэри, милая, не волнуйтесь, — в смятении пробормотала она. — Возница, верно, отправился за помощью в ближайшую деревню.

Тетушка молчала... Но где же возница? Где их проводники? Почему никто не идет к ним на помощь?

Арриан кое-как укрыла тетушку дорожным пледом и взяла ее за руку. Так она сидела очень долго, как ей показалось, несколько часов, не имея сил двинуться с места и ошеломленно глядя перед собой. Потом ей почудились какие-то голоса. Что это?.. В душе ее затрепетала надежда. Может, возвращаются проводники?

Дверца кареты дернулась и откинулась в сторону, внутрь свесилась рука с зажженным фонарем. От яркого света Арриан в первую секунду зажмурилась.

— Кто это? — спросила она.

— Эгей, как вы там, мисс? — послышался мужской голос с явным шотландским выговором.

— Помогите! — взмолилась она, ощупью пробираясь навстречу свету. — Моя тетя... Кажется, она очень сильно ударилась.

— Сейчас, милая, сейчас!.. Теперь уж тревожиться не о чем. Мы вас живо отсюда извлечем!

Арриан с надеждой следила за тем, как их спаситель ловко спускается в опрокинутую карету. Оглядевшись и быстро оценив обстановку, он поднял леди Мэри на руки и передал наверх, где ее принял кто-то другой. Потом он с той же легкостью приподнял за талию Арриан, и она, наконец, почувствовала себя в относительной безопасности.

Холод пробирал до костей, снегопад все не прекращался. Кто-то закутал дрожащую Арриан в шубу и посадил ее в седло впереди всадника.

— Где моя тетя? — спросила Арриан, озираясь и не видя леди Мэри.

— В тепле, — раздался над ухом дружелюбный голос. — Не бойтесь, там о ней позаботятся.

— А возница? — спросила она, пытаясь различить хоть что-нибудь за непроглядной белой завесой.

— Возница?.. Вознице, милая, надо было думать головой, а не тащиться в путь в этакую непогодь. Ему уже не поможешь — шея сломана.

Арриан задрожала еще сильнее и уткнулась лицом в плечо говорившему.

— А проводники — где они могут быть? Мы потеряли их из виду перед тем, как карета опрокинулась.

— Кто их знает, где они могут быть. Видать, заплутали в пурге. А может, и набрали на какое жилье...

Она теснее прижалась к незнакомцу, надеясь хоть чуть-чуть согреться.

— Ну, будет тебе, дочка, теперь тебе бояться нечего... Сейчас приедем в тепло, в большой дом, там и тебя обогреют, и о тете твоей позаботятся.

Хотя у самой Арриан ломило от холода все тело, все же она волновалась за тетушку Мэри куда больше, чем за себя.

На миг она вспомнила Йена. Не сойди они на берег в Раттри-Хеде, теперь, вероятно, она бы уже припала к груди жениха в Лейтском порту.

Йен вне себя метался по палубе «Соловья».

— Что значит «сошли на берег»? Как они могли сойти на берег?!

Капитан Норрис подошел к хлопавшему на ветру парусу и потуже закрепил шкот.

— Шторм отнес нас в сторону от курса, и леди Мэри наотрез отказалась продолжать плавание. Единственное, что я мог сделать в этих обстоятельствах, — это найти для них почтовую карету и двух проводников.

— Вот же противная старуха, — пробормотал Йен. — Придется теперь ехать встречать их на дороге.

— Я бы не советовал вам этого делать, милорд, — сказал капитан Норрис. — Над всем побережьем снегопад. Думаю, что леди Мэри и леди Арриан отсиживаются сейчас в какой-нибудь придорожной гостинице, ждут, пока прояснится.

Йен отвернулся и в немалой досаде покинул яхту. Джейми, держась на полшага сзади, поспешил за ним. В карете Йен сердито швырнул на сиденье свою рыжевато-желтую куртку.

— Не волнуйся так, Йен, ничего с твоей Арриан не случится, — сказал Джейми.

— Не в этом дело. Я ведь продумал нашу с ней встречу до мелочей. Знаешь, какую уйму денег я ухлопал на один только сегодняшний бал? Как бы я щегольнул ею перед всем Эдинбургом! Приятели локти бы кусали от зависти.

— Нет, — Джейми качнул головой, задумчиво глядя на брата. — Все-таки мы с тобой совсем разные. Я бы ни за что не согласился выставлять Элен напоказ перед чужими.

— То Элен, а то Арриан.

— Йен, — некоторое время Джейми колебался, не решаясь задать мучивший его вопрос, — я что-то не пойму: любишь ты Арриан или тебя просто привлекает, что она герцогская дочка?

Йен ничуть не обиделся.

— Люблю ли я ее? Разумеется, люблю и намерен стать ей примерным супругом. Впрочем, — продолжал он, — нельзя не принимать во внимание и того, что она единственная дочь герцога Равенуртского и что за нею дают такое неслыханное приданое. И все же, — в глазах Йена мелькнуло самодовольное выражение, — не будь этого приданого, я все равно бы ее никому не отдал. Она моя, как воздух, которым я дышу.

Джейми отвернулся и стал смотреть в окно. Догадывается ли Арриан, насколько самолюбив ее будущий супруг? Джейми покосился на брата: тот сидел, плотно сцепив зубы. Да, Йен не любил, когда нарушались его планы.

Глава 4

Арриан, притиснутой в седле вплотную к своему спасителю, казалось уже, что они никогда не доедут. Стало совсем темно. Ветер швырял им снег прямо в лицо. Дрожь от холода и крепко зажмурив глаза, Арриан молилась, чтобы у тетушки Мэри не было ничего серьезного. О несчастном же вознице и пропавших верховых она вообще старалась не думать.

Наконец незнакомец остановил лошадь, и Арриан приняли снизу другие руки. Потом с чьей-то помощью она взошла на высокое крыльцо и оказалась в полутемном холле. Вышедшая навстречу женщина тут же проводила ее в комнату и подвела к очагу, в котором горел жаркий огонь.

— Вы хозяйка этого дома? — спросила Арриан, протягивая к огню заочеченные ладони.

— Нет, что вы, — отвечала женщина. — Я всего лишь экономка, меня зовут Эдна Хаддингтон. Ну а ваше имя я знаю от вашей тети, — она говорила с сильным местным акцентом, недоговаривая концы слов.

У Арриан отлегло от сердца.

— Значит, с нею все будет в порядке?

— Как Бог даст, миледи.

— Отведите меня, пожалуйста, к ней.

— Не волнуйтесь, все, что нужно, для нее сделают... Миленькая моя, вы и сами-то, я гляжу, едва живая от холода. Подсаживайтесь-ка поближе к огню, я вам горячего чайку принесу да поставлю тазик с теплой водой, чтоб ножки скорее отогрелись.

Арриан растерянно смотрела, как эта немолодая, седая уже женщина хлопочет около нее.

— Я должна быть со своей тетей... Пожалуйста, отведите меня к ней прямо сейчас.

Миссис Хаддингтон, видимо, колебалась.

— Не отходить бы вам сейчас от огня, и так чуть насмерть не замерзли. Вот отогреетесь как следует, тогда я вас отведу.

— Я хочу видеть ее сейчас же, — срывающимся голосом повторила Арриан.

У нее начинался озноб. Женщина, сдаваясь, потянулась за свечой.

— Ладно, ступайте за мной. Да не тревожьтесь так: Барра, моя дочка, знает, как какую хворь лечить.

От холода ноги у Арриан занемели, и она с трудом взобралась по лестнице вслед за миссис Хаддингтон. У нее ломило все тело, сильно болело плечо, но в мыслях было только одно: увидеть тетушку своими глазами.

Миссис Хаддингтон отворила дверь и пропустила Арриан вперед. Над ее тетушкой, лежащей неподвижно, склонилась молодая темноволосая женщина.

— Это Барра, моя дочка, — сказала миссис Хаддингтон. — А это племянница нашей несчастной, леди Арриан.

Барра молча кивнула и продолжала раздевать леди Мэри, то и дело прибегая к помощи ножниц.

Арриан с замиранием сердца шагнула вперед. Леди Мэри лежала на кровати бледная, с закрытыми глазами. Арриан устремилась было к ней, но Барра предостерегающе подняла руку.

— Осторожно, миледи, — в ее речи тоже проскальзывал шотландский акцент, но не такой сильный, как у матери. — У нее перелом ноги, по-видимому, тяжелый. Перед вашим приходом я как раз собиралась его вправлять.

Арриан коснулась тетушкиной щеки и чуть не расплакалась, заметив синяк и несколько ссадин на лбу. С мольбой в глазах она обернулась к дочери миссис Хаддингтон.

— Почему она не приходит в себя?

— Слава богу, миледи, что она не приходит в себя.

— Заклинаю вас, помогите ей!

— Я сделаю все, что в моих силах, миледи.

— У вас тут есть какой-нибудь лекарь?

— Нет, миледи. Вернее, есть, но до него отсюда два дня пути по хорошей погоде, а в такую метель ему и вовсе до нас не добраться.

Заметив растущее волнение гостьи, Барра поспешила ее успокоить:

— Мне приходилось лечить больных, миледи. Постараюсь, насколько возможно, облегчить страдания вашей тети, — она откинула покрывало и озабоченно склонилась над сломанной ногой. — Нужно срочно вправлять перелом, позвольте мне этим заняться.

При виде синюшной, распухшей тетушкиной ноги Арриан ахнула, но тут же взяла себя в руки и, забыв про холод, решительно сбросила шубу с плеч.

— Скажите, что нужно делать. Я вам помогу.

— Тогда подержите свечку — вот так. Остальное я сделаю сама.

Арриан сглотнула подступивший к горлу ком.

Жизнь ее в родительском доме была светла и безоблачна, ей никогда не приходилось еще сталкиваться с трудностями, а тем более попадать в столь бедственное положение. На секунду она зажмурилась и глубоко вздохнула. Нужно быть сильной, тетушка Мэри нуждается в ее помощи!

Тем временем Барра, придерживая одной рукой тетушкино колено, другой крепко ухватилась за ступню и дернула на себя. Послышался приглушенный хруст.

У Арриан все сильнее кружилась голова. «Только не упасть! — уговаривала она себя. — Я должна держаться!..»

Барра сунула под тетушкину ногу гладкую дощечку и плотно примотала ее чистым полотняным бинтом.

— Все, больше пока я ничего не могу для нее сделать. Теперь нужно хорошенько протопить комнату да как следует присматривать за больной, особенно этой ночью.

Дрожащей рукой Арриан отвела седую прядь с тетушкиного лба.

— Скажите, она... поправится?

— Миледи, при падении она сильно ударилась головой, и я не знаю, насколько это серьезно. Да и нога очень плоха... Так что надо ждать. Посидите пока, а я разведу огонь да принесу вам чего-нибудь горяченького покушать. За лекарем мы, конечно, пошлем гонца, но боюсь, что добираться до нас ему придется несколько дней.

Сидя на стуле возле кровати, Арриан сжимала тетушкину руку и старалась не поддаваться отчаянию.

— Милая тетушка Мэри, — дрожащим голосом шептала она. — С вами все будет хорошо... Все должно быть хорошо.

Где-то одиннадцать раз пробили часы. Свеча почти догорела, а леди Мэри все еще не приходила в себя. Из коридора донеслись какие-то голоса, и Арриан проворно вскочила со стула. Вошла Барра в сопровождении пожилого седовласого человека.

— Нам повезло, миледи. Мой сын случайно узнал, что наш лекарь в деревне — приезжал повидаться с дочерью и задержался из-за непогоды. Он осмотрит вашу тетю.

Лекарь уверенным шагом направился к постели больной. Прошла, казалось, целая вечность, пока он разбинтовал тетушкину ногу. Осмотрев перелом, он одобрительно кивнул дочери миссис Хаддингтон.

— Молодец, Барра, справилась не хуже меня.

Он осмотрел вторую ногу и руки леди Мэри, потрогал распухший синяк на лбу, потом наклонился и, приподняв верхнее веко, заглянул в зрачок.

Арриан до боли сжала пальцы.

— Как она?

Лекарь только сейчас заметил Арриан и коротко ей кивнул.

— Местные жители называют меня доктором Эдмондсоном. Это ваша мама?

— Нет, тетя. Скажите, вы сможете ей помочь?

— Беда в том, что она сильно ударилась головой, а в подобных случаях трудно сразу определить степень опасности. Приходится ждать. Да и с ногой у нее неважно, опухоль все растет. Показать бы ее эдинбургским врачам... Возможно, это помогло бы избежать осложнений.

Сердце Арриан на миг перестало биться.

— Каких... осложнений?

— Без надлежащего лечения она может потерять ногу и остаться калекой на всю жизнь, возможно, даже умереть.

— Но ведь вы доктор, разве вы не можете ее лечить?

Доктор Эдмондсон промыл рану на лбу леди Мэри и наложил мазь.

— Лечить-то я могу, но случай уж очень тяжелый, в своей практике я с такими еще не сталкивался.

— Доктор Эдмондсон, у меня есть деньги, я заплачу сколько угодно, только помогите ей. Он смерил ее негодующим взглядом.

— Я не обижаюсь на вас лишь потому, что вы очень расстроены сейчас... а также потому, что вы англичанка и, стало быть, не можете иначе.

Арриан с ужасом осознала всю оскорбительность своих слов.

— Простите меня, доктор Эдмондсон! Он наложил повязку на голову леди Мэри и только тогда заговорил снова:

— Будь вы властительница Англии или бедная девушка без средств, в любом случае я оказал бы вашей тете одинаково посильную помощь.

Щеки Арриан вспыхнули.

— Простите меня. Я сказала глупость — это от волнения.

— Не понимаю, зачем было двум женщинам пускаться в дорогу в такую непроглядную метель? Ваша тетя, я вижу, уже в летах, могла бы как будто вести себя и поразумнее.

— Да, пожалуй, мы поступили опрометчиво, но поначалу дорога казалась нам вполне безопасной.

Доктор Эдмондсон наконец улыбнулся, глаза его потеплели.

— Экая уверенность! Сами-то вы как, не ушиблись?

— Ах, пустяки, всего несколько синяков.

Он вскинул свою дорожную сумку на плечо.

— Зайду завтра, если, конечно, состояние больной не ухудшится раньше. Все же мой вам совет: постарайтесь перевезти ее в Эдинбург, как только позволит погода.

— Доктор Эдмондсон, неужели вы уйдете?

— Меня ждут другие больные, так что дай бог мне хотя бы к полуночи добраться до постели. — Он внимательно взглянул на нее. — А вы, милая, ступайте-ка в постель прямо сейчас. Ведь еле на ногах стоите, того и гляди свалитесь.

— Благодарю вас за заботу, но ночью я должна быть со своей тетей.

— Поверьте, сегодня Барра последит за нею не хуже вас... А вот если и вы ляжете, тогда уж тете и впрямь помощи от вас не дожидаться.

Она протянула ему руку.

— Спасибо вам за помощь. Надеюсь, завтра увидимся.

Он пожал ее руку и кивнул на прощание. Когда дверь за ним закрылась, Арриан подошла к камину, чтобы согреть, наконец, озябшие ладони. Но тут леди Мэри застонала, и Арриан опять бросилась к кровати. Однако тетушкины глаза так и не открылись.

С каждой минутой Арриан все больше боялась за ее жизнь. Как ей хотелось сейчас очутиться рядом с родителями, почувствовать мамину любовь и спокойную силу, исходящую от отца... Она даже не заметила, что за последние несколько часов ни разу не вспомнила Йена.

Леди Мэри медленно открыла глаза и, к своему немалому удивлению, увидела над собою лицо совершенно незнакомого мужчины. Где она?.. И кто этот мужчина?..

— Я вижу, вы проснулись, — он улыбнулся и дружески потрепал ее по руке. — Знаю, знаю. Вы хотите спросить, кто я такой. Так вот, я доктор Эдмондсон, а вы моя больная, состояние которой до настоящей минуты меня весьма и весьма беспокоило.

— Где я? — внезапно она все вспомнила и горестно застонала. — Что со мною? Почему я не могу двинуться? Почему мне так больно?

— Ваша карета опрокинулась на дороге, миледи, — отвечал доктор с любезным сердцу леди Мэри шотландским выговором. — Вы сломали себе ногу, сильно ушибли голову и, кроме того, получили несколько синяков и ссадин.

Она попыталась подняться, но слабость пригвоздила ее к кровати.

— Где моя племянница?

— Я отослал ее отдохнуть. Она не отходила от вас всю ночь.

— Скажите, она не пострадала?

— Сейчас она страдает только из-за вас. Должен сказать, что она весьма энергичная молодая особа: требует, чтобы все кругом хлопотали вокруг вас. Каждому бы моему больному иметь под рукой такую племянницу!

На верхней губе леди Мэри выступили капельки пота.

— О, как больно!..

Доктор Эдмондсон поднес стакан к ее губам.

— Неудивительно, после всего, что вам пришлось пережить. Выпейте это.

— Что это?

— Успокаивающее с опиумом.

— Я не хочу принимать опий!

— Это ничтожная доза, но она все же облегчит ваши страдания. Пока боль не отступит, вам еще не раз придется прибегнуть к этому средству.

Леди Мэри неохотно выпила содержимое стакана. Горькое лекарство начало действовать почти сразу.

— Кого я должна благодарить за гостеприимство? — полусонно спросила она, оглядывая комнату.

— Вы в замке Айронуорт, миледи. Он принадлежит вождю клана Драммондов.

Глаза леди Мэри тревожно расширились.

— Нет... — прошептала она, борясь с действием опия. — Я немедленно — слышите, немедленно! — должна переговорить со своей племянницей!..

Доктор кивнул стоявшей рядом служанке.

— Позовите молодую даму. Возможно, тогда ее тетя успокоится.

Когда спустя считанные минуты Арриан стремительно вошла в комнату, леди Мэри силилась подняться. Подбежав к тетушке, Арриан одной рукой сжала ее пальцы, другой мягко, но настойчиво придержала ее за плечо, не давая встать.

— Тетушка, миленькая, доктор сказал, что вам нельзя волноваться. Вы непременно поправитесь. Но, чтобы все было благополучно, вам придется некоторое время оставаться в постели.

Взгляд леди Мэри становился все тревожнее, она отчаянно цеплялась за руку Арриан.

— Я должна... сказать...

— Тесс! Не волнуйтесь так. Окрепнете немного, тогда и скажете мне все, что захотите. Доктор дал вам снотворное, надо спать... Я посижу с вами, пока вы не уснете.

Леди Мэри не могла более сопротивляться. Язык ее отяжелел, взгляд блуждал и не мог ни на чем сосредоточиться.

— Арриан, послушай... Послушай меня. Ты должна... Человек, который...

Арриан озабоченно нахмурилась:

— Кажется, я догадываюсь, что вы хотите сказать. Нужно отправить кого-нибудь с запиской к дедушке, чтобы он не волновался за нас. Хорошо, я сегодня же поговорю с нашим хозяином и попрошу его при первой же возможности послать гонца в Давиншем. Ну, теперь вам полегче?

— Нет! Ты не должна говорить... — Леди Мэри боролась как могла, но наркотик оказался сильнее. Веки ее сомкнулись, и страшные слова, которые она так и не успела выговорить, замерли на ее устах.

Арриан вышла из комнаты в тускло освещенный коридор и остановилась у лестницы. До сих пор ей некогда было смотреть по сторонам. Теперь, окинув взглядом полутемный холл, она решила, что замок, в который их забросила судьба, по всей вероятности, ничем не примечателен и что среди множества шотландских замков наверняка найдутся куда более величественные, чем этот.

Ковры на полу протерлись едва ли не до дыр, а экономка, видимо, не отличалась хозяйственным рвением, потому что на перилах лестницы толстым слоем лежала пыль. И все же Арриан должна была поблагодарить владельца этого неухоженного, но гостеприимного дома.

За ночь метель поутихла, и Арриан надеялась сегодня же выполнить данное леди Мэри обещание, то есть попросить хозяина послать гонца к дедушке.

Пока Арриан спускалась по лестнице, входная дверь отворилась, и в проеме появилась высокая мужская фигура. Раздевшись, вошедший передал шапку и пальто подоспевшей миссис Хаддингтон. На столике у входа горела лишь одна свеча, и рассмотреть его как следует Арриан не удалось. Впрочем, и без этого было ясно, что перед нею сам хозяин.

— Сэр! — Она спустилась с последней ступеньки и подошла к вошедшему. — Вы, вероятно, хозяин этого замка? В таком случае я хотела бы с вами поговорить.

Он стоял спиной к свету, так что лица его почти не было видно.

— Да, я хозяин замка. — Он тоже говорил, как все шотландцы, проглатывая концы слов. — Пройдемте в мой кабинет, там теплее, — предложил он, и они вошли в боковую комнату. — Насколько мне известно, люди уже отправились на дорогу за вашими вещами. Скоро они должны вернуться.

В кабинете горело несколько свечей в стенных подсвечниках, в камине весело потрескивали поленья.

Арриан подошла к огню.

— Сэр, — оборачиваясь, сказала она, — я безмерно благодарна вам за ваше гостеприимство. Если бы не вы и не помощь ваших людей, нас с тетей, вероятно, уже не было бы в живых.

В этот момент хозяин тоже шагнул к огню, и она наконец смогла его как следует рассмотреть. В первую очередь она поразилась его смуглости. Загорелое лицо обрамляли черные, как смоль, кудри. Подбородок был чисто выбрит, по щекам до самых углов высокого стоячего воротничка спускались густые черные баки. На нем был длинный, до колен, зеленый сюртук, на шее белый шейный платок. Серые сужающиеся книзу брюки застегивались на резинку под каблуком.

Арриан, которой еще не доводилось встречать мужчин со столь яркой наружностью, засмотрелась и даже не заметила, что хозяин тоже разглядывает ее с каким-то особенным вниманием. В пламени свечей его глаза словно поблескивали серебристым светом.

Миссис Хаддингтон уже сообщила Уоррику, что спасенная на дороге девушка — аристократка и англичанка, но ни слова не сказала о том, какая она красавица. Ее небесно-голубые глаза были чисты и спокойны. Взгляд Уоррика скользнул по длинным золотистым прядям, которые от мерцания огня переливались как живые.

Вдруг он застыл от удивления: на пальце девушки сверкнуло рубином знакомое кольцо. Уоррик помнил это кольцо слишком хорошо и не спутал бы его ни с каким другим. Последний раз он видел его на пальце Гвендолин. То было кольцо Макайворсов!

Когда он заговорил, голос его звучал совершенно спокойно:

— Позвольте заверить вас, миледи, что вы для меня самая дорогая гостья. Я несказанно рад тому, что волею судьбы вы оказались в замке... в моем замке.

— Благодарю вас.

— Право, не стоит. Доктор Эдмондсон сообщил мне, что ваша тетушка пострадала весьма серьезно. Как только она будет в состоянии перенести дорогу — и, разумеется, когда позволит погода, — мы с вами обсудим возможности переправки ее в Эдинбург, где она сможет получить надлежащее лечение.

— Сэр, мы с тетей обе у вас в долгу. — Она подумала, не предложить ли ему денег в оплату за гостеприимство, но, вспомнив оскорбленный взгляд доктора Эдмондсона, решила воздержаться. — Я хотела спросить... Что с телом нашего возницы?

— Мой дворецкий опознал в покойном своего знакомого, и его тело уже отправили родственникам, в Раттри-Хед.

— Я чувствую себя все больше обязанной вам.

— Могу ли я еще чем-нибудь вам помочь? — осведомился он.

С каждой минутой властный взгляд серебристо-серых глаз смущал Арриан все больше. Наконец, не выдержав, она опустила ресницы.

— Вы уже столько для меня сделали, что я не решаюсь просить о большем.

Он слегка поклонился, и в его ответе ей почудилась едва заметная насмешка.

— К вашим услугам, миледи.

— Я хотела бы попросить вас отправить посыльного к моему дедушке и передать ему, что мы с тетей живы.

Уоррику вдруг неизвестно почему захотелось, чтобы все ее желания оказались столь же легко выполнимыми.

— Скажите мне, кто ваш дедушка.

— Точнее, он мне не дедушка, а прадедушка. Возможно, вы слышали о нем: он вождь клана Макайворсов.

Последовала до странности долгая натянутая пауза.

— Стало быть, ваш дедушка — Джилл Макайворс? — спросил наконец Уоррик.

— Да. А моя двоюродная бабушка Мэри — его дочь.

Взгляд Уоррика сделался неожиданно жестким.

— Знаете, это подарок судьбы, что вы попали именно ко мне. Даже не верится.

Поняв его слова по-своему, она закивала:

— Мне тоже не верится. Не представляю, что было бы, если бы ваши люди не подобрали нас на дороге.

Он так долго смотрел на нее молча, что в конце концов она почувствовала себя неловко.

— Любопытно, миледи, смогу ли я угадать, кто вы такая. Мне сдается, что передо мной дочь герцога Равенуртского.

— Откуда вы узнали? — поразилась она. — Вы что, знакомы с моим отцом?

— Я слышал его имя лишь однажды, но запомнил на всю жизнь.

Арриан наконец заподозрила что-то неладное: ведь о своей семье она пока никому здесь не говорила ни слова.

— Сэр, коль скоро вы так хорошо меня знаете, могу ли и я просить вас назвать свое имя? Он поклонился:

— Уоррик Гленкарин, вождь клана Драммондов, миледи.

Ахнув, она отступила на шаг. Сердце ее тревожно забилося. До сих пор она ни разу не вспоминала о том, что непогода застала их во владениях Драммондов. Дорожное происшествие и беспокойство о здоровье тетушки вытеснили у нее из головы все остальное. Теперь-то она поняла, что силилась сказать леди Мэри перед тем, как лекарство доктора Эдмондсона окончательно усыпило ее. Она хотела предупредить ее, чей это замок.

Голос Уоррика Гленкарина сделался таким же жестким, как и его взгляд.

— Судя по вашей реакции, вам уже приходилось обо мне слышать. Представляю, какой это для вас неприятный сюрприз — оказаться под моим кровом.

Она судорожно подыскивала ответ.

— Я... я представляла вас несколько старше.

В его позе и голосе сквозило теперь явное высокомерие.

— Я тоже представлял вас не такой молодой и привлекательной.

Она отступила еще на шаг.

— Откуда вы меня знаете?

— Я не знаю вас, миледи... Зато я знаю вашего жениха, Йена Макайворса.

Внезапно ей захотелось обратно в пургу, в шторм, куда угодно, лишь бы скрыться от этого пронзительного взгляда.

— Так вы отправите посыльного к моему дедушке? — спросила она, отступая еще на шаг. — Иначе он будет беспокоиться о нас.

В глазах его мелькнула откровенная насмешка.

— О, непременно. Я именно так и сделаю. Правда, не сейчас. Но обещаю: в свое время ваш дедушка непременно узнает, что вы с тетей... гостите в моем замке.

Беспокойство о леди Мэри заставило Арриан забыть собственный страх.

— Вы не посмеете сделать ничего такого, что может повредить тетиному здоровью! Я буду бороться с вами до последнего.

Глядя на нее сверху вниз, он мрачновато улыбнулся.

— Как вам будет угодно, миледи. Только вряд ли вы выйдете победительницей.

От нахлынувшего страха голос ее дрогнул:

— Когда вы... отпустите нас?

— Всеу свое время, миледи, всеу свое время. Пятясь все дальше от него, она оказалась наконец у самой двери.

— Что вы собираетесь с нами сделать?

Он рассмеялся низким и, как ей показалось, зловещим смехом.

— Отчего это вы так напуганы, миледи? Верно, и до вас дошли слухи о том, что я не питаю особой любви к Макайворсам и ко всем, кто с ними связан?

Глава 5

Схваченная волной неудержимого страха, Арриан развернулась и опрометью выскочила из комнаты. Взягая по лестнице, она дрожала от страха услышать сзади шаги лорда Уоррика.

Лишь захлопнув за собою дверь тетушкиной комнаты, она почувствовала себя в относительной безопасности. Леди Мэри еще спала. Арриан проверила замочную скважину: ни снаружи, ни внутри ключа не оказалось. В отчаянии она проволочла через всю комнату тяжелое дубовое кресло и подперла им дверь, хотя и догадывалась, что лорда Уоррика такое препятствие не

остановит.

С бьющимся сердцем Арриан прислушалась. Минуты шли, но за дверью было тихо. Вероятно, он все же не стал ее преследовать.

— Ах, милая тетушка! — воскликнула она, вернувшись к постели леди Мэри и теребя ее руку. — Нам не выбраться отсюда. Проснитесь! Что делать? Он не ответил мне, но я уже чувствую: он нас так просто не отпустит.

Леди Мэри, пребывавшая еще под действием снотворного, не шевельнулась.

— Мы попали в лапы к дьяволу, — прошептала Арриан. — Лучше было погибнуть в пути. Мама, отец!.. Подскажите, что мне делать?

Ее светлость герцогиня Равенуортская вышла из сводчатого портала городской ратуши и, защищаясь от порыва ветра, накинула на голову капор с меховой оторочкой. Растроропный лакей помог ей забраться в карету, где уже сидели ее муж и сын.

Как только Кэссиди села, Рейли привычно взял ее за руку.

— Наконец-то с Парижем покончено. Не люблю французов.

— Вот слова, достойные солдата Веллингтона! — пряча улыбку, Кэссиди наклонилась вперед и свободной рукой взяла за руку сына. — Как думаешь, не пора ли напомнить отцу, что война кончилась и что французы уже много лет как наши союзники? Представляю, как он удивится.

— Тебе бы только меня высмеивать, — ворчливо заметил Рейли.

Майкл, всегда смотревший на свою красавицу мать с неизменной гордостью, улыбнулся.

— Я бы, кстати, напомнил, что скоро ему придется выяснять отношения с шотландцами и что не стоит, пожалуй, разбрасываться на два фронта.

Рейли, которого рассмешила острота сына, с трудом сохранил серьезную мину.

— Ты ошибаешься, Майкл. У меня нет ни малейшего желания выяснять отношения с Джиллом Макайворсом.

— У тебя, может, и нет, — заметила Кэссиди. — Но не забывай, что сам он, мягко говоря, недолюбливает Англию и англичан.

— Не беспокойся, я помню. Но я не позволю ему из-за этого испортить свадьбу моей дочери.

— Ничего, прежде чем мы доберемся до Шотландии, тетя Мэри наверняка успеет подготовить почву для твоего появления. Все-таки она умеет управляться с дедушкой лучше всех.

— Как мне не хотелось отпустить с нею Арриан! Ей-богу, Кэссиди, эта твоя тетка всегда была упряма, но, когда капитан Норрис сообщил мне, что она вместе с Арриан сошла на берег и поехала в почтовой карете, у меня просто не было слов! Это переходит все границы здравого смысла.

— Ты же знаешь, что она не выносит качки. После шторма она наотрез отказалась продолжать плавание.

— Тогда зачем было рваться в Шотландию вперед нас? Объясни мне, Кэссиди! Я, конечно, люблю и уважаю нашу дорогую леди Мэри, но, по-моему, она начинает впадать в детство.

— Я согласна, Рейли, что это было неблагоприятно, но ведь она хотела сделать как лучше. При всей ее нелюбви к морю она решилась плыть на «Соловье» — и все ради того, чтобы убедить дедушку принять тебя.

— Никто, даже ваш почтенный дедушка, не помешает мне явиться на свадьбу к собственной дочери. А если ему это не по нраву — что ж, тем лучше. Тогда свадьба состоится в Англии.

— Ты говорил об этом с Арриан?

— Да, говорил.

— И что она ответила?

В прищуренных глазах Рейли мелькнуло довольное выражение.

— Наша дочь не выйдет замуж в Шотландии, если меня не будет на свадьбе.

— Все это хорошо, — сказала Кэссиди, — но ты не знаешь моего дедушку.

— А зачем мне его знать? Если на то пошло, можешь вообще нас не знакомить.

— Я уговаривала Арриан сыграть свадьбу в Равенуорте, но она не согласилась. Ей непременно надо, чтобы церемония состоялась в Шотландии. — Догадываясь, что следующие ее слова Рейли не понравятся, она умоляюще сжала его руку. — Знаешь, Рейли, по-моему, я должна сначала одна поехать вслед за Арриан и тетей Мэри. Если я присоединюсь к ним, то втроем мы как-нибудь уговорим дедушку тебя принять. Я уверена, что мне он не откажет.

— Нет, — нахмурился Рейли, крепче сжимая ее руку. — Нам с тобой лучше вместе вернуться в Англию и потом вместе приехать на свадьбу.

— Неужели ты не понимаешь? Ведь для Арриан это так много значит!.. А я, мне кажется, сумею переубедить дедушку.

— Кэссиди, я не хочу, чтобы ты ехала в Шотландию без меня, а мне, как ты знаешь, нужно сначала побывать в Англии.

— Вот и поезжай. А как только закончишь в Лондоне свои дела, вы вместе с Майклом приедете ко мне. — Кэссиди взяла Рейли под руку и склонила голову к нему на плечо. — Рейли, ну, пожалуйста!

По тому, какими любящими глазами Рейли взглянул на Кэссиди, Майкл догадался, что и на этот раз все получится по-маминому.

— В Кале, Аткинс, — высунувшись из окошка, крикнул Рейли. — На стоянку «Соловья».

Кэссиди так легко добилась своего, что Майкл не смог удержаться от улыбки. Но карета уже катила вперед, и вскоре юный виконт потерял интерес к своим родителям. На миг его внимание привлекла спешащая по улице хорошенькая девушка, потом девушка вошла в магазин, и мысли Майкла снова обратились к семье. За считанные дни он успел соскучиться по сестре и догадывался, что после ее свадьбы им всем будет очень ее не хватать. Кэссиди была сердцем их семьи, Арриан — душой. Как-то они заживут без нее?

Рейли уже поднялся на борт «Соловья», чтобы проводить Кэссиди, однако его еще мучили сомнения.

— Я все же думаю, что тебе надо дожидаться меня и ехать в Шотландию со мною вместе.

— Нет, Рейли, я нужна там сейчас. Не забудь, что двадцать третьего у тебя выступление в парламенте. Значит, тебе нужно отплыть в Англию не позднее понедельника.

— Знаю, знаю. Кэссиди улыбнулась ему:

— Скоро увидимся, милый. Придется немного поскучать друг без друга.

— Не хочется тебя отпускать.

— Я знаю, но с тобой останется наш сын, он не даст тебе грустить.

Рейли крепко прижал ее к груди.

— Береги себя.

Налетел холодный, пронизывающий ветер, и Кэссиди нахмурилась. Любой шотландец — ибо шотландцы удивительно суеверны по своей природе — счел бы порыв ледяного ветра в такую минуту дурным предзнаменованием. Оглянувшись на сына, она поняла, что Майклу тоже не по себе. И все-таки одно она знала наверное: она не успокоится, пока вновь не увидит Арриан, поэтому не стоило, пожалуй, говорить мужу о своих дурных предчувствиях.

— До свидания, милый, — шепнула она, прижимаясь щекой к его щеке. — Я не смогу спать спокойно, пока мы с тобою снова не будем вместе.

— Я тоже, — отвечал он, борясь с искушением схватить ее в охапку и утащить с «Соловья». Майкл обнял ее и улыбнулся:

— В следующий раз мы увидимся уже в Шотландии.

Когда муж с сыном сошли по трапу на берег, палуба как будто сильнее закачалась под ногами Кэссиди. Не успев расстаться, она уже начала по ним скучать. Но сейчас она была нужнее своей дочери. Она это чувствовала.

Прошло уже несколько часов с того момента, когда Арриан выскочила из кабинета лорда Уоррика, но страх все не отпускал ее. Сидя перед тлеющим камином, она ежеминутно прислушивалась и вздрагивала от каждого шороха. Скорее бы тетушка проснулась и сказала ей, что делать!

В дверь негромко постучали. Арриан проворно вскочила на ноги и на цыпочках подошла поближе.

— Кто там? — припадая ухом к двери, спросила она.

— Это я, Барра. Хочу взглянуть на вашу тетю.

Арриан с облегчением выдохнула. Отодвигая в сторону тяжелое кресло, она чувствовала себя несколько глуповато. Барра вежливо кивнула ей.

— Лорд Уоррик просил вас зайти к нему, как сможете. Он ждет вас в кабинете.

У Арриан по спине пробежали мурашки.

— Нет! Я к нему не пойду.

Такой ответ поверг Барру в явное недоумение. Опустив глаза, она молча прошла к постели леди Мэри и начала осматривать ее больную ногу, после чего озабоченно обернулась к Арриан.

— Боюсь, что дело плохо. Ее нужно как можно скорее показать опытному доктору, а я тут мало чем могу помочь.

— Доктор Эдмондсон сказал то же самое. Вот только дорога... Скажите, можно ли уже ехать?

— Еще нет. — Барра направилась к двери. — Так что передать его милости? — остановившись у порога, неуверенно спросила она.

— Скажите... что я не хочу оставлять тетю. Барра кивнула:

— Куда вам подавать кушать? Сюда же, в комнату?

— Да, пожалуйста, — сказала Арриан. — Хотелось бы, чтобы сюда же перенесли и мою кровать.

Говоря по правде, она просто боялась оставаться одна.

— Хорошо, миледи.

— Как вы думаете, доктор Эдмондсон сегодня заедет?

— Вряд ли, миледи. Дорогу совсем замело. Еще что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо. Единственное... хотелось бы, чтобы, кроме вас и доктора, нас с тетушкой никто больше не беспокоил.

Барра кивнула:

— Хорошо, я предупрежу об этом всех и заодно распоряжусь, чтобы к вечеру ваша кровать стояла тут.

После ухода Барры Арриан подошла к окну и отдернула тяжелую штору. Снег валил так густо, что за ним не видно было земли. Итак, они с тетей оказались пленницами в холодной снежной клетке, и нужно было найти способ выбраться отсюда, чтобы попасть в Эдинбург.

Она вывела имя Йена на морозном стекле. О чем он думает сейчас? Наверняка тревожится о ней. Возможно, он уже снарядил людей на поиски.

Сзади послышался слабый стон, и Арриан метнулась к тетушкиной кровати. Леди Мэри уже не спала. Увидев Арриан, она судорожно вцепилась в ее руку.

— Знаешь, куда мы попали? — Она тревожно вглядывалась в лицо девушки.

— Да. Я уже беседовала с лордом Уорриком.

Арриан лихорадочно соображала, что сказать и стоит ли расстраивать больную, однако она

явно недооценила тетушкину проницательность, потому что леди Мэри тут же заговорила сама:

— Он не выпустит нас отсюда?

— Боюсь, что так.

— Ас ногой у меня плохо?

— Да... Но не волнуйтесь, милая тетушка, я скоро придумаю, как нам отсюда выбраться.

— Я надеюсь, что он не посмеет поднять на нас руку... в прямом смысле. Но не забывай, Арриан: этот человек — наш заклятый враг. Держись от него подальше.

— Я его боюсь, тетушка.

— И правильно делаешь. А знала бы ты с мое о Шотландии и о здешних усобицах, ты бы еще лучше поняла, в какую беду мы с тобой угодили.

— За что лорд Уоррик так ненавидит Макайворсов?

— Тому есть много причин. Думаю, он не выпустит нас, пока не добьется от моего отца того, что ему нужно... Я должна с ним поговорить.

Арриан положила руку на тетушкин лоб: он был горячий.

— Даже не думайте! Сейчас вам нужно отбросить все беспокойства и отдыхать.

Леди Мэри закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Ты права, Арриан, вряд ли от меня будет сейчас какой-то толк. — Ее тяжелеющие веки приподнялись еще на миг. — Оставайся в моей комнате... и держись подальше от этого человека.

— Не волнуйтесь обо мне, милая тетушка. Со мною все будет хорошо.

Леди Мэри наконец погрузилась в тяжелый и беспокойный сон.

Арриан же провела эту ночь без сна, на узкой кровати, установленной возле тетушкиной постели. И хотя она опять забаррикадировала дверь дубовым креслом, каждый шорох заставлял ее поднимать голову и прислушиваться.

В слабом утреннем свете начали уже проступать дальние углы комнаты, а она все так же лежала с открытыми глазами.

Уоррик спешил и передал поводья мальчику-конюху.

— Похоже, снег никогда не кончится, милорд.

— Да, Тэм. Оботри-ка Тайтуса хорошенько и задай ему побольше овса. Да смотри, чтобы в конюшне всю ночь было тепло, не то поморозишь мне всех лошадей.

— А как же овцы, милорд? Так и остались на выгоне?

— Да, боюсь, что молодняк мы сегодня потеряем, но что поделаешь. Все равно в такую метель нам их не отыскать.

Уоррик размашисто зашагал в сторону замка. Узнав, что его гостя не желает с ним говорить, он в первую минуту разозлился, но верховая прогулка по заснеженным холмам вскоре привела его в равновесие. Теперь он знал, как поступит с правнучкой Джилла Макайворса, и намерен был переговорить с нею об этом немедленно.

Где-то пробило четыре, и одновременно с боем часов в дверь постучали. Арриан медленно подошла к двери и приоткрыла ее. На сей раз за дверью стояла не Барра, как обычно, а сама миссис Хаддингтон.

— Милорд просил передать, чтобы вы спустились к нему.

— Я уже объяснила вашей дочери, что не желаю с ним говорить.

Старая экономка покачала головой:

— Не перечили бы вы ему, миледи. Толку от этого не будет, все равно он добьется своего. Спускайтесь-ка лучше со мною прямо сейчас.

— Послушайте... вы не знаете, чего он от меня хочет?

— Он со мною не откровенничает, миледи.

Арриан обернулась: леди Мэри все еще спала. Итак, ей предстоит решать все самой и самой встречаться с этим человеком. В конце концов, не может же она вечно сидеть и дрожать загнанной зверушкой в этой комнате. Но она пойдет к нему, когда почувствует, что готова к разговору, а не когда он прикажет.

— Передайте его милости, что сию минуту я не расположена его видеть, — сказала она.

— Легко сказать — «передайте»!.. — Миссис Хаддингтон опять сокрушенно покачала головой и удалилась, затворив за собою дверь.

Арриан торопливо пригладила волосы, перевязала их зеленой, под цвет ее бархатного платья, лентой и, глубоко вздохнув, вышла из комнаты. Прежде чем спуститься в полутемный холл, она еще немного постояла в раздумье перед лестницей.

Наконец она решительно приблизилась к двери кабинета и хотела уже постучать, когда дверь сама собою распахнулась и прямо перед Арриан возникла высокая фигура хозяина.

— Мне передали, что вы не откликнулись на мое приглашение, и я уже собрался идти к вам.

Вскинув голову, Арриан строго взглянула на него снизу вверх.

— Вы намерены беседовать со мною прямо на пороге или все же позволите мне зайти?

Он поклонился и жестом пригласил ее пройти к камину.

— Прошу вас, миледи. Я подумал, что вам, возможно, интересно будет узнать, как я намерен поступить с вами и с вашей тетей.

Арриан протянула руки к огню, отчего на сердце у нее ничуть не потеплело, и с деланным равнодушием пожала плечами.

— Моя тетя нуждается в помощи эдинбургских врачей, поэтому как только позволит погода, мы покинем ваш кров и таким образом избавим вас от множества неудобств.

Он кривовато улыбнулся:

— Это не совсем то, чего бы мне хотелось, миледи... Может, вы присядете, чтобы и я мог сесть?

— Благодарю вас. Я предпочитаю стоять.

— Что ж, тогда и мне придется стоять. Возможно, вы удивитесь, но мы тут у себя в горах тоже кое-что слышали о хороших манерах.

Они опустили в кресла, и Арриан испытала немалое облегчение оттого, что внушительная фигура лорда Уоррика перестала нависать над нею.

— Миссис Хаддингтон приготовила нам чай с чудесными пшеничными лепешками. Не желаете? — предложил он.

Арриан мельком взглянула на стол. На белоснежной скатерти поблескивал серебряный чайный сервиз.

— Благодарю вас. Я не ем лепешек.

— О, разумеется, — кивнул он. — Уверен, что моя кухня, так же как и мой замок, производит на вас самое удручающее впечатление. Еще бы, ведь вы дочь могущественного герцога Равенуртского! — В его устах титул ее отца прозвучал не очень-то лестно.

Арриан ничего не ответила.

— Что же вы молчите?

— Решаю, говорить ли с вами напрямик, как всегда учил меня отец, или постараться сгладить острые углы, как советует мама. Скажу вам так. Я не вижу нужды извиняться за то, кто я такая и кто мои родители.

Его губы опять скривились в улыбке.

— Сказано истинно по-английски. Пожалуйста, не утруждайте себя выбором между рекомендациями ваших достойных родителей. Я бывал в великолепном замке вашего прадедушки, и остается только гадать, в каких хоромах проживает досточтимый герцог Равенуртский.

— Вы не поняли меня, милорд. Меня с детства учили не судить о человеке по тому, чья кровь течет в его жилах, или по тому, сколько добра он скопил за свою жизнь. Поэтому я ценю в людях достоинство, честь и правдивость. И если у вас, милорд, недостает какого-либо из этих качеств, то вы вряд ли заслужите мое уважение. Если же вы милостиво позволите нам с тетей уехать, то обещаю, что до конца дней я буду вспоминать о вас с благодарностью.

Внимательно всматриваясь в лицо гостя, Уоррик пытался понять, искренне ли она говорит. Вряд ли, в конце концов решил он. Ведь в ней течет подлая кровь Макайворсов.

Заметив в глазах хозяина жесткий серебристый блеск, Арриан поняла, что мольбы не тронут его сердца.

— Не будем играть в прятки, милорд. — Она многозначительно взглянула на истертый ковер. — Я вижу, что вы ограничены в средствах. Если вы поможете мне перевезти мою тетю в Эдинбург, мой отец щедро отблагодарит вас за это.

Лицо его оставалось совершенно непроницаемым.

— Мне не нужны деньги вашего отца, миледи. Что же касается вашего отбытия в Эдинбург, то боюсь, что из этого ничего не выйдет.

От гнева глаза ее широко распахнулись.

— Неужели вы способны отказать леди Мэри в лечении, которое ей так необходимо?

— Боже упаси. Никто не собирается отказывать несчастной женщине в лечении.

— Но вы только что сказали, что не позволите нам ехать в Эдинбург?..

— Не совсем так. — Взгляд его сделался еще холоднее. — Речь шла только о вас, миледи.

— Вы безжалостный человек! Взгляд Уоррика скользнул по кольцу с рубином, красовавшемуся некогда на пальце его сестры.

— Я рад, что вы это понимаете.

— За что вы так жестоки к нам? Ведь ни я, ни моя тетя не сделали вам ничего дурного! Он прищурился:

— Вы правы, миледи. Лично против вас — так же как и против вашей тети — я ничего не имею. Но, увы — вы невольно оказались пешкой в некой затянувшейся игре... Теперь игра подходит к концу.

Сердце Арриан сжалось от страха, и она уже пожалела, что согласилась на эту встречу.

— Что вам от меня нужно?

— Это очень просто. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Она уставилась на него как на умалишенного, потом попыталась что-то сказать, но не смогла произнести ни звука.

— Вижу, мое предложение для вас несколько неожиданно. — В глазах его пряталась усмешка. — А теперь поставьте себя на мое место, миледи. Только вчера я увидел вас впервые в жизни, а сегодня уже не желаю себе иной супруги, кроме вас.

— Какая низость! Вы же знаете, что я помолвлена!.. Да и не будь я невестой другого, за вас я не вышла бы ни за что на свете!

— Право, миледи, я несказанно огорчен. Арриан гордо выпрямилась, подчеркивая всем своим видом, что не боится его.

— Я желаю только одного, сэр, — как можно скорее избавиться от вашего общества.

— Не исключено, что вам это никогда не удастся.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мне повторить?

— Но ведь мы с вами едва знакомы... Мы даже не нравимся друг другу!

Он усмехнулся:

— Ах, миледи, разве все это имеет значение?

Глава 6

— Никогда! Вы не можете заставить меня стать вашей женой.

Он продолжал смотреть на нее с тем же холодным спокойствием.

— Нет?

— Я не сошла с ума, чтобы соглашаться на такое.

— Нет?

Его уверенность пугала ее даже больше его слов. Это походило на дурной сон. Быть может, нужно просто взять себя в руки и проснуться? Но увы, то был не сон: ее кошмар происходил наяву.

Арриан заставила себя взглянуть ему в лицо.

— Милорд, это просто смешно. Не знаю, зачем вам понадобилась я, но вы мне решительно не нужны. Он налил чашку чаю и протянул ей.

— Может, все-таки угоститесь, миледи? Она покачала головой.

— Нет, благодарю вас. — Она сложила руки на коленях, надеясь, что дрожь в пальцах будет от этого не так заметна. — Я полагаю, нам не о чем больше говорить.

Взгляд его сделался жестким.

— Нам есть, о чем говорить. Мы должны сегодня же решить этот вопрос.

Налив себе вина из хрустального графина, он отпил глоток и принялся неторопливо перекачивать ножку бокала между ладонями. Арриан, как замороженная, смотрела на его руки.

— Взгляните правде в глаза, миледи, и взвесьте хорошенько мои слова. Как вы понимаете, убежать отсюда вы не сможете. Вызволить же вас некому, поскольку никто, кроме моих слуг, не знает, что вы здесь.

Она упрямо покачала головой:

— Я не желаю вас больше слушать!

— Вы думаете только о себе. А как же ваша тетя? Поверьте, ваше замужество принесет ей немалую пользу.

— Вы что, шантажируете меня?

— Никоим образом. Я просто пытаюсь с вами договориться. — От страха, застывшего в ее глазах, ему самому чуть не делалось дурно: жестокость по отношению к женщине была противна его натуре. Но кровавый отсвет ее рубина вновь напомнил ему о Гвендолин, и от этого сердце его словно покрылось ледяной коркой.

— Я понимаю так, миледи: я уступаю в чем-то вам, а вы в ответ уступаете мне.

Взгляд Уоррика, прикованный к огромному рубину, беспокоил ее все больше, и она то и дело поправляла обручальное кольцо у себя на пальце.

— Я не собираюсь вам ни в чем уступать, милорд.

— Как только вы примете мое предложение, я позволю вашей тете отправиться в Эдинбург.

— Не понимаю, для чего вам это нужно.

— Считайте, что в вас я нашел супругу, о коей мечтал много лет, и что отныне я не могу без вас жить.

Уоррик прекрасно понимал, что сидящая сейчас перед ним девушка так же молода и напугана, как его сестра в день свадьбы с Гавином Макайворсом. Его сестре уготована была страшная смерть в ненавистном окружении... Видно, сама судьба послала ему сегодня эту девушку, чтобы он мог с ее помощью нанести удар своему врагу.

— Вы не заставите меня принять ваше предложение, — сказала она.

Он так долго перекачивал в ладонях хрустальный бокал, молча разглядывая бегущие во все стороны блики, что Арриан готова была закричать. Наконец он поднял глаза.

— Страдать ли вам или спокойно принять свою участь — дело ваше. Вы все равно будете моей, со свадьбой или без. Выбирайте, что вам больше нравится.

— Неужели вы посмеете? Вы...

— Посмею. Решайтесь скорее, миледи, да я позову свидетелей — они выслушают наши с вами супружеские клятвы.

Медленно поднявшись со своего места, она поняла, что при всем желании не сможет сейчас от него убежать: ноги совсем не держали ее.

— Вы дурной человек, милорд... Но в глубине вашей души наверняка есть крупица порядочности. Вы не станете поступать так со мною. Мой отец убьет вас.

— Очень возможно — потом. Но это не помешает мне сегодня осуществить задуманное.

Она тряхнула головой, не постигая смысла происходящего.

— Да нет, вы просто пугаете меня. Ведь не можете же вы в такую погоду привезти сюда священника. Да и подготовка бумаг требует времени...

— Мы в Шотландии, а не в Англии, миледи. По здешним законам нам нужно лишь назвать себя при свидетелях мужем и женой, и наш с вами брак будет таким же законным, как если бы сам епископ венчал нас в Вестминстерской церкви.

Арриан показалось, будто капкан захлопывается над нею, но гордость все еще не позволяла ей признать свое поражение.

— Я никогда не назову себя вашей женой!

— Как вам угодно. Но я бы на вашем месте взвесил хорошенько все «за» и «против».

Поставив бокал на стол, Уоррик встал и протянул ей руку. Арриан отпрянула и отрицательно замотала головой.

— Ну, же, миледи! Вот увидите, из меня получится превосходный супруг. Она убрала руку за спину.

— Нет.

— Или соглашайтесь стать моей женой, или сейчас же идите со мною в мою спальню.

Арриан презрительно тряхнула златовласой головой.

— Несчастье стать вашей женой страшит меня сильнее вашей спальни, милорд.

Схватив ее за запястье, Уоррик властно притянул ее к себе, так что она почувствовала его дыхание на своем лице. По глазам, лишенным жалости и сострадания, она поняла, что ее слова не тронули его.

— На свете есть куда худшие несчастья, чем стать моею женой, миледи.

Нахлынувший страх заставил Арриан забыть свое самолюбие, и она взмолилась:

— Заклинаю вас, милорд, не делайте этого!

— Вы же хотите, чтобы ваша тетья получила надлежащее лечение? Доктор Эдмондсон, конечно, прекрасный человек, но его знания и возможности, мягко говоря, ограничены.

— А если я соглашусь... вы обещаете отпустить мою тетью в Эдинбург?

— Обещаю. — Жесткий взгляд серебристых глаз, казалось, пронизывал его насквозь. — Итак, ваш ответ?

Она сделала попытку вырваться, но он держал крепко.

— Мой ответ — нет! Тетья не позволит мне согласиться на такую сделку.

— Миледи, если я возьму вас силой, то вскоре об этом узнают ваши родные, и начнется война — вы подумали об этом? И тогда любой из них может погибнуть — ваш дед, или жених, или даже отец.

Глаза Арриан наполнились жгучими слезами. Он нашел ее самое уязвимое место — любовь к родным.

— Но ведь вы этого не допустите... да? Вы позволите мне уехать раньше, чем она начнется?

— Единственное, что я могу сказать наверное, — это что не я буду ее зачинщиком. Но уж если Макайворсы явятся за вами — а я нисколько не сомневаюсь, что они это сделают, — я вынужден буду защищать свой замок.

У нее началась нервическая дрожь.

— Но почему, почему вы это делаете? Почему заставляете меня страдать и переживать за моих ближних?

— Возможно, потому, что у меня с ними старые счеты.

— Если у вас с Макайворсами какие-то неурядицы, мой отец поможет вам их уладить. Король Уильям его друг и прислушивается к его словам.

— Неурядицы, миледи? — Он усмехнулся. — Вероятно, в лондонских гостиных принято обозначать этим словом кровопролитие и предательство?

— Уверю вас, король Уильям выслушает моего отца.

— Я не верю в справедливость вашего короля. Последний раз, когда мы сошлись с Макайворсами, на поле брани полегло немало людей с обеих сторон. Король Уильям прислал к нам войска, чтобы наказать участников сражения. Знаете, что тогда сделали мы все — и Драммонды, и Макайворсы? Мы поклялись англичанам, что люди пали во время обычного дружеского турнира. Да, ваш король внушает нам мало уважения, и в этом мы с Макайворсами вполне едины.

— Но мой отец...

Он наконец отпустил ее запястье.

— Достаточно, миледи. Я задал вам всего только один вопрос, и время, и терпение мои уже иссякают.

— Неужто у вас совсем нет сердца?

— Раньше было, да с тех пор уже много воды утекло. — В углах его рта неожиданно обозначились горестные складки. — Может, как раз вы и поможете мне обрести его вновь. — Он поднял глаза, и от этого взгляда мурашки пробежали у нее по спине.

— Я ни минуты больше не желаю оставаться под вашим кровом. Извольте распорядиться, чтобы для нас с тетей заложили карету, и мы сейчас же уедем отсюда.

Когда Уоррик шагнул к ней, она отстранилась, но все же не решилась отнять у него свою руку.

Подняв руку с кольцом ближе к канделябру, он смотрел, как отблески пламени вспыхивают на гранях знакомого рубина.

— Когда-то я видел его на пальце другой девушки. — Он отпустил ее руку. — Впрочем, неважно. Скоро вместо этого кольца я надену на ваш палец другое.

— Я не желаю менять его ни на какое другое, — заявила она и демонстративно сплела перед собою пальцы рук.

— Кажется, вы недооцениваете серьезности вашего положения. Моей сестре было примерно столько же лет, сколько вам, когда она выходила за одного из Макайворсов... В ночь свадьбы она умерла.

— Вы... хотите убить меня? — ужаснулась Арриан.

— Убить женщину? Что вы! На такое способны разве что Макайворсы. О нет, я не желаю вашей смерти. Напротив, я желаю, чтобы вы жили долго, очень долго. — Уоррик легко коснулся ее щеки и провел рукой по золотистым волосам. — Неудивительно, что Йен Макайворс влюбился в такую красавицу. Я хочу, чтобы он страдал и мучился до конца своих дней из-за того, что предмет его вожделения принадлежит мне.

— Я никогда не буду принадлежать вам! Я люблю Йена и буду любить его всегда. Он вздохнул с видимой досадой:

— Этот разговор становится утомительным. Не желаете выходить за меня замуж — что ж, тогда пожалуйста ко мне в спальню.

Глаза Арриан сверкнули гневом.

— Нет!

Не говоря ни слова, он легко поднял ее на руки и вынес из комнаты. Арриан отчаянно боролась, но он лишь крепче прижимал ее к себе.

— Тихо, — шепнул он. — Все равно вам со мною не сладить.

Пока он поднимался по лестнице, она с тоской озиралась, надеясь увидеть хоть кого-нибудь.

— Вы, кажется, намерены кричать и звать на помощь? Не утруждайте себя. Мои слуги вам не помогут.

Арриан попыталась представить, как бы на ее месте поступила ее мама. Неожиданно она поняла, как ей себя вести.

— Делайте что угодно, милорд. Все равно я не стану вашей женой.

Наверху он молча повернулся и понес ее по темному коридору в противоположную от тетушкиной комнаты сторону. Вскоре он так же молча ударом ноги распахнул перед собою какую-то дверь и вошел.

В первую же секунду Арриан поняла, что это не его спальня. Кровать под кружевным балдахинном была покрыта кружевным же покрывалом. В камине горел огонь, и по всей комнате разносился аромат лимонного масла, словно в ней только что делали уборку.

— Да, — словно отвечая на ее вопрос, сказал он. — Моя спальня по другую сторону от холла, а эта комната принадлежала моей сестре. Я распорядился приготовить ее для вас. — Он опустил Арриан на пол, но не убрал руку с ее плеча. — Ваши вещи уже перенесены в гардеробную. Если что-нибудь понадобится, кликните прислугу.

— Мне здесь не нравится. Я хочу вернуться в комнату моей тети.

— До тех пор, пока мы не разрешили наш с вами спор, вам придется либо оставаться в этой комнате, либо переселиться в мою. Что вы выбираете?

С трудом высвободив руку, Арриан подошла к окну. От страха у нее шумело в ушах, но она всеми силами старалась это скрыть.

— Вы так меня ошеломили, что я уже плохо понимаю, чего именно вы от меня хотите.

— Все очень просто. Если вы согласитесь при свидетелях — в числе которых будет и ваша тетя — назвать меня своим супругом, то я предоставлю эту комнату в ваше полное... и единоличное распоряжение, а ваша тетя сможет отправиться в Эдинбург.

— А если нет?

— Я уже сказал: тогда вам придется лечь в мою постель.

— Но ведь я не сделала вам ничего дурного! Глаза Уоррика холодно сверкнули.

— Это мы с вами уже обсуждали. Итак, решайте, миледи. У вас есть на это ровно один час.

— Что я должна буду сделать? Только объявить о своей согласии в присутствии свидетелей — и больше ничего?

— Решительно ничего.

— И тогда вы сразу же отпустите мою тетю в Эдинбург?

— Да, миледи, я уже обещал. — Подойдя к ней вплотную, он положил руку ей на затылок и привлек к себе. — А вот что вас ожидает в противном случае. — Не успела она ответить или увернуться, как он впился губами в ее губы. У Арриан перехватило дыхание, стук сердца глухими ударами отдавался в ушах. Она пыталась вырваться, но он держал крепко, а губы его безжалостно терзали ее. Наконец он отпустил ее с той же неожиданностью, с какой только что притянул к себе.

Из груди дрожащей Арриан готово было вырваться рыдание. Она взглянула прямо в серебристые глаза, но вместо победного блеска, какого можно было ожидать, прочла в них лишь удивление.

— Миледи, вы восхитительны. Право, я даже сочувствую Йену Макайворсу.

Когда Арриан, все еще дрожа, без сил опустилась на кровать, Уоррик развернулся и пошел к двери.

— Хорошенько подумайте над всем этим. Я вернусь ровно через час.

Дверь за ним захлопнулась.

Нисколько не сомневаясь, что он не шутит, Арриан взглянула на каминные часы. Итак, у нее еще час времени.

Голова разламывалась, как перед тяжелой болезнью. Подойдя к кувшину с водой, Арриан намочила чистую тряпку и приложила ее к воспаленному лбу. Сейчас ей нужны были спокойствие и ясность, иначе она пропала.

Убедившись, что дверь не заперта, Арриан вздохнула с некоторым облегчением. Ей так хотелось рассказать обо всем тетушке и спросить совета, но леди Мэри в ее теперешнем состоянии все равно не могла бы ей ничего сказать. Значит, придется все решать самой. Здесь,

в замке ее мучителя, помощи ждать было не от кого.

Арриан подошла к камину и стала смотреть на пляшущие языки пламени. Что бы сделала на ее месте мама? Арриан знала одно: в этой, как и в любой другой игре герцогиня Равенуортская вышла бы победительницей. Но как? Как одержать верх над лордом Уорриком?

Если пробраться в конюшню и вывести оттуда лошадь, можно попробовать добраться до ближайшей деревни, вдруг подумала она. Кто-нибудь наверняка согласится ей помочь.

Почему-то в голову пришла любимая поговорка тетушки Мэри: коли довелось плясать с чертом, так старайся плясать под свою дудку.

Теперь Арриан знала, как она поступит.

Мактавиш хмуро глядел на Уоррика.

— Я видел, как ты вырос и превратился в мужчину и как, пережив все тяготы, стал истинным вождем своих людей. Ты заботился о них, как о родных детях, и отдавал им свой последний кусок хлеба, чтобы они не голодали. Я видел, как ты скорбел по своей погибшей сестре, и скорбел сам вместе с тобой. До сегодняшнего дня мне ни разу еще не приходилось стыдиться за тебя. Но сегодня... Уоррик Гленкарин, ты должен отпустить этих женщин как можно скорее.

— Я не звал их сюда, — сказал Уоррик. — Сама судьба привела их ко мне, и я намерен этим воспользоваться.

— Уоррик, ты не сможешь силой заставить девушку выйти за тебя замуж. Это недостойно тебя!

— Отчего же? Джейми Макайворс заставил леди Элен выйти за него.

— Но невеста лорда Йена ни в чем не виновата. Отпусти ее, иначе ты окажешься ничем не лучше Макайворсов.

— Если она согласится на фиктивный брак со мною, это не принесет ей никакого вреда. Мактавиш с сомнением взглянул на него.

— И тогда ты отпустишь ее?

— Отпущу, — немного помедлив, сказал Уоррик. — Когда сочту нужным.

Его старый друг разочарованно отвернулся.

— Я не желаю в этом участвовать, Уоррик.

— Ты забыл мою сестру?

Из широкой груди Мактавиша вырвался тяжкий вздох.

— Нет, сынок, не забыл.

— Мактавиш, ты мой самый близкий друг, и я хочу, чтобы ты был свидетелем на моей свадьбе.

— А что ты будешь делать, если она скажет «нет» ?

— Ничего. Я ее отпущу, хотя она и считает себя моей пленницей. Даже в отместку я не смогу взять женщину против ее воли. Надеюсь, ненависть к Макайворсам не толкнет меня на такую низость.

— Хорошо, сынок, — кивнул Мактавиш. — Я буду твоим свидетелем. Но предупреждаю тебя: готовься к жестокой схватке. Ответный удар не заставит себя ждать, и тогда моя помощь будет тебе куда нужнее, чем сейчас.

— Я рассчитываю на тебя.

Стоя у окна, Арриан следила за медленным кружением снежинок. Она не ответила на стук в дверь и не обернулась, когда в комнату вошел хозяин замка.

Ему пришлось подойти к самому окну, взять ее за плечи и развернуть к себе. Однако по ее лицу ничего нельзя было сказать.

— Что вы решили?

Арриан ненавидела этого человека всей душой и, будь на то ее воля, бросилась бы на него с кулаками, однако сейчас ей надо было казаться равнодушно-спокойной. „

— Учтите, что я люблю Йена и мое сердце никогда не будет принадлежать вам. Он рассмеялся:

— Вы, кажется, думаете, что я посягаю на ваше сердце? Уверю вас, что это не так.

— Если вы хотите, чтобы я согласилась разыгрывать вместе с вами этот фарс, не смейте ко мне прикасаться.

Уоррик убрал руки и отступил на шаг.

— Обещаю не делать этого, миледи, если только вы сами меня не попросите... чего, впрочем, я отнюдь не исключаю.

Она негодуяще вскинула голову.

— Никогда!

— Но довольно об этом. Вы приняли решение? Арриан, видимо, колебалась, снова и снова взвешивая все доводы.

— Я предоставлю вам отдельную комнату, и ключ от нее будет только у вас, — сказал Уоррик, заметив ее замешательство. — Даю слово.

— Не уверена, что на ваше слово можно положиться.

— Пока что мне не доводилось его нарушать. Она присела в реверансе с преувеличенной вежливостью.

— Сила на вашей стороне, милорд.

— Рад, что вы это понимаете.

— Думаю, вам еще придется пожалеть о сегодняшнем дне!

Он пронзил ее испепеляющим взглядом.

— Ничего, миледи, как-нибудь переживу. Мне и без того о многом приходится жалеть.

— Когда вы намерены устроить эту комедию со свадьбой?

— Сегодня в девять. Поскольку ваша тетя больна, думаю, придется пригласить всех в ее комнату, чтобы она тоже могла засвидетельствовать наш союз. Миссис Хаддингтон поможет вам одеться, сейчас я ее пришлю.

— Нет. Я хочу, чтобы церемония была отложена до завтра. Мне нужно время, чтобы подготовиться.

Он немного помолчал.

— Хорошо. Думаю, один день ничего не изменит.

Всем своим видом показывая, что уступает ему лишь под давлением обстоятельств, Арриан тем временем уже обдумывала план побега.

— Но запомните раз и навсегда: в душе я никогда не стану вашей женой.

В первый раз за все время он улыбнулся, и его улыбка почему-то показалась ей веселой, а не злорадной, как можно было ожидать.

— Да, миледи! Боюсь, что нас с вами ждет нелегкая семейная жизнь.

Глава 7

Арриан, сидя у камина, тревожно прислушивалась. Наконец из коридора донеслись шаги лорда Уоррика. Возле ее двери он остановился, но вскоре, к ее облегчению, удалился в сторону своей комнаты.

Часы уже пробили полночь, но Арриан не двигалась с места. Она наметила побег на час ночи, решив, что к тому времени все уже наверняка улягутся.

Наконец она встала, облачилась в свое самое теплое шерстяное платье и ботинки для верховой езды и, прихватив перчатки и плащ с меховой оторочкой, медленно приоткрыла дверь.

В холле было темно и тихо. Сжимая свечу, Арриан торопливо направилась в сторону тетушкиной комнаты.

Леди Мэри беспокойно металась и стонала во сне. Когда Арриан взяла ее за руку, тетушкины веки медленно приподнялись.

— Дитя мое, где ты была? Я так волновалась.

Больше всего на свете Арриан хотелось броситься в тетушкины объятия и все ей рассказать. Но можно ли так тревожить больную? Нет, сейчас ей следует сообщить только самое необходимое.

— Тетушка Мэри, я решила ехать за помощью. Нам опасно здесь оставаться.

— Это я виновата, — простонала леди Мэри. — Не будь я такой упрямой и несговорчивой,

ничего бы этого не случилось.

— Не надо, не корите себя напрасно. Постарайтесь сберечь силы: скоро я вернусь за вами.

Леди Мэри тревожно всматривалась в племянницу.

— Что случилось? Неужели этот злодей осмелился поднять на тебя руку?

— Нет... но его домогательства мне невыносимы.

Леди Мэри зажмурилась, собираясь с силами. Когда ее глаза снова открылись, в них горели решимость и отчаяние.

— Тебе нужно немедленно бежать отсюда. Арриан нагнулась над кроватью и прильнула щекой к тетушкиной щеке.

— Так тяжело оставлять вас здесь!

Леди Мэри как будто чуть-чуть успокоилась.

— Не волнуйся — мне он ничего не сделает. Думай сейчас только о себе. Торопись!

— Главное — незаметно добраться до конюшни.

— Снег еще идет? Арриан метнулась к окну.

— Нет. Небо ясное, и от луны светло как днем. — О том, что на горизонте опять темнеют облака, она решила не говорить.

— Мне больно сознавать, что по моей вине ты оказалась пленницей. Но, — леди Мэри ободряюще улыбнулась, — ты вырвешься отсюда. Ты непременно отсюда вырвешься!

— Лучше замерзнуть в пути, чем согласиться на постыдные условия лорда Уоррика, — тихо проговорила Арриан.

— Да, деточка, — отозвалась леди Мэри. — Пожалуй, это будет меньшее из двух зол. — Вздрогнув, она постаралась поскорее отбросить дурные мысли. — Я уверена, что все получится, как ты хочешь: ты ведь прекрасная наездница. Когда выберешься из замка, скачи на юг. Деньги у тебя есть?

— Да.

— Проклятая слабость! Это из-за нее я не могу уехать вместе с тобой, — явно умаляя боль в ноге, пробормотала леди Мэри. — Поезжай в Абердин и разыщи там дом лорд-мэра. Он давний друг моего отца, он поможет тебе.

— Это далеко отсюда?

— Точно не знаю. Возможно, придется скакать всю ночь и еще полдня. Будешь ехать через какую-нибудь деревню — купи себе свежую лошадь. Не останавливайся, даже если совсем не останется сил... А теперь ступай.

— Не отчаивайтесь, милая моя тетушка. Скоро я за вами вернусь.

Леди Мэри сжала девичью руку.

— Не надо, с лордом Уорриком я справлюсь и без тебя. Тебе же пора уходить. Если все выйдет, как ты задумала, Драммонды хватятся тебя не раньше завтрашнего утра.

Арриан накинула теплый плащ и натянула перчатки.

— Молитесь за меня, тетушка Мэри.

— Непременно, дитя мое. Но умоляю тебя: не медли. К рассвету ты должна быть как можно дальше от Айронуорта.

Арриан быстро прошла к двери и обернулась.

— О, как это ужасно — оставлять вас в такую минуту! Мне еще никогда не было так тяжело, как сейчас.

— Не забывай, Арриан: это я требую, чтобы ты уехала, ты же лишь выполняешь мою волю.

Когда Арриан выскользнула за дверь, леди Мэри еще долго прислушивалась, глядя в огонь.

— Да хранит тебя Господь, милая моя девочка...

Стараясь держаться в тени, Арриан тихо спустилась в холл и отворила входную дверь. Петли пронзительно скрипнули, и Арриан в страхе прижалась к стене. Прошло несколько томительных секунд, но на скрип никто не выходил. Наконец она осмелилась шагнуть за порог.

Тетушкина комната, расположенная с задней стороны дворца, выходила окнами на море, и Арриан понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, что где. Вскоре она поняла, что должна пересечь внутренний дворик и по снежной тропинке добежать до конюшни. Не колеблясь ни минуты, она устремилась вперед и остановилась лишь перед входом, чтобы отдышаться и проверить, нет ли погони.

К счастью, ворота конюшни оказались хорошо смазаны и отворились бесшумно. Огня внутри не было, и ей пришлось ждать, пока глаза привыкнут к темноте.

Лунный свет из окна помог ей отыскать дорогу к лошадиным стойлам. Арриан шла, внимательно всматриваясь, и уже за второй перегородкой увидела то, что искала: перед нею стоял превосходный породистый жеребец, с виду способный выдержать самое утомительное путешествие.

Разыскав в темноте седло, она набросила его на спину лошади. Седло было мужское, но это не имело значения. Арриан подтянула подпругу и вывела жеребца из конюшни. Ее расчеты на темноту пока не оправдывались: двор был залит лунным светом, а темные облака все так же висели над горизонтом.

Арриан решительно поставила ногу в стремя, вскочила в седло и тронула поводья. Сначала она ехала шагом, но, как только дорога перевалила через вершину холма, всадница ударила пятками в лошадиные бока и порадовалась своему выбору: скакун рванулся вперед и побежал размашисто и легко, все дальше унося ее от зловещего замка.

На вершине следующего холма Арриан натянула поводья и оглянулась. Картина, открывшаяся ее взору, поражала великолепием и покоем. Над просторами снежных холмов высился серый

замок Айронуорт, позади его колыхались волны Северного моря, а белизна сверкающего под луной снега придавала всему пейзажу ощущение призрачности и неправдоподобия.

На минуту Арриан овладели сомнения: что делать? Скакать ли дальше за помощью? Или, быть может, лучше вернуться к лорду Уоррику и оставаться подле больной тетушки? Но выбор ее уже совершился, пути назад не было, и она повернула лошадь на юг. Ледяной ветер обжигал ее щеки и трепал полы плаща. «Только бы не сбиться с пути, — твердила она про себя. — И только бы лорд Уоррик не выслал погоню!..»

Войдя в столовую, миссис Хаддингтон водрузила на стол поднос с кушаньями и молча встала рядом.

Уоррику достаточно было взглянуть на старую экономку, чтобы убедиться, что она не в духе.

— Ну же, Хадди, выкладывай, что там у тебя на уме. Я же знаю, мне не удастся спокойно позавтракать, пока ты не выскажешь мне все, чем недовольна.

— Что ж, и выскажу, коли сами спрашиваете. Так вот, милорд, эта ваша завтрашняя свадьба с англичанкой мне, ох, как не нравится! Говорю вам это без обиняков, милорд, потому что знаю вас с пеленок.

— Ну а если я тебе открою, что эта англичанка — внучка вождя Макайворсов? Что ты на это скажешь?

— Скажу, что тогда, милорд, вам и вовсе не след на ней жениться. Всяк знает, что у Макайворсов порченная кровь, потому что они в родстве с самим лукавым.

Уоррик усмехнулся:

— Кто это «всяк», Хадди?

— Да спросите любого в нашей округе.

— А вот Макайворсы, я слышал, думают то же самое о Драммондах.

— Не было еще такого, чтобы Макайворс победил Драммонда в честном бою, потому что они знать не знают, что такое честь. — Миссис Хаддингтон подхватила с серебряного подноса тарелку и со стуком поставила ее перед хозяином. — Милорд, вам и так счастья Господь не послал, а коли не пошлет и хорошей жены, так я, старая, и помереть не смогу спокойно.

Уоррик задумчиво смотрел, как она наливает ему горячий чай.

— Сдается мне, Хадди, что это твое счастье обманчиво, как сон. Да и что вообще оно такое, счастье? Руками его не пощупаешь и глазами не разглядишь. Зато если я отниму счастье у Йена Макайворса — кто знает, может, в этом я найду свое утешение? Видишь ли, Хадди, эта англичанка как раз предназначалась ему в жены.

— Боже правый! — Экономка побледнела. — Отпустили бы вы ее поскорее от греха подальше! Пусть себе едет своей дорогой.

— Нет, Хадди! Я женюсь на ней. Не успела миссис Хаддингтон ответить, как в дверях возник Тэм, явно обеспокоенный.

— Милорд, ночью кто-то пробрался в конюшню и увел Тайтуса.

Уоррик вскочил из-за стола.

— Что? Может, он сам вырвался?

— Да нет, не мог же он потом сам закрыть за собой стойло.

— Как это произошло?

Юный конюх растерянно развел руками.

— Не знаю, милорд. Я же сплю над самой конюшной... Был бы шум, думаю, я бы услышал.

Уоррик поспешил во двор, Тэм едва поспевал за ним.

— Остались какие-нибудь следы?

— Следы если и были, милорд, так их уже занесло. Вон ведь какая метель разыгралась под утро.

В конюшне Уоррик обнаружил, что вместе с Тайтусом пропало и его седло. Он нагнулся, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь на земле, и вскоре обнаружил в грязи свежие отпечатки чьих-то маленьких сапог.

— Вижу, наш конокрад был либр совсем еще юнец, либо... — Прищурясь, он потрогал след пальцем. — Либо женщина!

В следующую минуту Уоррик уже спешил домой. Взбежав вверх по лестнице, он распахнул дверь комнаты Гвендолин и увидел нетронутую постель. Почти бегом он бросился в комнату леди Мэри.

Он постучал в дверь и, не дождавшись ответа, вошел. Леди Мэри, судя по всему, ждала его. На ее губах играла весьма довольная усмешка.

— Да, лорд Уоррик, моя племянница решила бежать. Она прекрасная наездница, и вам не удастся ее догнать. Наконец-то она вырвалась из этого постыдного плена!

— Боже правый, да вы хоть понимаете, что она натворила? Снег валит сильнее, чем в ночь, когда опрокинулась ваша карета... Она же собьется с дороги и замерзнет насмерть!

По бледным щекам леди Мэри покатались слезы.

— Вы не оставили ей выбора.

— Миледи, я не сделал бы с вашей племянницей ничего дурного. Теперь же, если ее немедленно не отыскать, она погибнет!

Леди Мэри всматривалась в его глаза, но видела в них лишь искреннюю тревогу.

— Милорд, это ваши невозможные притязания виноваты в том, что ей пришлось спасаться бегством!

— Да, но со мной она была бы жива, а не замерзала бы сейчас в каком-нибудь сугробе.

Леди Мэри с мольбой протянула к нему руки:

— Найдите ее, милорд! Я виновата в том, что она оказалась здесь, вдали от своих близких. Если она умрет у меня на руках, я этого не перенесу.

Уоррику стало жаль несчастную женщину. Было видно, что она не находит себе места от отчаяния, потому что любит свою племянницу всей душой.

— Я сделаю все, что смогу. Вам известно, в какую сторону она собиралась направиться, миледи? Леди Мэри колебалась не более мгновения.

— В сторону Абердина.

Провожая лорда Уоррика глазами, она с ужасом представила, как она сообщит Кэссиди и Рейли о смерти их любимой дочери. Увы, все ее благие намерения вот-вот могли закончиться более чем плачевно.

Вой ветра казался гласом обезумевшей природы. Арриан еще пыталась бороться, но ни уговоры, ни понукания уже не могли заставить несчастное животное сдвинуться с места.

Спрыгнув в глубокий снег, Арриан уткнулась лицом в лошадиную шею и заплакала слезами бессилия. Дороги не было, и теперь их обоих ждала неминуемая гибель.

Она завела жеребца за обломок скалы, чтобы хоть немного защититься от ветра. Стараясь не замечать холода, пронизывающего до костей, она не переставая оглаживала и успокаивала великолепного скакуна — сообщника ее дерзкого побега.

Начавшаяся под утро метель неистовствовала все сильнее. В сплошной снежной круговерти невозможно было определить, с какой стороны юг, указанный тетужкой Мэри как путь к спасению.

В отчаянии Арриан прижалась к усталому животному, пытаясь одновременно согреться и согреть его своим последним теплом. Однако ноги ее уже деревенели от холода, и вскоре она опустилась прямо в сугроб.

Сил не осталось даже для того, чтобы сетовать на судьбу. «Мама, отец, Майкл, прощайте, мы не увидимся более!..» — слабо вскрикнула она, но голос ее утонул в вое ветра. Увы, ей так и не довелось изведать счастья семейной жизни с Йеном, нарожать ему детей и состариться вместе с ним...

Непослушными пальцами она кое-как натянула на голову капор и плотнее завернулась в плащ. Что ж, стало быть, такова ее участь — умереть на чужой недоброй земле.

Жеребец, по-видимому, гораздо больше страдал от усталости, чем от холода. Арриан слышала от тетужки, что на севере у всех животных шерсть гуще, и поэтому они лучше переносят суровый климат.

«Я просто устала, — равнодушно думала она. — Вот отдохну немного — и дальше в путь. Метель кончится, и тогда я наконец отыщу дорогу на Абердин...»

Арриан открыла глаза и огляделась. Снег валил не переставая, и невозможно было определить, долго ли она спала. Медленно поднявшись на ноги и обнаружив, что лошадь убежала, девушка

застонала и прислонилась лбом к заледеневшему обломку скалы. Надвигалась ночь, спасения не было. Ноги уже начали отниматься — она почти не чувствовала их под собой.

С каждой минутой Арриан все яснее понимала, что замерзает. Веки ее смежились, и сон — на сей раз, очевидно, вечный сон — начал окутывать ее своей пеленой. Жизнь неумолимо ускользала от нее, но ей уже было все равно. Хотелось только поскорее погрузиться в этот сладостный покой, чтобы не чувствовать боли...

Придерживая за поводья Уоррикову лошадь, Мактавиш издал зычный крик.

— Э-ге-гей!..

Голос его смешался с воем ветра.

— Бесполезно. В такую метель нам ее не найти. Ее, поди, и в живых уже нет — разве что кто-то подобрал ее на дороге.

Уоррик вырвал у Мактавиша поводья.

— Нет! Я буду ее искать. Она оказалась одна в горах по моей вине, и я найду ее.

Они продолжали медленно двигаться против ветра: впереди Уоррик и Мактавиш, за ними, чуть поодаль, Тэм. К концу дня ветер стих, и снегопад прекратился, но Уоррик уже начал осознавать тщетность дальнейших поисков. Девушка наверняка уже замерзла, да и кто бы мог выжить в одиночку в такую метель, тем более без привычки к здешнему суровому климату?

Первым Тайтуса, с трудом ковылявшего в сторону Айронуорта, заметил Тэм. Уоррик пришпорил лошадь и вскоре поймал своего любимца за поводья. При виде плачевного состояния, в каком находился его лучший скакун, он лишь молча стиснул зубы.

— Тэм, отведи его на конюшню, а мы с Мактавишем поедem дальше. Следы Тайтуса, если их еще не замело, выведут нас куда надо.

Арриан очнулась оттого, что чьи-то руки тянули ее наверх, понуждая встать из слепяще-белой постели. Ей совсем этого не хотелось. Там, где она витала сейчас, холод уже не беспокоил ее.

— Оставьте меня, — слабо отмахиваясь от незваного избавителя, бормотала она, но те же сильные руки уже подхватили ее и закутали в шубу. Потом ее подняли в седло — или то было лишь продолжение сна?..

До нее доносились чьи-то приглушенные голоса, но они не занимали ее. Ей хотелось одного: спать, спать...

— Мактавиш, поезжай в замок и сообщи леди Мэри, что ее племянница нашлась. Пока что придется отвезти ее в охотничий домик: вряд ли она в таком состоянии выдержит дорогу до Айронуорта. Передай ее тете, пусть не волнуется. Завтра, когда девице будет немного лучше, я доставлю ее в замок.

Радуюсь неожиданному теплу, Арриан заворочалась и прильнула к его жесткой груди. На секунду она приоткрыла глаза и с ужасом увидела над собою лицо лорда Уоррика.

— Не бойтесь, миледи, опасность уже миновала, — шепнул он ей в самое ухо и, крепче прижимая ее к себе, направил лошадь на знакомую тропу между холмами.

Он спешил поскорее попасть в охотничий домик, однако лошадь часто оступалась на скользком склоне, и ему то и дело приходилось ее придерживать.

Прижимая к себе обессиленное девичье тело, он терзался невыносимыми муками раскаяния. Это из-за него ей пришлось спасаться бегством: он сразу же потребовал от нее слишком много, и она испугалась.

Из-за облака выглянула луна, и заснеженные холмы тотчас преобразились в ее свете. Уоррик взглянул на спящую девушку. Она была прелестна и беспомощна, и странное томление, непонятное и непрошеное, шевельнулось в его груди.

Различив в темноте контуры охотничьего домика, он пустил лошадь вскачь. Девушка слишком долго находилась на холоде и ветру, надо было поскорее доставить ее в тепло.

Впрочем, она была так слаба, что помощь уже могла оказаться запоздалой.

Глава 8

Уоррик уложил девушку на кровать и накрыл несколькими одеялами, потом развел в очаге огонь, вскипятил немного воды и заварил чай. Размешав в кружке сахар, он подошел к кровати и приподнял голову Арриан.

— Вот, выпейте. Это поможет вам согреться.

Арриан машинально оттолкнула кружку, но он продолжал настаивать, и она решила отпить глоток, чтобы ее поскорее оставили в покое и не мешали спать.

Горячий чай пришелся ей по вкусу, и она отпила еще немного. Но когда ее ресницы затрепетали и глаза открылись, над нею снова замаячило опостылое лицо лорда Уоррика.

— О нет! — простонала она. — Зачем вы здесь? Я должна бежать от вас. Оставьте меня!

— Пока не могу, миледи. Сперва я должен убедиться, что у вас нет обморожений. К тому же вы совсем замерзли, и мне придется постепенно вас отогревать.

Он откинул одеяла и вытащил из-под нее влажный плащ.

— Что вы делаете? — забеспокоилась она. — Нет!

— Я делаю то, что для вас теперь важнее всего. Вы чуть не погибли от холода, и сейчас я должен снять с вас намокшую одежду.

Он стянул через голову ее шерстяное платье и раздел ее до нижнего белья. У нее не было сил сопротивляться, когда же она пыталась что-то сказать, он коротко приказывал ей лежать тихо.

Наконец Арриан решила, что все равно ей с ним не сладить, и подчинилась его уверенным рукам.

С невозмутимостью бывалого горца Уоррик обернул ее руки и ноги теплыми полотенцами. Заметив иссиня-черные кровоподтеки на ее спине и плечах, он на мгновение застыл. Значит, она тоже сильно ударилась во время дорожного происшествия? Почему же тогда она не сообщила доктору Эдмондсону о своих ушибах?

Наконец, сочтя, что влажные компрессы больше не нужны, он обернул ее мягким шерстяным одеялом, отнес поближе к очагу и сел у огня, держа ее на коленях.

Арриан, которой снилось, что ей тепло и хорошо, придвинулась к нему ближе, уютнее устраиваясь у него на руках.

— Йен, — прошептала она. — Йен.

При звуке ненавистного имени Уоррик затрепетал от отвращения. Что ж, значит, именно эта девушка вернее всех людей на земле поможет ему нанести удар по врагу.

Арриан давно уже уснула, а он все сидел, держа ее на коленях, и смотрел в огонь. Случись что, ее смерть легла бы на его душу вечным грузом. Странно, что она ни разу не пожаловалась на свои ушибы, думал он. Оказывается, не все женщины любят, когда с ними носят, как с фарфоровыми куклами.

Вздохнув, Арриан теснее прижалась щекой к его груди. Уоррик опустил глаза и невольно затаил дыхание — так поразило его ее лицо. Она была похожа на нежный цветок, нетронутый и прекрасный.

Уоррик поспешно отвел глаза и снова стал смотреть в огонь. Ему не хотелось сейчас разбираться в том, почему на сердце у него так тяжело.

Однако взгляд его помимо воли то и дело останавливался на лице девушки. Длинные тени от ресниц падали на ее бархатистую кожу. Глаза были закрыты, но он помнил их голубизну и особенно хорошо — горевшее в них негодование. Кто знает, доведется ли ему увидеть эти глаза счастливыми? Он ни разу еще не слышал ее смеха — так ли он мелодичен, как ее голос?

Наконец, сочтя подобные мысли крайне неуместными, Уоррик решительно встал, переложил Арриан на кровать и укрыл одеялами. Девушка продолжала спокойно спать. Только теперь он впервые вышел за дверь, расседлал лошадь, отвел ее в укрытие, напоил и задал овса.

Когда он возвратился, Арриан все еще спала. Постояв некоторое время возле кровати, Уоррик заставил себя отвернуться: он не имел права поддаваться жалости. Вендетта с Макайворсами продолжалась, и эта девушка должна была стать самым главным его оружием.

Арриан почивала, уютно свернувшись калачиком под несколькими одеялами и не догадываясь о том, что с каждой минутой ее судьба все прочнее вплетается в мрачные планы вождя Драммондов. Ей снилось, что она спит у себя дома, в родном Равенуортском замке.

Проснувшись в теплой постели, Арриан с наслаждением зарылась лицом в пуховую подушку. Она чувствовала себя вполне отдохнувшей, но, пребывая посередине между действительностью и миром сновидений, все же не спешила покидать последний.

Внезапно откуда-то донесся запах пищи, и у нее засосало под ложечкой. Сладко потянувшись, она села в постели и с изумлением огляделась. Где она?

Кругом не было никого, лишь головы нескольких оленей и кабанов смотрели на нее с бревенчатых стен.

За дверью кто-то громко затопал ногами, отряхивая снег. Когда дверь отворилась, Арриан некоторое время ошеломленно глядела на лорда Уоррика, потом, спохватившись, подтянула одеяло к самому подбородку и отбросила назад спутанные волосы.

— Зачем вы не дали мне умереть?

— Вы, вероятно, проголодались, — не отвечая на вопрос, заметил Уоррик и с грохотом высыпал в ящик охапку дров.

Арриан демонстративно скрестила руки на груди.

— Ничуть. Во всяком случае, в вашем угощении я не нуждаюсь.

— Жаль. А вот я умираю от голода. Утром сюда заезжал Мактавиш и привез от Хадди пропасть всякой еды.

— От Хадди?

— Для вас она миссис Хаддингтон, но я называю ее Хадди — она ведь была моей нянькой.

— Неужели и вы когда-то были ребенком? Трудно себе представить.

Он улыбнулся:

— Бьюсь об заклад, что в детстве вы были любимицей всего семейства. Родители, верно, души в вас не чаяли и хвастались вами направо и налево.

— Зато, должно быть, ваши родители хлебнули с вами лиха.

— О, разумеется! — Уоррик опять улыбнулся ей и бросил две рыбины на раскаленную решетку.

Вскоре по комнате поплыл аппетитный аромат, которого Арриан старалась не замечать, но — увы! — она была слишком голодна.

— Ничто не сравнится со свежей лососиной, — заметил он. — У меня уже слюнки текут.

Краем глаза Арриан следила за тем, как он выгружал снедь из корзины.

— Посмотрим, что нам тут прислали... Лепешки, малиновое варенье, мед, сыр... и масло.

— Меня это совершенно не интересует.

— Вот как? — Уоррик с деланным удивлением приподнял одну бровь.

— Да, так, — отрезала она.

— Должен сказать, что для столь юной особы, которая только нынче ночью едва не замерзла насмерть, вы поправляетесь на удивление быстро. Я рад, что вы сильны духом, как прежде... хотя и раскапризничались немного.

Он снял куртку и бросил ее на спинку стула. По щетине на его щеках Арриан поняла, что побриться ему сегодня не довелось.

Пока он занимался приготовлением завтрака, взгляд Арриан невольно следовал за ним. Последнее, видимо, объяснялось не только тем, что он заполнял собою значительную часть тесного помещения, но и другой немаловажной причиной: он был бесспорно хорош собой. «Интересно, почему он до сих пор не женат?» — неожиданно для себя подумала Арриан.

— Где мы находимся? — спросила она, когда молчание чересчур затянулось.

— В моем охотничьем домике.

— А-а. У моего отца тоже есть охотничий домик: в нем девять комнат.

Губы его скривились в гримасу, которую трудно было назвать улыбкой.

— Право, не могу взять в толк, для чего в охотничьем домике девять комнат.

— Да нет, он совсем маленький, — сказала она. — Вот в Равенуорте у нас больше ста комнат.

Наколов рыбину на острие ножа, Уоррик перевернул ее на другой бок.

— Вы, кажется, хотите потрясти меня размерами вашего богатства?

Арриан покачала головой:

— Не совсем так. Я просто хотела убедить вас в том, что мой отец — большой человек в Англии. Во время охоты король часто заезжает в наш охотничий домик. Когда он обедает за нашим столом, мой отец называет его Уильямом.

Уоррик переложил готовую рыбу на тарелку.

— Я потрясен, — заявил он, хотя тон его говорил скорее об обратном.

— Вы снова не поняли меня! У меня не было намерения вас потрясти. Я только хотела сказать, что вы не сможете долго держать меня пленницей. Мой отец да и сам король Уильям не позволят вам этого. Уверяю вас, милорд, из вашей затеи ничего не выйдет.

— С чем вы предпочитаете лепешки — с медом или с малиной?

— Я уже сказала, что не голодна, — досадливо проговорила она.

— Ну а я с малиной, — немного помедлив, сообщил он.

Арриан одарила его уничтожающим взглядом.

Держа свою тарелку в руке, Уоррик опустился на стул возле самой кровати Арриан, расчленил вилкой дымящуюся рыбину и с улыбкой положил порядочный кусок себе в рот.

— М-мм!.. Очень вкусно.

— Насколько я понимаю, это вы раздели меня до белья? — спросила она, в упор глядя на него.

— Да, это был я.

— Милорд, истинный джентльмен удержался бы от подобной вольности.

— Да, истинный джентльмен скорее всего позволил бы вам коченеть дальше, и я уже начинаю жалеть, что не поступил так же. У вас, кажется, неважный характер, миледи?

Арриан постаралась не показать обиды.

— Не думаю. Во всяком случае, до встречи с вами многие называли мой нрав просто

ангельским... Вероятно, теперь что-то изменилось.

— Какая жалость, что я не могу сравнивать: я не знал вас до встречи со мной.

— Пожалуй, я бы съела кусочек лосося и одну лепешку. Только с медом, но ни в коем случае не с малиной.

Кивнув с нарочитым равнодушием, Уоррик намазал медом лепешку, переложил на ту же тарелку рыбу и протянул ей.

— Ешьте как следует, миледи, вам нужно восстанавливать силы.

Арриан принялась за еду, но вскоре озадаченно подняла на него глаза.

— Мне кажется, я чувствую запах чая?

— Вам правильно кажется, миледи! — рассмеялся Уоррик, наливая чай в ее кружку.

Арриан быстро расправилась с рыбой, доела лепешку и с наслаждением отпила из кружки горячий чай. Теперь она чувствовала себя гораздо лучше.

— Что вы собираетесь со мною делать? — спросила она, наконец. Она все еще надеялась, что он согласится ее отпустить. — Как видите, у вас от меня одни неприятности.

— От вас, миледи, у всякого будут одни неприятности. Удивительно, что кто-то еще согласился на вас жениться.

— Да вы и сами как будто изъявляли недавно такое желание, — заметила она. — Впрочем, если вы уже передумали...

— Нет. — Уоррик стоял у окна спиной к ней. — Мои планы относительно вас не изменились.

Арриан вскочила на колени, прижимая одеяло к груди.

— Но я не хочу выходить за вас — как вы этого не понимаете? Я люблю Йена и хочу быть только его женой. Я знаю, вы ставите себе целью причинить ему страдания, но я не желаю быть вашей сообщницей! Он так любит меня, что теперь, верно, с ума сходит от беспокойства.

Уоррик обернулся и взглянул на нее.

— Надеюсь, что так.

Завернувшись в одеяло, она спрыгнула на холодный каменный пол и босиком подбежала к нему.

— Отпустите меня! Пожалуйста.

Уоррик сгреб ее в охапку, отнес обратно на кровать и подоткнул одеяло со всех сторон.

— Нет, миледи, я вас не отпущу. Знайте, что я твердо намерен жениться на вас и не переменю своего решения.

Она поймала его руку.

— Но ведь это будет не настоящий брак... Наверняка у вас есть другая женщина, которую вы мечтали видеть своей женой.

— Была когда-то.

— Ну вот! Думаете, она обрадуется вашему выбору?

— Эта женщина уже замужем... за Джейми Макайворсом.

Арриан озадаченно умолкла. В Давиншеме она почти не обращала внимания на своего младшего кузена: рядом с Йеном Джейми казался ей слишком незначительной фигурой, и теперь она смогла припомнить лишь исходящее от него впечатление уныния и недовольства.

— Не понимаю, как женщина могла предпочесть вам моего кузена. Джейми вовсе не так красив, как... — Она смущенно осеклась. — Как же ему удалось отбить у вас невесту?

— Вы действительно хотите услышать ответ, миледи? Он может вам не понравиться.

— Все равно, я хочу знать.

— А вдруг вы мне не поверите?

— Поверю, если вы скажете правду.

Уоррик надолго задумался и наконец проговорил:

— Леди Элен похитили по дороге в Гленкарин, когда она ехала на нашу с ней свадьбу.

— Какой ужас! Кто это был? Разбойники?

— Свидетели похищения утверждали потом, что в числе разбойников они видели Джейми Макайворса. Арриан непонимающе качала головой:

— Но почему? И что могло толкнуть его на такое злодеяние?

— Это еще не все, миледи. Джейми не только похитил леди Элен, но настоял на том, чтобы она вышла за него замуж, — что она и сделала. Кстати, я не уверен, что она сопротивлялась так же решительно, как вы.

— Так вот почему вы...

— Теперь она носит во чреве его ребенка — или, возможно, уже родила его.

Да, кажется, Арриан начинала постепенно понимать, почему лорд Уоррик так ненавидит ее родственников.

— Но разве справедливо наказывать Йена за преступления его брата?

Он резко обернулся:

— Ах, да, я, кажется, забыл упомянуть, что ваш Йен тоже был в числе похитителей.

— Нет! Йен не способен на такую низость. Вы лжете!

Уоррик подошел к кровати Арриан и некоторое время стоял молча, глядя на нее сверху вниз,

потом медленно произнес:

— Я так и думал, что мой рассказ придется вам не по вкусу.

Арриан невольно сжалась под одеялом. Какая бесстыдная ложь! Этот человек готов измыслить что угодно, лишь бы отвлечь ее сердце от любимого.

— Йен не мог совершить такого насилия над невинной девушкой.

— Вы полагаете? Что ж, миледи, я предупреждал, что вы вряд ли мне поверите.

Арриан посмотрела ему в глаза и увидела там лишь холодную, беспощадную суровость. Ах, за что судьба бросила ее в эти страшные пути ненависти?

— Когда вы отпустите меня, милорд?

— Возможно, после того, как в вашем чреве появится мое семя.

Ахнув, она отпрянула от него и забилась в угол кровати.

— Никогда!

— Я уже говорил: пока что у вас есть выбор.

— Хорошо. — Сердце ее колотилось пойманной птицей. — Я принимаю ваше предложение, хотя и не верю, что сами вы сдержите слово.

Он взял ее руку и долго смотрел на кольцо с рубином.

— Ну, не могу же я держать вас в Айронуорте вечно. Когда-нибудь эта игра наскучит мне, и я отправлю вас к вашему Йену.

— А если к тому времени я буду ему уже не нужна? Возможно, чувства, которые он питает ко мне, не столь глубоки, как вы думаете.

— Вы сами говорили, что он вас любит. Да и может ли быть иначе? — Он тихонько отвел золотистую прядь от ее лица.

От неожиданного прикосновения Арриан вздрогнула, и он опустил руку.

— Я выйду, чтобы вы могли одеться. Полагаю, сегодня дорога до Айронуорта вам уже по силам. Но, — он нахмурился, — сперва вы должны мне кое-что пообещать.

— Что же?

— Обещайте, что вы никогда больше не будете делать таких глупостей.

— Вы не дождетесь от меня подобных обещаний! Знайте, что, как только мне представится малейшая возможность бежать, я непременно ею воспользуюсь.

Он улыбнулся:

— Что ж, померимся силами, миледи. Давненько никто не бросал мне вызов с такой восхитительной прямоотой.

Когда Уоррик подошел, чтобы посадить ее на лошадь, Арриан приняла помощь с видимой неохотой. Он вскочил в седло позади нее, и они двинулись в путь. Первое время она старалась держаться как можно прямее, дабы не соприкоснуться с его телом, чем немало его позабавила.

Тропа на Айронуорт сбегала вдоль мерзлого ручья, петляющего в низине.

— Как тут у вас холодно, промозгло и неудобно, — дивясь собственной неблагодарности, пробормотала она. — Просто какая-то дикая страна.

Уоррик придержал лошадь и оглянулся, словно пытаясь увидеть свою землю глазами спутницы.

— Миледи, а вам не приходилось бывать в наших краях весной или в разгаре лета?

— Нет. Я впервые путешествую в горах и, поверьте, охотно отказалась бы от этого удовольствия.

— Вы еще ничего не видели, миледи. За этими холмами стоят горы, величественные и прекрасные, меж ними озера, окутанные древней тайной. В наших реках резвятся лосось и форель. Летом долины лиловеют от вереска, а над ними горят волшебные закаты.

Она покосилась на руки, сжимающие поводья. То были сильные мужские руки, и пока что они заботились о ней бережно и уверенно. Возможно ли, чтобы человек, любящий так свою землю, был безнадежным злодеем?

— Шотландские горы не усеяны розами, миледи, и наши женщины в отличие от изнеженных англичанок крепки духом и телом.

— Я ничего не имею против ваших женщин, но уверяю вас, милорд, далеко не все англичанки так слабы, как вы думаете.

Капор упал у Арриан с головы, и она небрежным движением скрутила рассыпавшиеся пряди в длинный шелковистый жгут.

— Допускаю, что вы среди них приятное исключение, — невольно любясь ею, сказал Уоррик. — Но сдается мне, что в этом виновата шотландская кровь, текущая в ваших жилах.

— Кровь Макайворсов, милорд, — немедленно парировала Арриан.

Уоррик нахмурился и прищпорил лошадь. «Да, — подумал он, — пожалуй, эта юная особа чересчур умна».

Арриан тем временем размышляла о непростой натуре лорда Уоррика, попеременно являвшего ей то безмерную жестокость, то благородство и доброту. О, как бы она хотела вовсе не знать о нем и особенно о той вражде, в которую он так настойчиво ее втягивал.

Дыхание лорда Уоррика защекотало ей затылок, и Арриан напряженно выпрямилась в седле. Этот человек, по-видимому, привык добиваться своего, а сейчас ему нужна была она, Арриан.

Наконец между заснеженными холмами показалась серая громада Айронуортского замка. Он станет для нее тюрьмой, из которой она, возможно, не вырвется никогда... Что ж, во всяком случае, она попытается это сделать.

— Вы скоро привыкнете к нашему климату, — сказал лорд Уоррик, косясь на нежные щеки, обрамленные горностаевой опушкой.

— Надеюсь, что этого не случится, — отвечала она. — Я не намерена задерживаться здесь надолго.

В волнении взбежав по лестнице, Арриан направилась прямо в тетушкину комнату. Леди Мэри спала, но около нее оказался доктор Эдмондсон. Он как раз заканчивал перевязку головы.

— Доктор, как она?

— У вашей тети очень сильно разболелась нога, пришлось дать ей дозу опиума.

— Мне нужно с нею поговорить. Скоро ли она проснется?

— Не раньше чем через два-три часа.

— Доктор, я так волнуюсь за нее! Как вы думаете, дальнейшая задержка с отъездом может оказаться очень опасной?

— Я всего лишь сельский лекарь, миледи. Единственное, что я могу сказать наверняка, это что ее нога пока заживает плоховато.

Арриан прижала к щеке тетушкину руку.

— Когда можно будет везти ее в Эдинбург?

Доктор Эдмондсон задумчиво поскреб подбородок.

— Полагаю, чем раньше, тем лучше. Впрочем, это зависит не от меня.

— Но вы можете объяснить его милости всю серьезность положения?

— Я уже это сделал, миледи. Он обещал отправить ее завтра, если будет дорога.

Стало быть, лорд Уоррик намерен сдержать свое слово, как только она уступит его требованию... Да, иного выхода у нее нет.

Стряхнув задумчивость, Арриан поймала на себе испытующий взгляд доктора Эдмондсона.

— Я слышал, вы собираетесь назвать себя его супругой? Вот уж не думал, что после того случая с леди Гвендолин Макайворсы с Драммондами еще раз решатся породниться между собой.

— Если вы говорите о сегодняшней так называемой свадьбе, то уверяю вас, что я не отношусь к ней серьезно.

Доктор Эдмондсон улыбнулся, и из углов его глаз разбежались добродушные морщинки.

— Я бы вам посоветовал заглянуть сперва в шотландские законы, а то как бы ваш брак не оказался ненароком прочнее, чем вы рассчитываете.

Глаза Арриан вспыхнули сердитым голубым огнем.

— Я англичанка, доктор Эдмондсон, и шотландские законы меня не касаются.

Он покачал головой и направился к двери. Эта юная гордячка, кажется, забыла, что Англия связана с Шотландией нерушимыми узами. Впрочем, не ему вмешиваться в сердечные дела вождя Драммондов. Его милость, верно, знает, что делает.

Когда он ушел, Арриан распахнула окно и, не замечая холодного ветра, долго вслушивалась в рокот морских волн. «О море, — думала она, — и зачем только ты принесло „Соловья“ к этому суровому берегу?»

Всего через четыре недели она должна была стать женою Йена, теперь же ей предстоит изображать из себя невесту человека, который ей решительно неприятен.

Когда она уже собиралась закрыть окно, порыв ледяного ветра задул свечу, и в комнате стало совсем темно.

Арриан набросила на плечи шаль. Казалось, ее неумолимо затягивала какая-то темная бездна, из которой нет возврата. Время ее мнимой свадьбы приближалось. Ей было страшно.

Что подумает Йен, узнав, что она уступила лорду Уоррику? Поймет ли, что не по своей воле она навлекла на него этот позор?

Не найдя подходящего платья в своем приданом, Арриан решила позаимствовать кое-что из тетушкиного гардероба. Для церемонии бракосочетания она выбрала строгое черное платье и черную же вуаль. Правда, пришлось немного повозиться с застежкой на спине, но зато когда все было готово, она подошла к зеркалу и осталась вполне довольна результатом.

Черное платье без единого украшения достаточно красноречиво говорило о ее чувствах. Вряд ли такой наряд придется по вкусу лорду Уоррику, не без злорадства думала она, ну да поделом ему! Хоть что-то нынче выйдет не по его. Расправив складки вуали, она отважно надела на палец свое обручальное кольцо с рубином.

«Просто превосходно, — улыбнулась она своему отражению в зеркале. — Больше похоже на траурный наряд, чем на подвенечное платье. Возможно, это поможет лорду Уоррику почувствовать всю глубину моего презрения к нему!»

В комнату постучали, и Арриан распахнула дверь, ожидая увидеть хозяина замка, но на пороге стояла миссис Хаддингтон.

При виде Арриан экономка в первую минуту остолбенела: вероятно, одеяние невесты произвело на нее неизгладимое впечатление.

— Мне приказано отвести вас в комнату вашей тети, миледи. — Во взгляде ее появилась подчеркнутая сдержанность.

— Я готова, миссис Хаддингтон. — Арриан подняла вуаль и бесстрашно шагнула вперед.

По дороге экономка неожиданно заговорила с ней торопливым шепотом:

— Скажите, миледи, верно ли говорят, что вы родственница лорду Джиллу Макайворсу?

— Я его правнучка и горжусь этим. А моя тетька леди Мэри — его родная дочь.

— Ах, миледи, миледи, — вздохнула экономка. — И зачем вас только занесло в наши края? Бывали и прежде у Драммондов с Макайворсами попытки породниться, но до добра они не доводили.

— Но я не собираюсь родниться с вашим вождем! Эта свадьба — всего лишь блажь лорда Уоррика. Ему, видите ли, хочется показать свою власть над тетушкой и надо мной.

— Знать, у его милости есть на то причины, — заключила миссис Хаддингтон.

Когда они дошли до комнаты леди Мэри, Арриан с порога поспешила к кровати. Она надеялась загодя подготовить тетушку к предстоящей церемонии, однако леди Мэри еще спала.

Барра встретила Арриан так же прохладно, как несколько минут назад ее мать.

— Доктор дал ее милости лекарство, и теперь большую часть времени она находится в забытьи, — сказала она.

Пожалуй, Арриан была бы даже рада, если бы леди Мэри не пришлось стать свидетельницей ее унижения, но без любимой тетушки ей было так одиноко в этом чужом и враждебном мире, что, поколебавшись, она дотронулась рукой до бледной тетушкиной щеки, веки леди Мэри затрепетали.

— Арриан, дитя мое, почему ты в черном? Надеюсь, никто не умер. Или? — Она попыталась сесть, но безуспешно. — Нам надо скорее... уехать отсюда.

— Понимаете, тетушка Мэри... — начала Арриан, но глаза больной снова закрылись, и девушка смахнула со своей щеки слезинку бессилия.

— Спи, милая тетушка, — шепнула она. — Не плачьте обо мне... Спи, скоро вы выберетесь отсюда и будете далеко, далеко...

Послышался стук в дверь, и сердце Арриан замерло. Торопливо закрыв лицо вуалью, она обернулась и увидела лорда Уоррика в сопровождении какого-то незнакомца.

Подойдя к ней, Уоррик иронически улыбнулся.

— Ваш наряд разрывает мне сердце, миледи.

— Зато он вполне отвечает моему душевному состоянию, милорд.

Уоррик обернулся к своему высокому широкоплечему спутнику.

— Позвольте представить вам моего друга, Мактавиша. Он вместе с вашей тетей, Баррой и миссис Хаддингтон будет свидетелем нашего с вами соединения.

На миг Арриан показалось, что в глазах только что представленного ей немолодого человека мелькнуло сочувствие. Впрочем, нет, друг злодея не может сочувствовать его жертве. Она молча кивнула и собиралась уже отвернуться, когда в сердце ее закралось страшное подозрение.

— Скажите, вы случайно не священник?

— О нет, миледи. Я всего лишь друг и ближайший помощник лорда Уоррика, — уверил ее Мактавиш.

Хорошо, что лицо Арриан было закрыто вуалью, иначе лорд Уоррик легко догадался бы по глазам о ее страхе. Руки же ее так дрожали, что пришлось сцепить их за спиной.

— Я бы попросила вас по возможности сократить ритуал, милорд, — заявила она. — Нельзя ли перейти непосредственно к его заключительной части?

Уоррик суховато поклонился:

— Как вам угодно, миледи.

Он шагнул к ней, и она нехотя подала ему руку. Как ни претил ей этот фарс, однако первый шаг был уже сделан, и теперь ей оставалось лишь пройти весь путь до конца.

Лорд Уоррик вывел ее на середину комнаты, свидетели встали по обе стороны от них.

— Леди Мэри, — негромко позвал Уоррик. — Вы слышите меня?

Тетушка, к немалому огорчению Арриан, открыла глаза.

— Я слышу вас, презренный вождь Драммондов. — Взгляд ее остановился на Арриан. — Что случилось?

— Я только хочу, чтобы вы выслушали заявления, которые мы с вашей племянницей собираемся сделать в присутствии свидетелей, — сказал Уоррик.

— Так делайте их скорее, — сонно пробормотала леди Мэри.

Уоррик поднял руку и, не давая Арриан опомниться, сдернул с нее вуаль и швырнул на пол.

— Мне пришло в голову, — с усмешкой сказал он, — что я даже не знаю вашего имени. Это ли не удивительно?

Она перевела взгляд со смятой вуали на его серебряные глаза.

— Арриан... Арриан Винтер.

Уоррик вдруг перестал усмехаться и сделался совершенно серьезен.

— Леди Арриан Винтер, я называю вас своей законной супругой.

Арриан стало смешно. Всего только? Это совсем не похоже на настоящую свадьбу. Дрожь ее почти прошла.

— Лорд Уоррик Гленкарин, называю вас своим законным...

— О нет, Арриан! — послышался слабый голос леди Мэри. — Не произноси этих...

— Договаривайте! — приказал Уоррик.

Арриан так невыносимо было видеть страх, застывший в тетушкиных глазах, и враждебность на лицах экономки и ее дочери, что она поспешила покончить с этой бессмыслицей.

— Называю вас супругом, — скороговоркой произнесла она. — И хватит об этом.

Глаза Уоррика торжествующе блеснули. Он быстро снял с ее пальца кольцо с рубином, и не

успела Арриан ничего возразить, как на его месте появилось другое — обручальное кольцо Драммондов.

— Верните мне мое кольцо, — потребовала она. — Верните мне его немедленно!

Уоррик обернулся к миссис Хаддингтон.

— Благодарю вас. Дело сделано, теперь вы можете идти.

Молчаливые свидетели гуськом покинули комнату, и только после этого Уоррик обернулся к Арриан.

— Итак, что вы хотели мне сказать?

— Я требую, чтобы вы вернули мне кольцо!

— Это невозможно, миледи. Я не позволю вам его носить. Кольцо будет возвращено Йену Макайворсу.

— Вы негодяй! — вскричала она, не в силах более сдерживаться. — И я... я презираю вас!

— Ну, миледи, — усмехнулся он. — Не прошло и пяти минут, как вы моя супруга, и вот — извольте полюбоваться — уже первая семейная сцена.

Леди Мэри в отчаянии протянула руку к Арриан.

— Арриан, деточка моя, что ты наделала! Этот союз теперь так просто не разорвешь!

— Не волнуйтесь, тетушка Мэри. Вся эта церемония не более чем спектакль. Она понадобилась лорду Уоррику для того, чтобы потешить свое самолюбие, вот и все.

— Арриан, Арриан... Что скажет твой отец, когда узнает?

— Но, тетушка Мэрш, ведь священника не было, значит, наш брак не является законным.

— О, бедная моя девочка! В Шотландии браки совершаются без священника, и теперь связавшие вас узы столь же прочны, как если бы вы венчались в церкви, с родительского благословения.

Побледнев, Арриан обернулась к человеку, который, по-видимому, только что стал ее законным супругом.

— Вы обманули меня! Я была уверена, что...

— Неправда, миледи. Я был с вами честен от начала и до конца. Это вам угодно было пренебрежительно отнестись к нашим законам.

Арриан обернулась за поддержкой к тетушке, но в глазах леди Мэри стояла горестная безысходность.

— Вы низкий обманщик, милорд, и недостойны моего уважения.

Уоррик пожал плечами:

— А я-то надеялся, что хоть замужество смягчит ваш крутой нрав. Увы, я ошибался.

У Арриан все кипело внутри, но ей все же удалось взять себя в руки.

— Надеюсь, вы сдержите свое слово, и моя тетя сможет завтра уехать?

— О чем ты, Арриан? — забеспокоилась тетушка Мэри. — Я не понимаю.

Вместо Арриан ей ответил Уоррик:

— Леди Мэри, вашу ногу надо как можно скорее показать опытным докторам, а потому завтра утром вам придется отплыть в Эдинбург.

— Во-первых, я покину ваш кров только вместе с моей племянницей. А во-вторых, вы ни за что не уговорите меня плыть морем. Скорее я соглашусь идти пешком.

— У вас нет выбора, — мягко сказал Уоррик. — Поверьте, я совсем не хочу, чтобы вы потеряли ногу, а для поездки в карете вы еще слишком слабы.

— В таком случае Арриан плывет со мной.

— Нет, миледи, она не плывет с вами. — Уоррик вложил в руку леди Мэри кольцо с рубином. — Прошу вас, передайте это Йену Макайворсу вместе с сожалениями его бывшей невесты и скажите ему, что отныне, будучи первой леди клана Драммондов, она носит на пальце другое кольцо.

Леди Мэри готова была испепелить взглядом этого заносчивого и самоуверенного красавца.

— Я вижу, мое слово для вас мало что значит, — промолвила она, наконец. — Но знайте, что вам еще придется поплатиться за свой опрометчивый шаг. Арриан не какая-нибудь безродная девица. В Англии ее отец обладает властью, которая вам и не снилась. Отпустите ее со мной. Вы ведь уже добились, чего хотели: она ваша законная жена.

— Если герцог Равенуртский и впрямь обладает властью, о которой вы говорите, то, видимо, ему нетрудно будет по возвращении дочери расторгнуть наш союз. Чтобы этого не случилось, Арриан останется здесь.

Арриан хотела что-то сказать, но ее остановил предостерегающий взгляд тетушки.

— Долго ли вы намерены держать ее пленницей в своем замке?

— Она не будет здесь пленницей. Тем не менее она останется со мною до тех пор, пока я не сочту возможным ее отпустить.

— Я требую, чтобы вы обращались с моей племянницей уважительно и не смели посягать на ее честь!

Уоррик улыбнулся, чувствуя, что леди Мэри, несмотря на ее родство с Джиллом Макайворсом, нравится ему все больше.

— Даю вам слово, что предоставлю ей отдельную спальню, которая будет запирается на ключ.

— Запоры останавливают лишь тех, кто сам перед ними останавливается, — заметила леди Мэри.

— Я не стану навязывать вашей племяннице своего общества. Назвав себя моей супругой, она уже дала мне все, чего я от нее хотел.

Леди Мэри вглядывалась в серые глаза вождя Драммондов, но не замечала в них лукавства.

— Надеюсь, вы сдержите свое слово.

— Ваша племянница может быть спокойна, миледи, с моей стороны ей ничто не грозит... Но каково придется мне? — Он обернулся к Арриан с улыбкой, на которую та ответила пылающим взглядом. — Увы, моя благоверная оказалась особой гневливой и несговорчивой.

Леди Мэри протянула руку к Арриан.

— В таком случае, милорд, вы первый человек, которому удалось отметить столь неприглядные проявления ее натуры. До сих пор ее отличительными чертами были приветливость и доброта.

— Считайте меня своим заклятым врагом, — вымолвила, наконец, Арриан. — Мы еще посмотрим, кто из нас двоих окажется сильнее.

Серебристые глаза холодно сверкнули.

— Как вам угодно, моя дражайшая супруга. — Он слегка поклонился сначала леди Мэри, потом Арриан. — Позвольте пожелать вам обоим доброй ночи. Вам, вероятно, надо о многом поговорить, поскольку леди Мэри отбывает завтра утром.

Едва он ушел, слезы хлынули из глаз Арриан.

Неужели и впрямь тетушка завтра уедет, и она останется одна, без единой родной души, в этом холодном и враждебном мире?

Глава 10

Стоя возле тетушкиной постели, Арриан молча боролась с раздиравшими ее чувствами. То она желала броситься и растерзать того, кто обманом склонил ее к брачному союзу и отнял у нее долгожданное счастье с Йеном; то с мучительной отчетливостью представляла, как поплывет завтра в Эдинбург вместе с тетушкой, хотя и понимала всю тщетность своих мечтаний.

Пытаясь скрыть печаль, она заговорила с леди Мэри:

— Как вы бледны, тетушка! Боюсь, что этот вечер вас чересчур утомил. Дать вам снотворного?

— Да, деточка, снотворное мне сегодня не помешает, — отозвалась леди Мэри, желавшая поскорее забыться. — Без него я просто не вынесу эту боль.

Арриан налила в ложку жидкость из пузырька и поднесла тетушке.

— Слава богу, что скоро вы, наконец, получите необходимое лечение.

Проглотив лекарство, леди Мэри накрыла ладонью пальцы Арриан.

— Ты сделала это ради меня, да?

— С чего вы это взяли?

— Ах, Арриан, Арриан... У меня ведь плохо с ногой, а не с головой. Ты ехала в Шотландию на свадьбу с Йеном и, разумеется, не согласилась бы выйти за первого встречного без веских на то оснований. Из вашего разговора с лордом Уорриком я поняла, что это брак не по любви. Значит, ты согласилась на него потому, что мне нужна срочная медицинская помощь.

— Но я не считала его законным... Мне казалось, что этот человек просто хочет унижить меня и наказать Йена.

— Увы, Арриан, твой союз с лордом Уорриком самый что ни на есть законный.

— Да, теперь я и сама это понимаю. — Сдерживая слезы, Арриан старательно взбивала тетушкины подушки. — Что скажут мои родители, когда узнают?

— Деточка моя, зачем ты не пришла ко мне, прежде чем давать ему свое согласие? Я бы предостерегла тебя.

— Вам тогда было очень плохо, тетушка Мэри. Что ж, я сама приняла решение, мне с ним и жить.

— Но как объяснить все это твоим родителям? Боюсь, последствия не заставят себя ждать. Ты же знаешь Рейли, он тут же помчится в Айронуорт, чтобы самолично расправиться с твоим обидчиком.

— Как раз этого он не должен делать ни в коем случае! Умоляю вас, тетушка Мэри, попробуйте задержать его хоть на несколько дней, я же тем временем постараюсь исчезнуть отсюда. Возможно, лорд Уоррик и сам меня отпустит. Надеюсь, тогда лишних жертв удастся избежать.

— Если только твой отец уже добрался до Шотландии, он не станет сидеть сложа руки, и никто не удержит его на месте. — Глаза леди Мэри погрузнели. — Чем бы все это ни кончилось, думаю, что впереди у нас с тобою еще немало тяжелых испытаний. Невыносимо оставлять тебя среди чужих...

— Что делать, лорд Уоррик не отпускает меня с вами, а вам нельзя тянуть с отъездом.

Леди Мэри разжала ладонь с рубиновым кольцом.

— Не представляю, что скажет Йен, когда я верну ему это?

Больше всего на свете Арриан хотелось забрать кольцо обратно, но вправе ли она была так поступить? Ведь теперь оно уже не принадлежало ей.

— Только бы Йен не отвернулся от меня после того, что я сделала.

Снадобье доктора Эдмондсона уже начало действовать: взгляд леди Мэри становился все более сонным.

— Это Уоррик с Йеном виноваты во всем... Ты лишь невольная жертва их вражды.

— Но я люблю Йена и хочу быть его женой. Пожалуйста, объясните ему, что я приеду к нему при первой же возможности.

— Да, конечно... Только умоляю тебя, Арриан, берегись лорда Уоррика. Не раздражай его без нужды и помни, что он твой враг.

— Я помню.

— Будь проклята моя слабость! Из-за нее я даже не могу тебе помочь. В былые дни я не позволила бы этому нахалу сыграть с тобой такую злую шутку.

— Спи и не думайте об этом, леди Мэри. Постарайтесь прислать мне из Эдинбурга весточку о себе, иначе я буду очень волноваться.

— Я напишу, — слабеющим голосом пообещала леди Мэри. — Но теперь все путается у меня в голове... Да и тебе нужно отдохнуть.

Веки леди Мэри смежились. Арриан решила, что не уйдет сегодня из тетушкиной комнаты. Кто знает, когда они теперь свидятся. Отводя седой локон от тетушкиной щеки, она молила Бога, чтобы эдинбургские доктора спасли ногу леди Мэри.

Арриан подбросила в огонь дров и придвинула кресло ближе к камину. По щеке ее сползла слеза одиночества. Как всякая девушка, она не раз мечтала о своей первой брачной ночи, но героем ее грез всегда был Йен, а не его злейший враг.

Вложив ногу в стремя, Уоррик легко вскочил на Тайтуса. Ему нестерпимо хотелось уехать как можно дальше от своей молодой жены. Чувство вины лежало на нем тяжким грузом, но, окажись он снова перед тем же выбором, он скорее всего поступил бы так же.

Вскоре он выехал на наезженную верховую тропу к охотничьему домику. И так, он добился своего: удар, нацеленный в самое сердце врага, нанесен. Но отчего в его душе нет желанного ликования? Или Мактавиш прав, и он ничем не лучше бесстыжих Макайворсов, бравших женщин силой?

Он придержал Тайтуса и обернулся взглянуть на замок, едва различимый на фоне темно-серого неба. Да, он поступил подло и недостойно вождя клана Драммондов.

С такими мыслями Уоррик тронул поводья и двинулся дальше, не замечая холодного ветра. Он еще не знал, что ему делать с леди Арриан, но, коль скоро она сама попала к нему в руки, не собирался ее отпускать.

Вышедшая из-за туч луна осветила угрюмое лицо одинокого всадника. Слезы, стоявшие в голубых глазах леди Арриан, никак не шли у него из памяти. Досадно, что пришлось причинить ей такие страдания — ведь лично она ничем перед ним не провинилась, просто оказалась невольным орудием в его борьбе с врагом.

Подъезжая, Уоррик с удивлением обнаружил, что в окнах охотничьего домика горит свет. Он спешил и только тогда заметил стоявшего на пороге Мактавиша.

— Я догадался, что ты отправишься сюда, вот и приехал пораньше, чтобы развести огонь. — Мактавиш взял со стола бутылку и наполнил два высоких бокала. — Подумалось почему-то, что виски и хороший друг тебе сегодня не помешают.

— Ты всегда знал меня как облупленного, — сказал Уоррик, сбрасывая куртку, и потянулся за бокалом. — Что ж, отпразднуем мою женитьбу! Сказать по правде, хочется выпить до бесчувствия, только бы забыть эти проклятые слезы в ее глазах.

Мактавиш поднял свой бокал:

— За новую леди Гленкарин, милорд! И пусть сегодняшний день окажется для вас с нею счастливым.

Взгляд Уоррика потемнел.

— Я думал, ты явился сюда как друг, а не как обвинитель.

Мактавиш осушил бокал с обжигающим питьем и налил себе еще.

— Ты не ошибся, сынок.

Уоррик сделал большой глоток и тоже поднял свой бокал.

— Да простят меня она... и Господь.

Леди Мэри повязалась белым шелковым шарфом на манер чалмы и заглянула в шкатулку с драгоценностями. Порывшись в ней некоторое время, она извлекла на свет брошь с огромным сапфиром и приколола ее в середину своего головного убора.

— Хворь — не причина для того, чтобы забывать о своей наружности. — Осмотрев себя в зеркальце со всех сторон, она удовлетворенно кивнула и обернулась к Арриан. — Ну как, неплохо?

На ней было белое парчовое платье с черной бархатной каймой на воротнике.

— Вы всегда элегантны и неотразимы, тетушка. Что нога, очень болит?

— Хотелось бы ответить, что не очень, но, сказать по правде, она ни на минуту не дает о себе забыть.

Арриан нагнулась поцеловать тетушку в щеку, но не удержалась и обхватила ее руками за шею.

— Без вас мне будет очень тоскливо. Единственное, что меня утешает, — это что вас наконец-то будут лечить опытные доктора.

Леди Мэри украдкой промокнула глаза платком. Она никогда не была слезлива и даже гордилась стойкостью своего духа. Расплакаться же теперь, на глазах у Арриан, которая, видимо, сама держалась из последних сил, было бы куда как некстати.

— Видишь ли, Арриан, лорд Уоррик, как это часто бывает у северян, движим гордостью и упрямством. Можно сколько угодно просить и умолять его, но — думаю, ты и сама уже в этом убедились — он не отпустит тебя со мной.

Арриан упрямо вздернула подбородок:

— Мы ни о чем не станем его просить, тетушка. Леди Мэри захотелось сказать ей что-нибудь утешительное.

— Здешняя экономка рассказала мне, что мой племянник Джейми увез невесту лорда Уоррика перед самой свадьбой. Возможно, теперь его уязвленная гордость отчасти удовлетворена, и он скоро отпустит тебя.

— Вы правда верите, что Джейми на такое способен?

— Боюсь, что Джейми еще и не на такое способен.

— А Йен? Как, по-вашему, он тоже там был?

Во взгляде племянницы леди Мэри уловила тревожное сомнение.

— Тебе об этом кто-то сказал?

— Д-Да.

— Пока что ничего не могу тебе ответить, Арриан. Но постараюсь выяснить.

Арриан убрала шкатулку в тетушкин сундук и со стуком захлопнула крышку.

— Никогда не поверю, что Йен способен на такой бесчестный поступок! — твердо сказала она. В дверь постучали, и вошла миссис Хаддингтон.

— Миледи, время принимать лекарство, не то нога у вас так разболится в дороге, что мочи не станет терпеть.

Леди Мэри покорно проглотила поднесенное экономкой снотворное.

— Вот уж не думала, что мне опять придется плыть морем. Но это уже точно в последний раз! На пороге возник Уоррик:

— Миледи, если позволите, я снесу вас вниз.

— Боюсь, что у меня нет выбора, — покорно вздохнула леди Мэри.

Арриан тем временем уже натягивала лайковые перчатки.

— Я хочу проводить тетю, — сухо сказала она.

— Я предполагал, что у вас возникнет такое желание, — отозвался Уоррик, осторожно поднимая леди Мэри с постели.

Первое же его прикосновение отозвалось острой болью в ноге, и леди Мэри невольно застонала. При этом ей, как это ни странно, показалось, что глаза лорда Уоррика наполнились сочувствием.

— Я постараюсь быть осторожнее, миледи. Крепитесь, скоро вас вылечат, и все ваши мучения закончатся.

— Скажите, море все еще штормит? — озабоченно спросила леди Мэри.

— Капитан заверил меня, что море спокойно до самого Эдинбурга. Если вы позволите, Барра будет сопровождать вас на корабле и останется с вами в Эдинбурге до тех пор, пока вам нужна будет ее помощь, — сказал Уоррик.

— Я вижу, вы все предусмотрели, милорд.

Спустившись с крыльца, лорд Уоррик с величайшей осторожностью усадил леди Мэри в

карету, укрыл ее ноги шерстяным одеялом и уже повернулся уходить, но она удержала его за руку.

— Скажите, лорд Уоррик, если бы моя племянница не согласилась выйти за вас, вы... отпустили бы ее?

— Ну, этого мы теперь никогда не узнаем, — улыбнулся Уоррик.

— Прошу вас, берегите Арриан. Она впервые в жизни оказалась вдали от всех тех, кто ее любит. Эта девушка — истинное сокровище, и насилие в отношении ее просто недопустимо.

В глазах Уоррика вспыхнула внезапная злость.

— С подобными советами обращайтесь к своим племянникам. Я не из тех, кто насильничает над женщинами.

Вышла Арриан с пузырьком тетушкиного лекарства в руке, и Уоррик помог ей забраться в карету.

Едва она устроилась на сиденье рядом со своей тетушкой, Мактавиш, сидевший на месте кучера, стегнул лошадей, и карета покатила в сторону моря. Уоррик ехал рядом верхом на Тайтусе. Всю дорогу дамы молчали — то ли из-за Барры, которая тоже находилась в карете, то ли потому, что никакие слова не способны были выразить владевших ими чувств.

Поездка была до обидного недолгой, через считайные минуты наступило время прощаться. Арриан в последний раз прижалась к тетушкиной груди, после чего отступила на шаг и молча смотрела, как Уоррик усадил леди Мэри в баркас, как гребцы взялись за весла, и легкое суденышко стало быстро удаляться в сторону парусника, стоявшего неподалеку от берега. За все это время она не уронила ни слезинки и ни разу не обернулась к лорду Уоррику. Лишь когда матросы помогли леди Мэри подняться на борт, девушка затаила дыхание, словно ее, а не леди Мэри пронзила в этот миг невыносимая боль.

— Как я хочу, чтобы эдинбургские доктора вылечили ее! — чуть слышно прошептала она.

— Я тоже, Арриан, — отозвался Уоррик. — За короткое время ваша тетушка успела внушить мне искреннее восхищение.

— Не думаю, чтобы она отвечала вам взаимностью.

— Да уж! — рассмеялся Уоррик. — На ее месте, думаю, и я бы не испытывал к моей особе больших симпатий.

Арриан дождалась, пока судно снимется с якоря, и повернулась к карете.

До последнего момента Уоррику казалось, что она вот-вот зальется слезами и запросится в Эдинбург вместе с тетей, но Арриан молчала и, видимо, намеревалась хранить свое достоинство до конца. «Завидная стойкость для изнеженной девицы», — подумал он. Пожалуй, ему даже жаль было бы увидеть этот гордый дух сломленным.

Помогая ей забраться в карету, он обратил внимание на темные круги у нее под глазами. Видимо, она совсем не спала в эту ночь.

— Арриан, вы не хотите, чтобы я составил вам компанию?

— Благодарю вас, я предпочитаю ехать одна.

Губы ее дрожали видимо, она из последних сил боролась со слезами, но взгляд оставался таким же холодным и неприступным, как прежде.

Арриан бесцельно бродила по замку, поочередно заглядывая в пустые комнаты. От их обстановки веяло былым величием, но почти везде было пыльно и не убрано.

Лишь обнаружив за одной из дверей ступеньки, ведущие на зубчатую стену замка, Арриан несколько оживилась. Она быстро взбежала по лестнице и остановилась, пораженная открывшимся сверху видом. Ветер играл ее волосами, но она не замечала этого. Перед ее взором раскинулась обширная долина, за которой стеной стояли серые, словно литые, горы, подсвеченные закатными лучами.

— Мама! — не выдержав нахлынувшего с новой силой одиночества, воскликнула она. — Мамочка! Помоги мне!

С лестницы послышались чьи-то шаги. Неужели Уоррик? Арриан обернулась, готовая дать достойный отпор, но при виде Мактавиша вздохнула свободнее.

— Я увидел вас снизу, миледи, и решил занести вам плащ. Вот, накиньте, а то застудитесь.

Он набросил шерстяной плащ ей на плечи, и Арриан сразу стало теплее и уютнее.

— Спасибо вам за заботу.

— Ничего, мне просто показалось, что вам зябко.

— Тут у вас, мистер Мактавиш, можно еще и не так озябнуть.

— Это верно, зимы у нас суровые. Зато как хороши наши края весной! Ну да скоро сами увидите.

Голубые глаза Арриан снова наполнились тоской.

— Думаете, мне придется пробыть здесь до самой весны?

— Это не мне решать, — мрачно глядя в пол, отвечал Мактавиш.

Впрочем, Арриан и сама понимала, что своего собеседника ей винить не в чем.

— Мистер Мактавиш, это вы тогда привезли меня в замок? После того происшествия на дороге?

— Да, миледи, это был я. Так уж вышло.

Облокотившись на стену между двумя зубцами, она задумчиво разглядывала двор Айронуортского замка.

— Никак не могу понять: почему северяне не ладят с южанами? Или, если на то пошло, почему шотландцы не ладят с англичанами?

— Ах, мало ли почему! Южане с северянами, к примеру, никак не могут решить между собой,

сколько соли класть в кашу, побольше или поменьше. Что до англичан, так они, я слышал, и вовсе едят кашу с сахаром — какому же шотландцу это понравится?

— Но, мистер Мактавиш, вы же прекрасно понимаете, что дело не только в этом!

— Зовите меня просто Мактавишем. Да, дело не только в этом, тут вы правы. По мне, жить по соседству с Англией все равно что рядом с великаном: стоит тому шаг шагнуть, а у всех соседей уж стены трясутся.

— Я слышала, что у Драммондов с Макайворсами есть причины для вражды, но ведь они шотландцы, и те, и другие. Неужели они не могут мирно договориться между собой?

— Да, вражда эта давняя, и не мое дело вам объяснять, откуда она взялась. Спросите лучше его. — Мактавиш явно имел в виду Уоррика.

— До сих пор я, как и моя мама, гордилась своими шотландскими корнями, но теперь даже не знаю, как ко всему этому относиться. — Она поежилась от порыва ледяного ветра.

— Пойдемте вниз, миледи. После заката быстро холодает.

Он отворил дверь на лестницу и Арриан, молча кивнув, начала спускаться.

— Кстати, его милость интересовался, не отужинаете ли вы с ним сегодня вечером.

— А почему он сам меня об этом не спросил?

— Сдается мне, он вас побаивается, миледи, — с улыбкой отвечал Мактавиш.

— Что? — Арриан тоже улыбнулась. — Он, такой большой, побаивается беспомощной девицы? Чем же я его так устрасила?

— Откуда мне знать?

— Передайте его милости, что сегодня я принимаю его приглашение. Но это отнюдь не значит, что я намерена ужинать с ним каждый вечер.

Мактавиш довольно ухмыльнулся:

— Передам и то, и другое.

Арриан накрыла его ладонь своей.

— Спасибо, что вы так добры ко мне, Мактавиш.

— А разве Хадди и Барра относятся к вам как-то иначе?

— Мне кажется, мое присутствие им не по душе, и это понятно — хотя, по правде сказать, они могли бы обратить свое недовольство на лорда Уоррика, а не на меня. Я ведь не собиралась здесь оставаться.

— Я поговорю с ними.

— О, прошу вас, не надо! Это только усугубит их неприязнь. — Глаза ее заискрились неожиданной теплотой. — Хорошо уже, что у меня нашелся хоть один друг во вражеском

стане.

— Надеюсь оставаться вашим другом и впредь, миледи.

Глава 11

Арриан так привыкла к помощи своей служанки, что теперь ей понадобилось немало времени, чтобы одеться самостоятельно. Для сегодняшнего ужина она выбрала сапфирово-синее бархатное платье с длинными рукавами и открытыми плечами. Ни драгоценностей, ни украшений — кроме пышных буфов на рукавах — не было, лишь на плечи пришлось набросить белую кашемировую шаль: по замку гуляли сквозняки. Волосы она заплела, уложила вокруг головы и закрепила золотым гребнем.

Когда она вошла в столовую, Уоррик поднялся со своего места и в первую минуту застыл в невольном восхищении. Арриан молча приблизилась к столу — только тогда он опомнился и с улыбкой отодвинул для нее стул.

— Я не был уверен, что вы придете.

— Я всегда держу данное слово, милорд. Вы убедитесь в этом сами, если мне придется у вас задержаться.

Его взгляд скользнул от молочно-белой шеи вниз, к двум нежным выпуклостям, едва выступающим над низким вырезом платья.

— Вы восхитительны! — сорвалось с его языка, хоть он и намеревался обойтись сегодня без комплиментов.

— Всего лишь удачный фасон платья, милорд, — холодно отвечала она. — У моей мамы безупречный вкус. Кстати, это платье — часть моего приданого и предназначалось для глаз Йена, а не для ваших.

Не говоря ни слова, Уоррик опустился на свое место во главе длинного стола, развернул салфетку и небрежно бросил ее на колени.

— Думаю, вам понравится сегодняшний ужин. Кухарка постаралась на славу.

Арриан оглядела просторную столовую, наводившую на мысль о торжественных приемах. Стол был сервирован с особой тщательностью. Блики от хрустальной люстры играли на серебряных приборах. Кружевная скатерть, видимо, представляла семейную реликвию; Арриан догадывалась, что миссис Хаддингтон доставала ее только в самых торжественных случаях. На фарфоровых блюдах и тарелках с золотой каймой была золотом же выгравирована буква Г, что, по всей вероятности, означало «Гленкарин». Уоррик усадил Арриан по правую руку от себя.

Сегодня хозяин замка впервые предстал перед нею в парадном одеянии. Сюртук цвета морской волны обтягивал широкие плечи, белоснежные кружевные манжеты свободно падали на загорелые кисти рук. Скользнув взглядом по его лицу, Арриан подумала, что в Лондоне этот горделивый шотландский аристократ наверняка произвел бы фурор среди знатных барышень.

— У вас превосходный фарфор, милорд.

— Не могу утверждать, наверное, но слышал, что этот сервиз попал в Айронуорт в качестве

одного из свадебных подарков моей прабабушки, когда она выходила замуж за моего прадеда.

— Не знаю, доводилось ли вам слышать о равенуртском фарфоре, но в последние годы он стал известен во всем мире, — заметила она. — После войны для наших крестьян настали тяжелые времена, и моя мама помогла им сбывать свой товар в столице. Теперь даже русский царь обедает на равенуртском фарфоре.

— Ваша мама, вероятно, необыкновенная женщина.

Лестное замечание в адрес матери попало в точку: взгляд Арриан заметно потеплел.

— Да, она человек большой души и при этом красавица, каких еще поискать.

— Видимо, все женщины вашей семьи отмечены незаурядной красотой.

Арриан, которая вовсе не собиралась напрашиваться на комплимент, поспешила переключить свое внимание на стоящий перед нею луковый суп на курином бульоне и зачерпнула полную ложку с кусочком каплуна. Суп оказался превосходным.

Уоррик, однако, продолжал задавать интересовавшие его вопросы.

— Насколько я понимаю, жизнь ваша до сих пор протекала безбедно?

— Да, кроме одного-единственного дня, когда умер мой любимый дядя Джордж — муж тетушки Мэри. Он, кстати, имел большой вес в палате общин.

— Есть у вас братья, сестры?

— Только младший брат Майкл. Мы с ним большие друзья, и я уже соскучилась по нему.

— А ваш отец — что он собою представляет?

— О, отец прекрасный, просто удивительный человек, — улыбнулась Арриан. — Тетушка Мэри говорит, что до женитьбы он считался чуть ли не самым завидным женихом в Англии.

— Стало быть, у вас идеальная семья?

Арриан настороженно обернулась, ожидая увидеть иронию в глазах собеседника, однако Уоррик смотрел на нее с искренним интересом.

— Думаю, у моих близких, как у всех прочих людей, есть свои недостатки, но все они честные и порядочные люди, и уж если мой отец что-то говорит, то его слову можно доверять.

Арриан умолкла, но разговор, видимо, занимал Уоррика, и он попросил:

— Расскажите еще что-нибудь о своей семье.

— Что вам рассказать?.. Я уже говорила, что очень люблю своего младшего брата. Маму же люблю не только я, но все, кто ее знает: многим пришлось убедиться в ее доброте.

— Большую часть года вы, вероятно, проводите в Лондоне? Ездите по балам, вечеринкам? Арриан досадливо поморщила носик.

— Да нет, мы все предпочитаем простую деревенскую жизнь. Единственное исключение в

нашей семье — тетушка Мэри: в столичном обществе она как рыба в воде.

— А вы, стало быть, предпочитаете простую деревенскую жизнь в стокомнатном замке?

Арриан снова внимательно всмотрелась в его лицо.

— Я вижу, вы иронизируете?

— Никоим образом. Просто пытаюсь представить себе, как вы жили до сих пор. — Внезапно его кольнула неприятная мысль. — Полагаю, Йену Макайворсу в качестве вашего будущего супруга было обещано немалое приданое?

Арриан нахмурилась и отодвинула от себя тарелку с супом.

— Очень возможно, хотя подробности мне неизвестны. Надеюсь, вы не рассчитываете, что теперь это приданое достанется вам?

Губы Уоррика плотно сжались.

— Деньги вашего отца мне не нужны. Я только хотел узнать, получил ли уже Йен ваше приданое.

— Я не расспрашивала отца об условиях брачного соглашения... Милорд! — Повернувшись к Уоррику, она смотрела на него прямо и серьезно. — Когда вы отпустите меня? Мне незачем оставаться в вашем замке.

Он долго молча смотрел в ее глаза, казавшиеся еще голубее из-за цвета платья, потом сказал:

— Знаете, о чем я думаю? Могли бы мы с вами стать друзьями, доведись нам познакомиться при других обстоятельствах?

— Этого мы уже никогда не узнаем. Вполне возможно, что я в таком случае прониклась бы к вам некой симпатией, однако сами вы точно так же презирали бы меня за родство с Макайворсами.

— Уверяю вас, миледи, я вас совсем не презираю, скорее наоборот. Неужели я и впрямь произвожу на вас впечатление человека, не ведающего иных чувств, кроме ненависти?

— Пока что я имела возможность познакомиться лишь с этой стороной вашей натуры. Я не знаю, способны ли вы любить... и не имею ни малейшего намерения это выяснять.

Вошла миссис Хаддингтон. Пока она убирала со стола суповые тарелки и ставила главное блюдо, все трое молчали.

— Арриан, — заговорил Уоррик, когда экономка удалилась, — а что, если нам с вами заключить временный мир? К чему упражняться во взаимном недоверии?

— Положим, у меня достаточно причин для недоверия к вам. Что же касается мира, то все зависит от того, на чем он будет основываться.

— К примеру, мы могли бы просто сделаться друзьями — проводить вместе время, беседовать о вещах, которые интересны для нас обоих. Я покажу вам Гленкарин таким, каким без меня вы не сможете его увидеть. Что вы на это скажете?

— Что я буду иметь в результате этой дружбы?

— В конечном итоге — свою свободу.

— Когда, позвольте узнать?

Уоррик взял ее за руку и с удивлением отметил, что она не вырвала ее.

— Этого я еще не решил, но, пока вы здесь, думаю, нам обоим будет приятнее дружеское общение.

Арриан представила себе долгие часы одиночества в чужом холодном замке... Между тем хозяин Айронуорта при желании умел быть приятным собеседником.

— Вы не потребуете от меня ничего, кроме дружбы?

— Даю слово. Поверьте, Арриан, я не собираюсь брать вас силой и совсем не хочу, чтобы у вас остались горестные воспоминания о Гленкарине.

— А разве могут они быть иными? Вынудив меня вступить в этот союз, вы разбили мою жизнь. Я так давно мечтала стать женою Йена... Теперь это уже вряд ли возможно.

— Любой брак можно расторгнуть, Арриан. Потерпите меня до того дня, когда я готов буду вас отпустить, и вы получите свою свободу.

— Да, когда стану старухой.

— Ну зачем так! — рассмеялся Уоррик. — Обещаю вам, что к середине августа вы уже будете совершенно свободны.

— И смогу выйти замуж за Йена?

— И сможете распоряжаться собою как вам заблагорассудится.

— Вы для меня поистине загадка, милорд. То вы сама доброта, то вдруг начинаете грозить и запугивать меня. Право, можно подумать, что в вас живут два разных человека.

— Возможно, когда мы познакомимся получше, загадка все же окажется разрешимой.

— Так вы говорите, что в случае согласия на ваши условия я скоро смогу уехать к бабушке?

— Сможете. — Уоррик скользнул взглядом по ее руке. — Я вижу, вы без обручального кольца?

— Думаю, мне не стоит его носить, милорд. Ведь в душе я хочу лишь одного: опять увидеть на своем пальце кольцо Йена.

Откинувшись на спинку стула, он некоторое время разглядывал ее молча, потом заговорил о другом:

— Вы любите соколиную охоту?

— Да, люблю. Зато не выношу травли лисиц собаками. Когда дюжина охотников и две дюжины собак окружают со всех сторон одну несчастную лисицу, признаться, это меня не очень забавляет. — Арриан отрезала себе ломтик нежной телятины. — Но мне кажется, милорд...

— Если речь идет о дружеских отношениях, то вам следует называть меня Уорриком.

— Хорошо. Так вот, мне кажется, Уоррик, что вы уже знаете обо мне довольно много, в то время как я о вас — почти ничего. Я тоже хотела бы вас кое о чем спросить и надеюсь, что и вы будете отвечать на мои вопросы прямо и откровенно.

Лицо Уоррика осветила улыбка.

— Спрашивайте — обещаю удовлетворить ваше любопытство.

Пока они беседовали, миссис Хаддингтон успела подать чай с лимонным тортом.

— Вы ни разу не упоминали в разговоре свою маму — почему?

— Она умерла, когда мне было всего семь лет.

— Кто же учил вас манерам? Он ответил не сразу:

— Под сим, вероятно, подразумевается, что вообще-то все северяне грубы и неотесанны?

— Сказать по правде, мне описывали их именно такими, — согласилась она. — Однако на вашем примере можно убедиться в обратном.

Уоррик решил не вступать в извечную дискуссию по поводу достоинств северян по сравнению с южанами.

— С мамой связаны счастливейшие воспоминания моего детства. Моя сестра, насколько мне помнится, была очень на нее похожа. В восточном крыле висит портрет Гвендолин — как-нибудь я вам покажу.

— Я знаю, что ваша сестра умерла. Кроме нее, у вас не было братьев или сестер?

— Нет, нас было только двое. Отпив глоток чаю, Арриан отложила салфетку в сторону.

— А с отцом вы были близки? Уоррик поднялся со своего места и отодвинул стул для Арриан.

— Продолжим наш разговор в гостиной, если вы не возражаете.

Арриан с нарочитым спокойствием оперлась на руку Уоррика, однако краем глаза все же следила за ним, поскольку не знала, чего от него ждать.

В гостиной горели свечи, в камине весело потрескивал огонь, и в его красноватых отблесках убогость обстановки не так бросалась в глаза. На стенах висели прекрасные и дорогие картины, но от самих стен, казалось, веяло духом запустения.

Присев на канapé, Арриан сложила руки на коленях. Уоррик сел рядом.

— Так о чем мы говорили? — Закинув ногу на ногу, он обхватил ладонью начищенное голенище сапога.

— Я спрашивала вас об отце.

— Думаю, Арриан, что мой отец был в каком-то смысле полной противоположностью вашему. Возможно, вы уже слышали, что он насильно выдал мою сестру за Гавина Макайворса. Будучи

человеком гордым и не желая ударить в грязь лицом перед вражеским кланом, он выделил ей немалое приданое, для чего ему пришлось продать лучшие стада коров и овец. Все вырученные от продажи деньги перешли к Гавину Макайворсу. — Уоррик всмотрелся в портрет на стене. — Хорошо еще, что Гленкарин — заповедное родовое имение, которое не может быть распродано по воле владельца, не то мы лишились бы тогда всех наших ценностей.

Неожиданно для себя Арриан почувствовала в душе прилив сострадания к этому человеку.

— Вам было тогда очень тяжело, да?

— Тяжело было не мне, а моей сестре Гвендолин. Перед замужеством она была так же молода, как вы сейчас, и очень боялась Гавина Макайворса.

— Гавин ведь был отцом Йена?

— Да, и к тому же наследником Джилла Макайворса.

— Как сейчас Йен?

— Да, именно так. Найди Гвендолин счастье и любовь в этом замужестве, жизнь моя, пожалуй, обернулась бы совсем по-другому. — Уоррик задумчиво взглянул на золотистую головку Арриан. — Не исключено, что мы с вами встретились бы однажды в доме вашего дедушки и стали бы... друзьями.

— Вы уверены, что ваша сестра умерла именно в свою брачную ночь?

— Да. Я был там и своими глазами видел, как жестоко Гавин Макайворс с нею обращался.

— Вы, вероятно, были еще очень молоды в то время?

— Да, но не настолько, чтобы не понимать происходящего. Моя сестра звала меня на помощь, и я бросился к ней, но в этот момент кто-то подкрался ко мне сзади и нанес удар... Мактавиш потом сказал мне, что это был Йен.

— Не могу поверить, чтобы Йен мог так поступить... разве что он боялся за жизнь отца.

— Он правильно боялся. Доберись я тогда до Гавина, я убил бы его на месте... И моя Гвендолин осталась бы жива.

Сколь бы чудовищно и неправдоподобно все это ни звучало, однако что-то подсказывало Арриан, что Уоррик не лжет.

— А что было потом?

— Очнувшись на другое утро, я немедленно отправился на поиски сестры. Тогда-то мне и сказали, что она умерла — якобы бросилась с лестницы, спасаясь от своего супруга. Не знаю, доведется ли мне когда-нибудь узнать, как в действительности все было, но мысли о той ночи до сих пор преследуют меня как наваждение.

— Не вижу ничего удивительного в том, что в момент отчаяния девушка предпочла смерть постылому замужеству. Если она при этом любила другого, как я люблю Йена, то ее чувства вполне понятны.

После долгого молчания Уоррик, задетый замечанием собеседницы, сухо произнес:

— Вы, верно, устали сегодня и хотите поскорее удалиться в свою комнату?

Арриан немедленно поднялась. Возможно, любовь к сестре хоть в какой-то мере поможет ему понять горечь ее нынешнего положения.

— Желаю вам доброй ночи, милорд.

Глядя ей вслед, Уоррик думал о том, что, несмотря на юный возраст, эта девушка очень умна и что в разговоре она только что взяла над ним верх. Ему следовало бы гордиться такой женой — будь она и вправду его женой. Но при малейшей возможности она снова и снова напоминала ему, что сердце, ее принадлежит Йену Макайворсу.

Арриан задумчиво переодевалась ко сну. В этой комнате жила когда-то сестра Уоррика... Бедняжка! Наверное, перед той постылой свадьбой и ей было так же страшно и одиноко... Когда-нибудь, поклялась себе Арриан, она узнает правду о смерти Гвендолин.

У себя в комнате Уоррик еще долго предавался мрачным размышлениям. Как ни горько было сравнивать себя с Гавином Макайворсом, однако, в сущности, он сам повел себя ничем не лучше, а, пожалуй, даже хуже: ведь его сестра выходила за Гавина с родительского благословения, а Арриан... Впрочем, леди Элен ведь тоже принудили к замужеству силой. Нет, он правильно сделал, что женился на Арриан. Только так он сможет отомстить врагам за нанесенное оскорбление.

Он снял рубаху и бросил ее на спинку стула. Кажется, сегодня его супруга впервые почувствовала к нему некое доверие. Что ж, он попробует добиться ее расположения и даже любви. Последнее скорее всего будет нетрудно: опыт подсказывал ему, что эта невинная девушка уже вполне готова к встрече с мужчиной.

Закрыв глаза, он все еще видел перед собой ее милую улыбку. Он обещал не навязывать ей своего общества — так что ж из того? Разве кто-то мешает ему завоевать ее сердце?

В памяти снова всплыло лицо сестры, ее последний крик о помощи, и Уоррик до боли сжал зубы.

Он заставит Арриан искать своего общества. Да, он завоюет ее, и только после этого отправит обратно к Йену Макайворсу.

Глава 12

Когда «Соловей» подошел к берегу, его уже дожидался посыльный с известием о том, что леди Мэри в Эдинбурге. Сейчас Кэссиди стояла у тетушкиной постели, дрожа от гнева и боясь верить услышанному.

— Значит, лорд Уоррик силой заставил мою дочь выйти за него замуж?

— Ну, не силой оружия, разумеется, но все же заставил... С его наружностью он мог бы выбрать себе любую жену, но ему понадобилась Арриан, чтобы с ее помощью осуществить свою месть.

Сердце Кэссиди готово было разорваться от тоски и отчаяния.

— Я чувствовала, что что-то не так! Я должна немедленно ехать к ней. Скажите, тетя, он... не

обидит ее?

— Нет, Кэссиди, за это я не волнуюсь: судя по всему, этот человек строго блюдет законы чести. Он не обидит ее, хотя и немало выстрадал в своей жизни от Макайворсов. Знаешь, если верно все то, что мне пришлось выслушать в Айронуорте, у него достаточно оснований для ненависти к нашей семье.

— Ах, тетя Мэри, какое мне до него дело? Я хочу лишь одного: поскорее увидеть Арриан и убедиться, что с нею все в порядке. Бедненькая! Как она, наверное, испугалась!

— Можешь гордиться своей дочерью, Кэссиди. Даже в самые тяжелые минуты она держалась превосходно.

— Я немедленно выезжаю в Айронуорт!

— Милая, боюсь, тебя просто не пустят туда. Тебе наверняка приходилось слышать рассказы о том, как Драммонды умеют защищать свои владения, — полагаю, что эти рассказы очень близки к истине.

— Но моя доченька там одна, без единой родной души!

— Я знаю и даже не далее как вчера сама пыталась убедить служанку Арриан отправиться в Айронуорт, но Таттл так перетрусилась, что пришлось немедленно дать ей денег на дорогу в Англию.

— Вот как? — Кэссиди задумчиво сложила перед собой ладони. — Я слышала, что нога у вас как будто заживает неплохо и что дедушка скоро придет за вами карету... Пожалуй, сейчас я гораздо нужнее Арриан, чем вам.

— Что ты надумала? — подозрительно покосилась на нее леди Мэри.

Кэссиди присела перед нею в почтительном реверансе и неожиданно затараторила, очень похоже копируя просторечный лондонский выговор:

— Слыханное ли дело, оставить барышню без преданной служанки?! Неужто и ей посмеют отказать в такой малости?

Леди Мэри сердито покачала головой:

— Кэссиди, не смей! Я и без того не знаю, как мне объясняться с Рейли. Что, по-твоему, я должна ему говорить, когда он появится? Что вы обе отправились погостить к лорду Уоррику?

— Ах, что за дело лорду Уоррику до барышниной прислужницы? Пусть себе прислуживает, коли жить не может без своей хозяйки.

— Нет, с вашей семейкой сплошное наказание! Это, верно, английская кровь толкает Винтеров на вечные безумства! Не делай этого, Кэссиди!

Кэссиди наклонилась над кроватью и поцеловала леди Мэри.

— Не волнуйтесь, тетя. Я поеду за своей дочерью и скоро вернусь вместе с ней.

Увы, Кэссиди уже было не остановить, и леди Мэри это прекрасно понимала.

— С Арриан вдвоем вы, пожалуй, превратите жизнь бедного лорда Уоррика в настоящую пытку. Ну да поделом ему!

— Надеюсь, я успею вызволить Арриан до того, как Рейли закончит в Лондоне свои дела, иначе все пропало. Умоляю вас, тетя Мэри, если он приедет раньше меня, заморочьте ему голову, говорите все, что угодно... кроме правды! Я не хочу, чтобы мой муж ввязывался в войну, пока есть хоть ничтожный шанс ее избежать.

— Кажется, лорду Уоррику не поздоровится, — заметила леди Мэри. — В твоём лице он получит достойную противницу.

— Вы правы, — взбивая подушку, отозвалась Кэссиди. — И если он осмелился обидеть Арриан, он очень скоро об этом пожалеет.

Леди Мэри нахмурилась:

— Так-то оно так, но я все равно советую тебе подождать Рейли.

— Нет уж, тетя, постараемся обойтись без Рейли. Думаю, с графом Гленкарином я как-нибудь сама разберусь.

— Не сомневаюсь, Кэссиди, — кивнула леди Мэри, видимо, сдаваясь окончательно. — Право, полгода жизни отдала бы за то, чтобы полюбоваться, как ты возьмешь его в оборот...

...Арриан радостно сбежала по лестнице. Какое счастье — хоть на несколько часов вырваться из этой унылой комнаты. Сегодня Уоррик пригласил ее на верховую прогулку.

Уоррик, уже верхом, ждал ее около конюшни.

Когда она подошла, мальчик-конюх вывел ей навстречу оседланную лошадь.

— Я вижу, у вас нашлось даже боковое седло, — заметила она.

— Это седло осталось от моей сестры. Им уже много лет никто не пользовался. Тэм возился с ним вчера весь вечер, приводил в порядок к нашей сегодняшней прогулке.

— Спасибо, Тэм. — Она улыбнулась рыжему веснушчатому парнишке. — Я очень благодарна тебе за заботу.

— Не стоит, миледи...

Он подвел лошадь к лежащей на земле колоде и помог Арриан забраться с нее в седло.

Поправив на голове шляпку, Арриан наконец обернулась к Уоррику.

— Ну что, вперед?

Из ворот замка они свернули на горную тропу. Солнце уже начало пригревать, и теплый ветер ласкал щеки Арриан. Выхав на холм, Уоррик натянул поводья и обернулся.

— Посмотрите, какой отсюда вид. В детстве я часто приходил сюда и часами смотрел на море — все думал, что там, на другом его конце. — Взгляд Уоррика на мгновение задержался на Арриан. — Мог ли я знать, что однажды волны Северного моря принесут мне вас?

Арриан поспешно отвернулась и обвела глазами раскинувшуюся перед ней панораму. К западу от них простиралось бескрайнее море, на востоке стояли горы, за ними сквозь дымку проступали все более и более высокие хребты. В низинах бурлили бегущие к морю горные речки, одна из них огибала их холм, и откуда-то снизу доносился шум невидимого водопада.

Слева курился дымок: здесь между холмами раскинулась деревня, и видна была часть деревенской мощеной улицы, припорошенной снегом. На солнечных проталинах уже зеленела первая весенняя травка.

Привстав в седле, Арриан сорвала с ветки сосульку и нацелила ее острие Уоррику в грудь.

— Защищайтесь, Драммонд! Ваша жизнь в руках Винтеров! — дурачась, сказала она, после чего невозмутимо откусила кончик своего оружия.

Уоррик расхохотался, откинув голову.

— Сдаюсь! Я сразу понял, что имею дело с грозным противником.

Он спрыгнул на землю и протянул ей руки.

— Но если уж быть до конца точным, — он подхватил Арриан за талию и легко опустил на землю, — то вы теперь уже не относитесь к семейству Винтер. Вы леди Арриан Гленкарин из клана Драммондов.

— Ваши слова повергли бы моего дедушку в ужас, — сморщив носик, сказала Арриан.

Уоррик взял ее за плечи и развернул лицом к Северному морю.

— Взгляните туда, Арриан. Видите, что-то темнеет над волнорезом? Это пещера. Мы с сестрой в детстве бегали туда искать клад. Почему-то мы решили, что викинги должны были прятать награбленное добро именно там.

Арриан с улыбкой обернулась и нечаянно скользнула губами по щеке Уоррика. Взгляды их встретились, и от его светлых глаз, оказавшихся так близко, у Арриан все напряглось внутри и стало вдруг нечем дышать.

Уоррик молча убрал руку с ее плеча и начал спускаться с холма. Арриан последовала за ним. Всякий раз, когда ее маленькая ножка наступала в след от его сапога, ею овладевало странное чувство.

Перед Богом и людьми этот человек был ее мужем, и его присутствие словно бы обнимало ее всю, как след от его сапога обнимал ее маленький след.

— Конечно, еще не совсем потеплело, но, может быть, вы желаете спуститься к морю? Прилив начнется только через несколько часов.

— Мне бы хотелось осмотреть пещеру.

— Что ж, идемте. — Уоррик подал ей руку. — За лошадой не беспокойтесь, они прекрасно обучены и будут ждать на месте, пока мы не вернемся.

Арриан без колебаний подала ему руку, и они продолжали спускаться с холма вместе. Неожиданно она поймала себя на том, что прикосновения его рук уже не вызывают в ней протеста — напротив, они даже приятны ей.

Это новое открытие так смутило Арриан, что она почувствовала себя предательницей по отношению к Йену и немедленно высвободила руку.

Впрочем, стоило ей ступить на отлогую приливную полосу, как все, кроме катящихся навстречу волн, вмиг улетучилось из ее памяти. Небрежно отбросив в сторону изысканную шляпку, она подбежала к пенистой кромке и долго с запрокинутой головой вслушивалась в шум волн и крики морских чаек.

Тугой узел на ее затылке рассыпался, и Уоррик не мог оторвать взгляда от горящего на солнце золота ее волос. Девушка, стоящая у кромки волн, была горда и прекрасна, и ему хотелось ее укротить. Впрочем, нет, не укротить — ибо он не желал видеть ее кроткой, — но быть подле нее, греться в лучах этой солнечной красоты, быть любимым ею...

Последняя мысль подействовала на Уоррика отрезвляюще. Он отвернулся и подставил лицо весеннему солнцу, пытаясь унять колотящееся сердце.

— Пожалуй, поход в пещеру придется отложить на другой раз. Ветер сменился на юго-западный, а в наших краях это означает близость дождя.

Стараясь не выдать своего разочарования, Арриан повернулась, чтобы идти обратно.

Уоррик поднял с песка шляпку Арриан и водрузил ей на голову, после чего произвел жест, от которого у нее перехватило дыхание. Не снимая перчатки, он обвел пальцем контур ее губ.

— С тех пор как я узнал вашу улыбку, ваши губы пленяют меня еще сильнее.

Арриан, которой никто еще не говорил подобных слов, застыла, словно прикованная к месту взглядом серебристых глаз.

Обретя, наконец, дар речи, она тихо сказала:

— Последнее время в моей жизни было мало поводов для улыбок, Уоррик. Он невесело усмехнулся:

— Что ж, я виноват, мне и исправлять положение. Какие развлечения вы предпочитаете?

Ей, наконец, удалось перевести взгляд со своего спутника на серую морскую даль.

— Как я вам уже говорила, мне нравится соколиная охота. Кроме того, я хорошо стреляю из лука, люблю ездить верхом и танцевать.

Продолжая начатый разговор, они повернули обратно к своим лошадям.

— Вы, вероятно, в совершенстве обучены всему, что положено знать и уметь благовоспитанной юной леди?

Арриан улыбнулась и сделала книксен.

— Да, милорд, я неплохо вышиваю, плету кружева и вполне сносно играю на арфе и фортепиано. Я также достаточно свободно изъясняюсь на французском, итальянском и латинском языках, но — увы! — совсем не понимаю по-гаэльски, а если начинаю говорить по-русски, то рискую попасть в глупейшее положение. Майклу, моему брату, потом приходится объясняться с моими собеседниками и уверять их, что я не имела в виду ничего дурного, а просто плохо знаю язык. Однажды, когда я искренне считала, что делаю русской княгине

комплимент по поводу ее платья, он вдруг ни с того ни с сего вмешался в разговор и начал многословно извиняться за мой русский.

— Что же такое вы ей сказали?

— Оказывается, я с улыбкой говорила ей, что в этом платье она «очень как корова сивая».

Остроумная и обаятельная собеседница Уоррика пленяла его все больше и больше.

— Преклоняюсь перед вашими бесчисленными талантами. Полагаю, вы совершенствовали их в каком-нибудь заведении для благородных девиц в Лондоне?

— Нет. Я не захотела уезжать из Равенуорта, и моим родителям пришлось нанять мне учителей.

— Понятно.

— Ну а вы, милорд? Коль скоро мы договорились познакомиться друг с другом лучше, то, полагаю, теперь ваша очередь поведать мне о своих талантах.

— Боюсь, что они не идут ни в какое сравнение с вашими. В плетении кружев, равно как и в вышивании я не силен, ни на арфе, ни на фортепиано не играю. По-русски изъясняюсь примерно так же, как и вы; знаю французский, латынь, но не знаю итальянского... Правда, по-гаэльски говорю довольно свободно.

— Вы учились в каком-нибудь университете?

— Да. В Эдинбургском.

— А-а. Понятно, почему вы говорите по-английски почти без акцента, — заметила она. — Вы изучали его в университете.

Улыбка Уоррика неожиданно погасла.

— Я не ставил перед собою задачи совершенствоваться в овладении языком наших южных соседей. И если я все же научился сносно на нем изъясняться, то это исключительная заслуга моего английского учителя из Королевской школы в Эдинбурге.

Она коснулась пальцами его руки:

— Сами видите, Уоррик, какая между нами бездонная пропасть. Ни одна беседа не обходится без размолвки...

Уоррик поймал ее за руку и медленно притянул к себе.

— Разве вы не знаете, Арриан, что через пропасть можно перекинуть мост? Хотите, я это сделаю? Поверьте, это очень легко. Хотите?

Она молча помотала головой, потому что при всем желании не смогла бы сейчас вымолвить ни слова.

— Показать вам, как просто мы с вами можем по этому мосту перейти друг к другу?

Она опять помотала головой, однако, когда его руки сомкнулись у нее на спине, а губы

скользнули по нежной щеке, она не вырвалась.

— Это совсем просто, Арриан, — едва слышно прошептал он. — И пропасть сразу покажется вам не такой бездонной.

Когда его губы легко дотронулись до ее губ, ей мучительно захотелось прижаться к нему всем телом. И пока они, едва касаясь, продолжали двигаться от ее щеки к виску, к мочке уха, снова к щеке, губы Арриан тянулись к ним, как подсолнух к солнцу, словно манили их опять к себе. От этого ответного движения у Уоррика пересохло в горле и огонь страсти взметнулся вверх, но Арриан даже не догадывалась об этом.

Внимательно следя за выражением ее голубых глаз, Уоррик увидел в их растревоженных глубинах именно то, чего так ждал: пробуждение страсти. Ему не надо было ни о чем спрашивать, чтобы убедиться, что подобные ощущения она испытывала впервые. В тот момент, когда его губы вернулись, наконец, к влажному теплу ее рта, он почувствовал легкий укол совести — ведь с его опытом он мог без труда воспользоваться невинностью девушки.

Меж тем как Арриан таяла в его объятиях, руки ее сами собою обхватили его талию. Уоррик же, впиваясь губами в ее губы, все теснее прижимал ее к себе, не переставая гладить и ласкать ее спину. Кончик его языка, скользнувший по ее губам, пробудил в ней целую бурю новых пронзительных ощущений, и безудержное желание уже затопляло ее подобно пенному приливу.

Внезапно она вздрогнула всем телом и отпрянула от Уоррика, глядя на него почти безумными глазами.

— Я... я не знаю, как это вышло. Я предала Йена. Мне так стыдно!

Огонь страсти в его почти прозрачных глазах вытеснила неожиданная злость.

— Йен Макайворс целовал вас так? Арриан подставила лицо холодящему ветру, одновременно пытаясь унять дрожь в руках.

— Нет. Так — нет. Такого он никогда бы себе не позволил. — Постепенно овладевая собой, она повернулась к нему спиной. — Йен — джентльмен, милорд.

Догнав ее, Уоррик посадил ее в седло и вручил поводья.

— Я — не джентльмен, Арриан. Советую вам не забывать об этом.

Они в молчании доехали до замка, и Арриан немедленно поднялась к себе. Ей нужно было побыть одной и обдумать все, что произошло с нею сегодня. Вина ее перед Йеном была столь безмерна, что она не знала, сможет ли когда-нибудь взглянуть ему в глаза.

Уоррик переехал деревянный мостик и пустил Тайтуса галопом. Издали доносился шум водопада, к которому и спускалась наезженная тропа.

Внизу он спешил и, прислонясь спиной к холодной скале, долго глядел на бурный поток, льющийся через край каменной чаши. Когда его лицо и волосы покрылись брызгами водяной пыли, Уоррик закрыл глаза. О, если бы эта живительная влага могла исцелить его душу!

Он давно уже не испытывал никаких чувств, кроме ненависти и жажды мести. Теперь же

внутри его словно отворилась некая дверь, много лет бывшая на «замке, и в душу потоком хлынули совсем иные ощущения, которых он не ждал и не хотел.

Ему нужно было поскорее забыть эти нежные губы, раскрывающиеся навстречу его губам, не думать о шелковистых волосах и о нежной бархатной коже.

Главное — не придавать этому слишком большого значения. Арриан должна остаться для него лишь средством достижения цели. Заставить ее влюбиться, чтобы все ее новообретенные страсти и желания были направлены на него одного, — и лишь тогда отпустить к Йену... Что ж, пусть Йен Макайворс получит ее, но зато лишится ее любви.

На смеженные веки Уоррика упали первые дождинки. Только бы самому не стать жертвой этих голубых невинных глаз!

Когда Арриан на другое утро спустилась вниз, Уоррик уже ждал ее в утренней столовой. После всего, что было накануне, она не знала, как себя вести и что говорить.

Уоррик, однако, с улыбкой отодвинул для нее стул и как ни в чем не бывало предложил булочку:

— Вот, попробуйте. По-моему, очень вкусно.

Отпив глоток чая, Арриан продолжала сосредоточенно смотреть в чашку, потому что не смела поднять глаз. Уоррик, к ее удивлению, вел себя так, словно ничего не произошло.

— Как почивали? — спросил он, перекладывая на ее тарелку горячую лепешку в желтоватых капельках масла.

— Я? Хорошо, благодарю.

— Не хотите совершить сегодня еще одну верховую прогулку?

Арриан мучительно хотелось ответить «да», но она сказала:

— Вряд ли это будет разумно.

В этот момент дверь распахнулась — и в столовую вошла женщина в желтой амазонке. Взглянув сначала на Уоррика, затем на Арриан, она решительно направилась прямо к столу.

— А-а, Луиза, — поднимаясь, сказал Уоррик. — Я не знал, что ты уже вернулась.

Приблизившись к нему почти вплотную, она с улыбкой ответила:

— Я очень скучала... по дому.

Гостья, на взгляд Арриан, хоть и не была красавицей, но, безусловно, отличалась яркой наружностью. Желтая амазонка, сшитая по последней моде, выгодно оттеняла ее светло-карие глаза и каштановые волосы.

Отступив на шаг, Уоррик обернулся к Арриан.

— Позвольте представить вам Луизу Робертсон, мою соседку и давнюю приятельницу. А это леди Арриан, моя жена.

При взгляде на юную Арриан глаза Луизы Робертсон вмиг потемнели, но ей все же удалось выдавить из себя улыбку.

— Значит, правда, что ты женат и что твоя жена так молода. Признаться, я думала, что ты повременишь с женитьбой до моего приезда, — она бесцеремонно взяла его за руку, — но, увы, я ошиблась.

Уоррик сдержанно улыбнулся:

— Что заставило тебя так думать? Кончиком пальца в перчатке она провела по его щеке к подбородку.

— Кое-что заставило, друг мой. Арриан, не желая более ничего видеть, быстро поднялась со своего места.

— Думаю, вы оба меня извините, если я покину вас на этом месте вашей увлекательной беседы.

Но Уоррик удержал ее за руку.

— Нет, не уходите. У нас с Луизой нет от вас никаких секретов.

Луиза недовольно надула губки.

— Я рассчитывала, что ты поможешь мне советом. Сегодня ко мне обещал заехать один человек с лошадьми на продажу. Ты ведь знаешь, я не разбираюсь в лошадях. Надо, чтобы кто-то взглянул на них, а не то я, чего доброго, куплю какую-нибудь дрянь. Ты не согласишься съездить со мною в Лонгвуд?

Арриан направилась к двери.

— Конечно, поезжайте, Уоррик. Всякому, кто не отличит хорошую лошадь от дряни, приходится прибегать к чужой помощи.

Глядя ей вслед, Луиза Робертсон нахмурилась. Возможно, ей только что нанесли оскорбление, хотя она и не была в этом уверена.

Уоррик с трудом подавил улыбку.

— Хорошо, Луиза, я съезжу с тобой, но только до полудня.

Луиза заглянула ему в глаза.

— Уоррик, ты что, действительно женат?

— Действительно женат.

— Но ведь она, говорят, из семьи Макайворс? Неужто такое возможно?

— Нет, Луиза. — Уоррик довольно прищурился. — Она из семьи Гленкаринов.

Арриан раздраженно ходила по комнате и никак не могла успокоиться. Как смела эта наглая женщина вести себя при ней с такой развязностью и как Уоррик мог такое допустить? В конце концов, он ее муж, и...

Она опустила в кресло, пытаясь собраться с мыслями. Но, собственно, что ей за дело до того, чем Уоррик занимается с этой женщиной? Он для нее никто.

Тогда почему она так взволнована и почему к этому волнению примешивается жгучая горечь предательства?

Глава 13

Уже пятый день Арриан не видела Уоррика. Она представляла его в обществе Луизы Робертсон, и мысль о том, что эти двое сейчас вместе, была ей непереносима. Целыми днями она слонялась без дела вокруг замка, или заглядывала в конюшни, или просто смотрела из окна на шумящие вдали волны Северного моря.

Сегодняшняя прогулка произвела на Арриан особенно гнетущее впечатление. Она только что обошла сады Уоррика и пришла в ужас от их запущенности. Ведь Айронуорт, расположенный в столь живописном месте между горами и морем, слыл когда-то величественнейшим замком. Как же можно с таким пренебрежением относиться к своей собственности?

Недалеко от крыльца она заметила занятую стиркой миссис Хаддингтон и направилась в ее сторону. После их с Уорриком свадьбы экономка держалась с нею уважительно, но прохладно.

Арриан попыталась завязать вежливый разговор:

— Потеплело, не правда ли, миссис Хаддингтон? Снег совсем растаял.

Экономка разогнулась и вытерла мыльные руки о передник.

— Так ведь пора уже, миледи. Жмурясь от ласкового весеннего солнышка, Арриан присела на деревянную скамью.

— Я очень волнуюсь за тетю. Дочка вам ничего не пишет?

— А что тут писать? Приедет — тогда и узнаем, что да как... Когда приедет? А кто ее знает когда.

— А я только что бродила по саду и представляла, как хорошо тут, наверное, было раньше.

— Раньше, миледи, Айронуорт жил на широкую ногу, но с тех пор как все состояние вместе с леди Гвендолин уплыло к Макайворсам, хозяйство стало приходить в упадок.

— Да, Уоррик мне рассказывал.

— Его милость из сил выбивается, чтобы только помочь людям продержаться. Которые не могут рыбачить — идут в пастухи, вот все денежки его милости и уходят на овец да на помощь деревенским.

Арриан вспомнила тетушкин рассказ об обязанностях вождя. По-видимому, Уоррик и впрямь больше заботился о своих людях, чем о собственных удобствах, и от этого на душе у Арриан стало почему-то теплее.

— Я еще не была в деревне, но думаю, что скоро туда попаду.

— Я, конечно, извиняюсь, миледи, только вряд ли вам там понравится.

— Миссис Хаддингтон, вижу, я вам с самого начала не понравилась.

— Любить вас или не любить — не мое дело. Оно, может, нрав у вас и неплохой, да плохо то, что наш милорд из-за вас страдает.

— Но, миссис Хаддингтон, по-моему, из нас двоих мне приходится страдать гораздо больше.

— Ну, про то мне неизвестно. — Взор миссис Хаддингтон исполнился укоризны. — Зато мне известно, что вы из Макайворсов.

— Миссис Хаддингтон, мое имя — Арриан Винтер. Я не просила привозить меня сюда и, тем более, не имела ни малейшего намерения здесь оставаться.

— Имели или не имели — но сердце вы ему разобьете, это уж точно.

Пожалуй, не стоит так откровенничать с прислугой, решила Арриан. Эта миссис Хаддингтон как будто знать не знает, что Арриан вышла за Уоррика не по своей воле, хотя всему замку наверняка известно, что они с ним спят в разных комнатах и не живут как супруги.

Вздыхнув, Арриан собралась уходить.

— Миледи?

Она обернулась:

— Да, миссис Хаддингтон?

— Все-таки у вас добрая душа. И — может, не стоит об этом говорить, но все равно скажу — вы мне гораздо милее, чем Луиза Робертсон.

Арриан улыбнулась. Поистине, в устах строгой экономки это была высокая похвала.

— Спасибо, миссис Хаддингтон.

— Кабы не эта свадьба, она бы уж постаралась занять ваше место.

Всходя на крыльцо, Арриан пыталась отогнать мысль о том, что было бы, «кабы не эта свадьба». Возможно, Уоррик уже жалеет о своей неожиданной женитьбе. И хорошо, в сердцах подумала она, так ему и надо! Вот отпустит ее — тогда пусть себе женится на своей Луизе Робертсон.

Арриан только что отужинала одна в своей комнате, и на душе у нее было тоскливо и одиноко. Она то беспокоилась о тетушке, то пыталась угадать, чем сейчас занимаются родители и Майкл. Наверняка им уже известно, что она пленница Айронуортского замка, думала она.

В дверь негромко постучали, и вошла миссис Хаддингтон. Старая экономка, как показалось Арриан, смотрела на нее уже гораздо дружелюбнее.

— Милорд прислал меня узнать, не спуститесь ли вы к нему. Он в гостиной.

— Спущусь непременно! — Арриан вскочила на ноги с видом оскорбленного достоинства.

— Так ступайте прямо сейчас, миледи, он вас ждет.

В платье из тафты клюквенного цвета Арриан стремительно вошла в гостиную. Щеки ее пылали, глаза угрожающе вспыхивали: она откровенно гневалась. Стало быть, тактика сработала, усмехнулся Уоррик.

Он встал и, шагнув навстречу Арриан, медленно поднес ее руку к губам.

— Всякий раз, когда я вас вижу, вы словно еще больше хорошеете. Это непостижимо.

Арриан вспыхнула. Она привыкла к комплиентам и обычно умела легко отшутиться, но сейчас ничего подходящего почему-то не приходило ей в голову. Более того, ей казалось, что Уоррик не стал бы лукавить и говорить женщине приятности только ради того, чтобы польстить.

Отвернувшись, она сказала:

— Надеюсь, что вы с миссис Робертсон приятно провели последние пять дней?

В глазах Уоррика заплясали веселые огоньки.

— Вы ошибаетесь. С тех пор как я помог Луизе выбрать лошадей, я ни разу не видел ее.

— Вот как? Ну а я провела эти дни далеко не лучшим образом, поскольку была предоставлена самой себе.

— Смею ли я надеяться, что вы скучали по мне, Арриан?

— Ах, я просто скучала. Вы ведь знаете, что здесь мне решительно нечем себя занять.

Он сжал ее руку.

— Что ж, видно, придется исправлять положение. Вы играете в шахматы?

— Я знакома с этой игрой.

Он отвел ее к шахматной доске и усадил в кресло. Арриан с интересом потрогала несколько деревянных резных фигур, выполненных в средневековом стиле, и подержала в руке пешку.

— Должен вас предупредить, Арриан, — садясь напротив, заметил Уоррик. — Я освоил шахматы в возрасте двенадцати лет и с тех пор неуклонно совершенствовался в этой игре.

— Остается надеяться, что проявите снисходительность к даме, милорд.

Он великодушно позволил ей играть белыми, и она сделала первый ход.

Уоррик насмешливо улыбнулся:

— Посудите сами, Арриан, разумно ли выводить вперед коня, оставляя его без защиты?

Он сходил пешкой и хитро взглянул на Арриан.

— Как вам понравится, если я возьму вашего коня пешкой?

— Совсем не понравится, милорд. Арриан двинула вперед королеву, подставляя ее под бой.

— Шахматы, как и война, — мужская игра. Сдается мне, что женщины вообще не способны

продумывать свои ходы. Мужчина, Арриан, ни за что не стал бы жертвовать своей королевой. — С этими словами он взял ее королеву слоном.

— Вы слишком самонадеянны, милорд. Как бы вас за это наказать?

Три хода спустя Арриан сделала неожиданный выпад конем.

— Шах и мат, милорд, — озорно поблескивая глазами, объявила она.

В первую минуту Уоррик воззрился на нее в немом изумлении, которое постепенно сменилось добродушной веселостью.

— Ах вы негодница! Вы нарочно пожертвовали королевой, чтобы заманить меня в ловушку! Глаза Арриан победно сверкали.

— Но, Уоррик, не вы ли только что уверяли меня, что шахматы — мужская игра? Как же вы позволили женщине одержать над вами верх?

— Да, моя юная плутовка, в этой игре я признаю себя побежденным. Однако какое коварство — сделать вид, что вы совсем ничего не понимаете в шахматах.

— Такого я не говорила.

Протянув руку, он помог ей подняться.

— Вы выиграли, Арриан, и я решительно отказываюсь с вами играть до тех пор, пока не пойму, как вы это сделали.

Они подошли к столу, на который миссис Хаддингтон уже составляла с подноса бренди и чайные принадлежности. Когда экономка ушла, они сели на просторный диван.

— По правде сказать, Уоррик, я неважная шахматистка. Брат так часто разбивал меня в пух и прах, что однажды отец отвел меня в сторонку и показал эти несколько ходов. Сильный игрок, как правило, не ожидает от противника ни добровольной сдачи собственной королевы, ни внезапного хода конем. Разумеется, такая уловка срабатывает лишь однажды, и следующую игру вы бы наверняка выиграли — я ведь действительно играю слабовато.

Ее прямота умилила Уоррика. «Родные наверняка обожают эту юную проказницу», — подумал он. Да и сам он, вопреки ожиданиям, до сих пор не слышал от нее ни сетований, ни упреков; о такой жене, пожалуй, можно было только мечтать.

Арриан тем временем налила ему бокал бренди, а себе чашку чая.

— Какие еще неведомые таланты скрываются за обликом нежной девы, миледи?

Отставив чашку, она заговорщицки наклонилась над столом и прошептала:

— Однажды я выиграла забег на скачках в Равенуорте!

Уоррик изобразил совершенное изумление.

— Вы шутите! Как может столь утонченная леди — да и вообще женщина — участвовать в скачках?

— Уверяю вас, это чистая правда. Получилось так. Мой дядя Джордж выставил тогда на скачки лошадь, на которую очень рассчитывал. Утром мы с братом заглянули в конюшню — проверить, как дела...

— Вам позволялось заходить в конюшню?

— Разумеется. В деревне мне вообще позволялось гораздо больше, чем в Лондоне.

— Продолжайте.

— Так вот, дядин жокей, как сказала бы Элизабет, мамина служанка, оказался «под мухой» и не то, что в седле — на ногах-то не мог держаться. Мы с Майклом долго спорили, говорить или не говорить об этом дяде Джорджу: он ведь так надеялся на победу.

— Да, положеньице!

— А потом мне пришло в голову, что мы с жокеем приблизительно одного роста и комплекции, и, хотя Майкл меня отговаривал, я все же переоделась в жокейский костюм, а волосы затолкала под шапочку. Вот только я никак не ожидала, что я действительно приду к финишу первой и мне придется делать круг почета — тут уж, понятно, любой мог меня узнать.

Уоррик был в полном восхищении.

— А что потом?

— Дядя Джордж, конечно же, узнал меня сразу. Оправившись от потрясения, он молча принял свой приз и деньги — двадцать фунтов стерлингов.

— Он вас выдал?

— Дядя Джордж? Ничуть не бывало! После он даже ни разу со мной об этом не заговаривал. Но на следующий год он подарил мне на день рождения свой приз. Надо сказать, что этим он очень озадачил моих родителей, зато мы с Майклом от души повеселились над его благородным жестом: мы-то знали, как страстно он мечтал о той победе.

Этот трогательный рассказ о детской шалости окончательно покорила сердце Уоррика. «Если бы она только знала, как она бесподобна!» — подумал он.

До того как Арриан вошла в его жизнь, он был спокоен, потому что не чувствовал своего одиночества. Теперь же душа его наполнилась до краев желанием тревожными и несбыточными.

— Арриан, вы очень несчастливы здесь?

— Я утешаюсь тем, что к августу вы отпустите меня, Уоррик.

Он поднес ее руку к губам.

— А если я попрошу вас остаться?

Арриан вскинула на него глаза, пытаясь угадать, что это: слова, сказанные от сердца, или новая злая шутка.

Когда Уоррик медленно притянул ее к себе, Арриан, к его удивлению, не вырывалась. Да, но

значит ли это, что чувство уже начинает зарождаться в ее душе? Его целью было сломить ее сопротивление, однако делать это следовало очень постепенно и осторожно, чтобы не отпугнуть ее.

— Вы не ответили, — шепнул он, приподнимая ее подбородок. — Если я попрошу вас об этом, вы останетесь?

Но прежде чем она успела что-то ответить, он склонил голову и обжег ее полуоткрытые губы поцелуем, от которого у нее перехватило дыхание и сердце бешено заколотилось.

Лишь когда горячая рука Уоррика скользнула по изгибу ее шеи к груди, Арриан, охваченная непонятным волнением, вздрогнула и оттолкнула его.

— Нет, милорд, я все равно не соглашусь остаться у вас. Я принадлежу Йену, и вы не властны этого изменить.

Взгляд его снова сделался отстраненным.

— Как вам угодно, миледи.

— Единственное, что мне угодно, это чтобы вы отпустили меня домой.

— Я не могу этого сделать.

— Тогда не прикасайтесь больше ко мне.

— Вам неприятен мой поцелуй? — с деланной серьезностью осведомился он, в то же время любуясь нежностью ее румянца.

— Вы не должны позволять себе такие вольности, потому что я не принадлежу вам.

Уоррик решил прибегнуть к другой тактике:

— Не хотите ли завтра утром покататься со мною верхом?

Ее взгляд мигом прояснился.

— Верхом? С удовольствием, милорд.

— В таком случае я желаю вам доброй ночи.

Арриан почему-то очень не хотелось уходить, но он вполне недвусмысленно предложил ей удалиться.

— Доброй ночи, милорд.

Уоррик проводил ее до двери и взял за руку.

— До завтра, миледи. — Теплые губы прижались к ее тонкому запястью.

Пока Арриан поднималась по лестнице, ноги, казалось, сами собою несли ее вверх. С каждым разом хозяин замка становился ей все менее неприятен. Сегодня она должна была ответить пощечиной на его поцелуй, но она этого не сделала. Неужели он медленно преодолевает ее сопротивление? Так она скоро целиком окажется в его власти. Не подвергает ли она себя

слишком большой опасности?

У себя в спальне она заперлась на ключ, не совсем понимая, зачем она это делает: чтобы Уоррик не мог проникнуть внутрь или чтобы она сама не могла выбраться наружу?

Глава 14

Подъезжая к деревне, Арриан мысленно сравнивала этот горный край с родным Равенуортом. Все кругом, включая и человека, который ехал сейчас с нею рядом, казалось ей тревожаще-необузданным.

Наконец их лошади ступили на мощеную деревенскую улицу, и Арриан с любопытством огляделась. Лавки и дома, сложенные сухой кладкой из местного камня, были покрыты соломой и вереском. Вскоре на улицу высыпала целая ватага веселых ребятишек и окружила всадников. Обветренные детские личики наводили на мысль о северных суровых штормах.

— Доброго утречка вам, милорд! — крикнула бойкая темноволосая девчушка. — А это ваша леди?

— Да, Лаура, это моя леди. А вы почему не в школе?

— Мы увидели вас из окна, милорд, а мистер Дикерсон как раз на минутку отлучился. Вот мы и выбежали с вами поздороваться.

Пока они беседовали, Арриан неожиданно увидела своего спутника с новой стороны. Уоррик держался естественно, называл всех детей по именам, смеялся их шуткам, некоторых расспрашивал о здоровье родственников, и дети разговаривали с ним охотно и уважительно.

— Как твоя рука, Дункан? — спрашивал Уоррик.

— Отлично, милорд! Как новенькая. — Белобрысый парнишка гордо согнул и разогнул руку в локте. Уоррик одобрительно кивнул, и мальчишеские глаза засияли от удовольствия.

Уоррик бросил на мостовую несколько монет и, пока счастливые малыши их подбирали, напустил на себя немалую строгость.

— После школы можете купить себе в лавке по леденцу, а пока что — марш в класс!

Очень скоро последняя монетка скрылась в ребячьем кармане, и школьники, довольные улыбаясь, побежали обратно в класс.

— Маленькие шалопаи! Они не понимают, как трудно было заманить к ним в деревню школьного учителя: никто не соглашался ехать так далеко на север.

— Значит, жалованье учителю платите вы?

— Люди и без того еле-еле перебиваются, где уж им осилить учительское жалованье. Когда рыбы нет, многие и вовсе бедствуют; они ведь живут рыбной ловлей, как их отцы и деды, в море выходят совсем еще мальчишками. Единственное, на чем мне удалось настоять, — это чтобы каждый проучился в школе не менее двух лет и освоил хотя бы грамоту и счет.

— Я вижу, вы заботитесь о своих людях, Уоррик.

Он смерил ее удивленным взглядом.

— А кто же еще будет о них заботиться? Они ведь как дети малые — многие без моего указания не сделают и шагу.

— Зато, я слышала, все они относятся к вам с величайшей преданностью и уважением.

— Да, но отнюдь не потому, что я владелец Гленкарина, а потому, что я вождь их клана. Эта преданность давняя, она передается по наследству из поколения в поколение.

— То же самое говорила мне тетушка Мэри.

— Видите ли, Арриан, здешний народ привык мерить время приливами и ветрами, а с такими часами едва ли стоит ждать быстрых перемен. Предки этих селян жили здесь столетиями и даже не задумывались о том, нужно ли слушаться своего вождя.

— У нас в Равенуорте все иначе. Моего отца крестьяне тоже любят и уважают, но отнюдь не живут по его указке.

Он нахмурился:

— В Англии многое устроено иначе, чем в Шотландии.

Арриан сочла благоразумным переменить тему:

— Какой странный запах! Что это?

— Это запах горящего торфа. На наших скалах деревьев, как сами видите, маловато, поэтому люди собирают торф и иногда перемешивают его с вереском. Горит прекрасно.

При виде своего вождя люди торопливо выходили из домов, так что всадники скоро оказались в плотном кольце. Все — и Уоррик в том числе — говорили по-гаэльски, и Арриан, как ни вслушивалась, не смогла разобрать ни слова.

Составлявшие толпу женщины и старики — остальные, по-видимому, находились в море или на пастбище — оглядывали Арриан с изрядным любопытством. Лишь после того как Уоррик сказал им что-то по-гаэльски, они успокоились.

— Я сказал им, что вы моя жена, — пояснил он Арриан, и она вдруг почувствовала, что все больше становится частью его уклада, из которого потом не так-то просто будет вырваться.

Наконец селяне расступились. Уоррик, жестом пригласив Арриан следовать за собой, поехал дальше, и вскоре деревня осталась позади. Какое-то время они ехали, как казалось Арриан, к морю, однако около ручья Уоррик вдруг свернул в сторону.

Пока лошади шли вдоль шумящего потока, солнце то скрывалось за легкими белыми облачками, то появлялось вновь, освещая остроконечные, как шпиль колоколен, горы. Снег стоял уже повсюду, кроме дальних вершин, но вечнозеленый вереск на склонах еще не вспыхнул летним лиловым огнем.

Придержав поводья, Уоррик кивнул на вершины, окутанные облачной дымкой.

— Когда я смотрю на них, я чувствую, что прекраснее моей земли быть не может... А вам она нравится, Арриан?

— Да, она прекрасна, — сказала Арриан вслух, про себя же подумала: «Но нрав у нее, кажется, не мягче, чем у ее вождя».

— А как вам моя деревня?

— Она показалась мне очень уединенной, но, по-моему, это даже хорошо. Знаете, из-за равенуортского фарфора отцовская деревня постепенно превращается в большой базар, и мне это совсем не нравится. Я часто пытаюсь представить, какой она была до нашествия такого количества людей.

— Да, вашим крестьянам, наверное, не доводилось помногу дней подряд засыпать и просыпаться с мечтой о куске хлеба.

— Напротив, мне говорили, что до маминого приезда в Равенуорт им пришлось немало выстрадать. Отец как раз воевал под началом лорда Веллингтона во Франции, а, вернувшись, узнал, что его дядя и кузен умерли и что титул герцога Равенуортского перешел к нему, однако его новое герцогство находилось в крайне плачевном состоянии.

— И ваша матушка решила поиграть в щедрую благодетельницу? — усмехнулся Уоррик. — То-то она, верно, потешила свою душеньку, спасаячи несчастных от голодной смерти... хотя ни ей, ни вам неизвестно, что такое голод.

Арриан почувствовала себе оскорбленной до глубины души.

— Милорд, вы можете говорить что угодно обо мне, но утверждать, что моя мама помогала беднякам из низменных побуждений — просто кощунственно. Знай вы, какие страдания ей пришлось перенести, вы поспешили бы забрать свои слова обратно! Несколько месяцев подряд ее держали... взаперти, на одной баланде и воде, так что она едва не умерла. А крестьянам она помогала и помогает потому, что любит их, и они любят ее. Что касается меня, милорд, то мне действительно не довелось голодать. Жаль, конечно, что вследствие этого я не могу рассчитывать на ваше уважение, но постараюсь как-нибудь с этим смириться.

— Простите, Арриан, я, кажется, действительно не могу избавиться от предвзятости, как только речь заходит о вашей родне. Забудем об этом, мне бы хотелось, чтобы от сегодняшнего дня у вас остались приятные воспоминания.

Это было, пожалуй, первое извинение, которое Арриан довелось услышать за все время из уст вождя Драммондов, но обида все еще кипела в ней.

— Признаться, я не заметила в ваших селянах признаков истощения.

— Да, теперь они уже не голодают. С тех пор как в долине появились овцы, у них всегда есть мясо для стола и шерсть для продажи.

Уоррик направил свою лошадь на боковую тропу, и Арриан ничего не оставалось, как последовать за ним. Вскоре между деревьями показался знакомый охотничий домик. Уоррик спешил и обернулся к своей спутнице.

К этому времени Арриан уже несколько остыла, но еще не простила его.

— Зачем мы сюда приехали? Взгляд его глаз был непроницаем.

— Чтобы немного побыть вдвоем. По волнению, шевельнувшемуся в груди, Арриан поняла, что

ей не следует здесь оставаться.

— У меня нет желания быть с вами вдвоем, — с трудом выдавила из себя она.

— Просто я хотел побеседовать с вами без помех.

Поразмыслив немного, она решила, что он пока что не давал ей поводов к недоверию.

— Хорошо. — Опираясь на его плечи, она спрыгнула на землю. — Только недолго.

Пока Уоррик отводил лошадей в загон, Арриан с любопытством озиралась: однажды она уже была здесь, но от того раза ей мало что запомнилось. Охотничий домик расположился на склоне живописнейшей долины, разделенной надвое шумящим внизу ручьем. Хотя был еще день, на большую часть долины уже легла тень от соседней горы. Судя по всему, солнце здесь садилось очень рано.

Они подошли к двери, и Уоррик пропустил Арриан вперед. К ее удивлению, в очаге горел жаркий огонь, а на столе стоял горячий ужин.

— Это Мактавиш, — улыбнулся Уоррик, отвечая на не заданный ею вопрос. — Он только что был тут, но уже уехал.

— Значит, у вас все спланировано заранее? — Арриан почувствовала легкое беспокойство.

— Я всего лишь пекусь о ваших удобствах, — невинным тоном отвечал он.

— А это что? — Стоя над столом, Арриан с интересом разглядывала куски мяса в желтоватом соусе.

— Граус — шотландский тетерев. Думаю, вам понравится.

Арриан опустилась в кресло и сняла перчатки.

— Хорошо, побеседуем за ужином и вернемся в замок. Нам с вами неприлично долго оставаться наедине.

Уоррик улыбнулся и сел напротив.

— Я забыл, что ваши соотечественницы ставят превыше всего приличия.

— Уоррик, по-моему, воспитанная шотландская девушка повела бы себя на моем месте точно так же.

— Возможно, вы правы. Но не забывайте, Арриан: мы с вами законные муж и жена!

— Ах, вы ведь прекрасно знаете, что наша с вами свадьба не более чем обман.

— И все же — советую вам хоть на один день забыть о приличиях и насладиться жизнью.

— Вряд ли я смогу это сделать.

Не сводя с нее глаз, Уоррик рассмеялся низким грудным смехом.

— Так вы полагаете, что я привел вас сюда с некой тайной целью?

— Я ничего не полагаю, милорд, просто чувствую исходящую от вас опасность, а потому не считаю разумным полагаться на ваше слово.

Глаза Уоррика снова холодно блеснули.

— Правильно, остерегайтесь меня, Арриан. При виде вас я всегда стараюсь заглушить в себе голос совести, а это и впрямь может оказаться для вас небезопасно.

Арриан, которой все-таки хотелось быть понятой до конца, дотронулась до его руки.

— Но, Уоррик, не имя и не место, где мы родились, делает нас тем, что мы есть. Доброта к окружающим, гордость и честь — вот что кажется мне самым главным... Впрочем, даже это не имеет значения, если у человека нет любящего сердца. Он взял ее руку и приложил к своей груди.

— Вы чувствуете, как бьется мое сердце? Она затаила дыхание.

— Да.

— Это бьется сердце шотландца, Арриан! Это сердце Драммонда!

С тревогой взглядываясь в его глаза, Арриан высвободила руку.

— Странно, что оно вообще у вас есть.

— Вы считаете меня человеком бессердечным и бесчестным, Арриан?

— Если судить по тому, как вы поступили со мной, ваше собственное определение весьма близко к истине — хотя в каком-то смысле двигавшие вами чувства и можно понять.

Уоррик встал и потянул ее за руки.

— А что, если именно вы поможете мне осознать мои ошибки, Арриан? Вы можете попробовать сделать меня таким, каким хотели бы меня видеть...

— О нет, я не возьму на себя такую ответственность. И потом, вы, кажется, забыли об Йене? Уоррик сильнее сжал ее руки.

— Я ни на минуту не забываю о нем: он всегда незримо стоит между нами. Но я хочу, — он медленно притянул ее к себе, — я хочу, чтобы вы забыли его — и я добьюсь этого, клянусь!

— Нет, ни за...

Жесткие губы накрыли ее рот. Она попыталась вырваться, изо всех сил упираясь руками, но пальцы нечаянно попали под застежку его рубахи и скользнули по волосам на груди. От неожиданности она отпрянула.

Уоррик улыбнулся:

— Я вижу, вам не нравятся мои поцелуи. Интересно, полюбите ли вы их... когда-нибудь? Она, наконец, вырвалась от него.

— Уверяю вас, милорд, что этого не случится. Улыбнувшись еще раз, он подвел ее поближе к огню.

— Ваши руки совсем ледяные. Позвольте, я их согрею. — Он поместил ее пальцы между своими ладонями. — Скажите, я вам очень неприятен?

— Дело не в том, что вы мне неприятны. Но иногда вы мне... не очень приятны.

Он положил ей руку на плечо, и она уже хотела отступить на шаг, когда над самым ее ухом раздался шепот:

— Я только хочу вас согреть.

Она в смятении застыла на месте. Страх ее, неизвестно почему, прошел, и все же она не знала, чего ждать дальше.

Пальцы Уоррика незаметно подобрались к застёжке ее плаща. Расстегнув, он бросил его на спинку кресла. Арриан приготовилась к отпору, но он лишь слегка пододвинул ее к себе.

— Я согрею вас так, как никто и никогда вас не согревал, Арриан.

Арриан не очень понимала, почему ей так не хочется отодвигаться от него, от рук, тихонько поглаживающих ее спину. Она долго с тревогой вглядывалась в его лицо, но так и не увидела ни усмешки, ни победного блеска в его глазах. Наконец она прислонилась лбом к его плечу.

— Наверное, многие мужчины говорили вам о том, как вы прекрасны, Арриан.

— Мне не приходилось бывать наедине со многими мужчинами.

— Ах, да, вы ведь жили в деревне.

Мало-помалу подвигаясь наверх, рука Уоррика добралась до выреза ее платья и продолжала ласкать шею до тех пор, пока напряженные мышцы не расслабились под его пальцами.

Пытаясь не думать о завораживающе-медленных движениях этих рук, Арриан подыскивала, что бы сказать, но на ум приходила только мамина улыбка.

— Если бы вы видели, какими глазами мужчины встречают и провожают мою маму! Но когда кто-нибудь, увлекшись, начинает с нею любезничать, это не очень нравится папе... и редко кто из них осмеливается потом снова с нею заговаривать.

— Ваш отец ревнив?

— Да, хоть у него и нет для этого никаких оснований: она любит его одного.

Уоррик подумал, что если жена герцога Равенуортского так же красива, как и дочь, то, пожалуй, его вполне можно понять. Ведь его самого одно только воспоминание об Йене Макайворсе приводит в холодную ярость, и сейчас всплывшее в памяти ненавистное имя укрепило его решимость довести свой план до конца: он отпустит ее к Йену, но не раньше, чем его образ и его ласки навсегда запечатлятся в ее памяти.

— Ах, Арриан, какие муки мне приходится терпеть со дня нашей с вами свадьбы! Ведь по закону вы моя жена, а я не смею даже прикоснуться к вам.

— Вы обещали мне это, — напомнила она, — и я надеюсь, что вы сдержите слово.

— Что же, вы запрещаете мне даже обнимать вас?

Она молчала. Ей хотелось, чтобы он обнимал ее, хотелось почувствовать его губы, но не слишком ли это опасно?

Отведя назад ее шелковистые волосы, Уоррик низко нагнул голову, и его теплое дыхание коснулось ее затылка. Сладкая дрожь пробежала по ее телу.

Он тронул губами мочку ее уха.

— Я так хочу, чтобы у меня осталось хоть что-то на память о вас. — Подняв голову, он заглянул в голубые встревоженные глаза. — Хотя бы один последний поцелуй Арриан?

Позволить ему поцеловать себя или нет? При мысли о том, как его губы сольются сейчас с ее губами, ее бросило в жар. Наконец она решила, что от одного поцелуя вреда не будет, и, закрыв глаза, по-детски подставила губы.

Этот трогательный жест заставил Уоррика улыбнуться. Держа ее за плечи, он медленно наклонился над ней и приник губами к ее губам. Пальцы его скользнули к вороту ее платья и расстегнули верхний крючок. Арриан хотела отшатнуться, но не смогла, потому что в этот момент ее вдруг пронзило сильнейшее блаженство. Она не знала, что поцелуй может дарить столь острое наслаждение и вызывать к жизни столь сильные, хотя и неясные, желания.

Охваченная впервые этой неумолимой волной, Арриан даже не заметила, когда пальцы Уоррика успели расстегнуть остальные крючки, и ее платье, соскользнув с плеч, упало на пол. Она с тревогой ощутила рядом с собой горячее бедро Уоррика, но безжалостно терзающие ее губы не позволяли ей возражать.

Не прерывая поцелуя, он поднял ее на руки и понес к кровати. Он знал, что поступает дурно, но это не останавливало его.

Арриан безуспешно пыталась бороться со своим вероломным телом: каждая его частичка, казалось, ждала новых ласк, а получив, требовала еще и еще.

Уоррик, в свою очередь, не ожидал, что его пленница внушит ему столь сильные чувства. По правде сказать, он и сам не мог бы сейчас сказать, движет ли им стремление отомстить врагу или же его собственное непреодолимое желание. О, как ему хотелось разжечь огонь страсти в этих небесно-голубых глазах!

Он и никто другой первым даст почувствовать Арриан сладость мужских объятий. Он не станет овладевать ею вполне — нет, он лишь дойдет до последней грани и остановится...

Но, вглядываясь снова в затуманенные голубые глаза, он ощутил в себе желание, столь острое и пронзительное, что противиться ему едва ли было возможно. «Сможет ли он остановиться, не овладев ею до конца?» — впервые подумал он.

Арриан тем временем запрокинула голову, подставляя шею его горячим губам.

Он перекатился вместе с нею на подушку, так что она оказалась наверху. Желание горячим ключом пульсировало в его крови. Когда ее нежные губы раздвинулись под его языком, он вздрогнул.

Победа была уже близка. Скоро она будет принадлежать ему вся, целиком.

Тело Уоррика все сильнее жгло Арриан сквозь сорочку, и она все яснее понимала, что поступает нехорошо. Упираясь руками в кровать, она с трудом высвободилась из его объятий и встала. Ноги ее дрожали.

— Вы не должны нарушать своего слова, Уоррик. Я не дам вам того, чего вы хотите.

В ту же секунду он оказался рядом с ней и приподнял пальцем ее подбородок.

— Но, Арриан, вам надо только сказать «да», и мне не придется его нарушать. — Он перевел взгляд на две выпуклости, вырисовывающиеся под тонкой тканью ее сорочки. — Я могу сделать так, что вы сами запросите меня об этом. Хотите?

— Н-нет...

Его рука не спеша двинулась вниз, к шнуровке, стягивающей лиф ее сорочки. Глаза их встретились, и слова, готовые уже сорваться с ее уст, так и остались невысказанными.

Он медленно потянул за шнурок, и половинки лифа разъехались в стороны, обнажив упругие девичьи груди. Арриан со стоном запрокинула голову, и губы Уоррика двинулись от ее шеи вниз, покрывая поцелуями одну, потом другую грудь.

Арриан хотела было сказать, что этого делать нельзя, но его губы снова впилась в ее рот, и она перестала сопротивляться.

Он опять поднял ее на руки и отнес на кровать. Слабеющий голос внутри ее шептал ей о какой-то опасности, но это уже не имело значения: ничто не имело значения, кроме горячего жадного рта, превращавшего ее в добровольную пленницу его желания.

Арриан не подозревала, что тело мужчины может быть твердым, как камень, как не подозревала, что она сама так быстро научится примериваться к чужому дыханию.

Уоррик стянул с нее сорочку и провел снизу вверх по ее ногам. Когда его ладони легли на ее округлые ягодицы, он притянул ее к себе и начал плавно двигать вверх-вниз, все сильнее прижимая нижнюю часть ее тела к пульсирующему стволу своего желания.

— Уоррик, — задыхаясь, вымолвила она. — Перестаньте! То, что мы делаем, очень дурно. И вы... не услышите моего согласия.

— Конечно, — шепнул он в самые ее губы. — Еще рано.

— Я думаю сейчас не о вас, — борясь с собою, пробормотала она. — Я думаю об Йене, только о нем. — На самом деле в эту минуту она даже не помнила, как выглядит Йен, потому что бездонные серебристые глаза заслонили для нее все.

При звуке ненавистного имени Уоррик издал короткий возглас и пронзил ее таким взглядом, от которого ей захотелось поскорее спрятаться, но прятаться было некуда. Вскочив с кровати, он начал срывать с себя одежду. Когда Арриан в смущении отвела глаза, он расхохотался.

Раздевшись донага, он лег с нею рядом и прижал ее руку к своей груди. Арриан пыталась вырваться, но он держал крепко.

— Потрогай меня, Арриан. Я сделан из плоти и крови. Посмотри на меня! Видишь, кто я? Я не

Йен Макайворс. Я твой муж.

— Нет! — с мукою в голосе выкрикнула она. — Нет!

— Сейчас ты принадлежишь только мне, и этого ты уже никогда не забудешь, сколько бы лет ни прошло с этой минуты и сколько бы ты ни твердила о своей любви к Йену. — Перекатившись на кровати, он тяжело навалился на Арриан, отчего ее охватила дрожь. — Ощути мое тело, Арриан, и назови меня по имени!

— Уоррик, — прошептала она, чувствуя, как неумолимый огонь желания пожирает ее тело. Она уже не думала ни о том, хорошо или дурно они поступают, ни об Йене. В ней осталась одна-единственная потребность: скорее войти в это пламя, сжигающее ее изнутри.

Когда пальцы Уоррика легли на ее груди и слегка сжали их, ей показалось, что она сейчас умрет, — но каждая ее частичка дышала жизнью свободнее и полнее, чем когда-либо. Все его ласки и прикосновения были для нее источником новых, неведомых ощущений.

Уоррик приник губами к ее груди, и она едва не лишилась чувств от наслаждения, пронзившего ее тело.

По тому, как слюдяной блеск в его глазах сменился теплом живого огня, она поняла, что он испытывает то же, что и она.

Неожиданно горячая рука скользнула по ее животу вниз и слегка раздвинула ее ноги. Арриан вздрогнула.

— Вот теперь, Арриан, самое время меня остановить, — послышался шепот над ее ухом. — Если ты промедлишь еще минуту, я не смогу овладеть собою.

— Я не хочу, чтобы ты останавливался, — выдохнула она.

Привстав на локтях, он на какой-то миг замер, потом губы его медленно раскрылись, чтобы вобрать в себя ее губы.

— Тогда освободи меня от моего слова, — хрипло сказал он. — Позволь мне отвести тебя в мир радости и наслаждения.

— Да, — закрывая глаза, сказала она.

Когда он вошел в нее, заполнив собою пустоту, о которой она даже не подозревала, она коротко вскрикнула и попыталась вырваться, но властный горячий рот снова прижал ее к кровати.

Тонкая преграда, мешавшая вторжению, порвалась, невыносимое наслаждение смешалось с невыносимой болью, но он уже входил в нее снова — глубже, еще глубже.

Меж тем ненасытный рот терзал губы Арриан, словно пытаясь высосать из них застывший крик, а сердце ее изнывало от сладостной боли и желания, уже охватившего ее всю без остатка.

Рот Уоррика скользнул по ее подбородку и двинулся дальше вниз, к впадинке между ее грудями. Арриан запустила пальцы в густые черные пряди и застонала.

Уоррик, охваченный трепетом всепоглощающей страсти, попытался все же на миг овладеть

собою.

— Скажи, кто я? — потребовал он, обхватив ладонями голову Арриан и глядя ей в глаза. При этом он как будто начал отдаляться от нее — отчего ее охватил невыразимый страх и она чуть не потеряла сознание, — но тут же опять приник всем телом к ее телу.

— Ты Уоррик, — простонала она.

— Всякий раз, отдаваясь Йену, ты будешь вспоминать меня.

Арриан похолодела. О чем он? Но новый толчок мужской плоти внутри ее заставил ее забыть обо всем, кроме наслаждения.

Уоррик уже перестал понимать, он ли овладевает Арриан или она им. Легчайшее, как пух, шелковое покрывало, казалось, окутало его с головы до ног. Тонкий аромат волос Арриан сводил его с ума, а исходившая от нее нежность проникала сквозь все его поры.

Наслаждение становилось все острее, но он сдерживал себя, нарочно замедляя нарастание страсти: ему хотелось продлить волшебные минуты неутонченного желанья.

Никогда еще эти серебристые глаза не были так близко от Арриан, и никогда они не смотрели на нее с такой нежностью, как сейчас. Наконец он закрыл их, словно желая отгородиться от ее лица, и, не в силах более противиться нарастающей страсти, ринулся в нежную глубину ее лона.

Арриан знала одно: она принадлежит этому человеку каждой клеточкой своего тела, и он волен делать с нею все, что угодно. Как ни мучили, как ни терзали ее эти жесткие губы, она льнула к ним все самозабвенней, словно боясь, что ее вот-вот отлучат от них.

— Теперь ты стала моей, Арриан, — шепнул он, прижимая ее к своей груди, и она инстинктивно начала двигаться вместе с ним. Агония нестерпимого блаженства приближалась к ним обоим. — Ты стала моей или это я стал твоим?

Тело Арриан содрогнулось и затрепетало помимо ее воли, и в тот же миг раздался стон Уоррика. Единая дрожь объяла их — и оставила лежать бездыханными.

Еще долго, не разжимая объятий, они прислушивались к собственным ощущениям, одинаково новым и неожиданным для них обоих. Как объяснить родным, почему она решила остаться в Айронуорте навсегда? — лениво подумала Арриан, когда рука Уоррика скользнула по ее груди. Отныне он по-настоящему стал ее мужем, а она — его женой.

Больше всего на свете ей хотелось сейчас услышать, что он чувствует то же, что и она, но она слишком стеснялась своей новообретенной любви и не смела ни о чем спрашивать.

Уоррик, в котором снова зашевелилось желание, притянул ее к себе. На этот раз он взял ее тихо и медленно, словно стараясь запечатлеть в ее памяти драгоценные мгновения нежности.

Прошел час, еще час, а он все ласкал и овладевал ею, и шептал ей на ухо нежные слова, и не мог оторваться от нее.

Наконец стемнело, огонь в очаге погас, и в комнате заметно похолодало.

— Пора возвращаться, — пробормотал Уоррик, но ей не хотелось покидать его объятий.

— Я не догадывалась, что такое возможно между мужчиной и женщиной.

Она вспомнила Йена, преданного ею, и на сердце у нее сделалось тоскливо. Как она скажет ему о том, что с нею произошло?

Заметив слезинку на ее ресницах, Уоррик нежно привлек ее к себе.

— Что случилось? Я сделал тебе больно?

— Нет. Просто я подумала об Йене.

До сих пор Уоррику хотелось лишь одного: держать ее в своих объятиях и никогда не отпускать; но ее слова вернули его к действительности. Она напомнила ему то, о чем он совсем забыл: ее сердце принадлежит не ему, а Йену Макайворсу. Что же, отныне он не будет так забывчив.

Зажмурившись, он постарался вспомнить, с каким холодным сердцем он ехал сюда сегодня днем.

— Йену следовало бы благодарить меня за те уроки, которые я преподавал тебе сегодня, — наконец проговорил он.

Арриан в страхе отпрянула. Почему он опять так жесток с нею? Чтобы не всхлипнуть, ей пришлось зажать рот рукой. Удар ножом в сердце — и тот не причинил бы ей больше страданий, чем эти его слова.

Не глядя на нее, Уоррик начал одеваться, потом, чтобы дать ей время прийти в себя, отошел к очагу и принялся снова разводиться огонь. Сдавленный всхлип Арриан за спиной едва не заставил его вскочить и опрометью броситься к ней, но призрак Йена снова встал между ними. Сцепив зубы, Уоррик постарался вспомнить свою привычную ненависть к Макайворсам, а главное — вырвать с корнем непрощеную любовь, семена которой были заронены сегодня в его сердце.

Арриан молча одевалась. О, как глупо она попала в расставленные Уорриком сети! Он прекрасно знал, что ей говорить и как прикасаться, чтобы пробудить отклик в ее душе. Его новая жестокость причинила ей почти невыносимую боль, но она все же нашла в себе силы поднять голову и вытереть глаза. Она не доставит ему удовольствия видеть себя плачущей.

Уоррик уже отошел от очага и стоял спиной к ней у окна, опершись ногой о низкий подоконник.

— Ну а если бы мы поменялись местами, Арриан? Что бы ты сделала на моем месте? Положим, тебе в руки попался бы некий предмет, с помощью которого можно нанести сокрушительный удар своему врагу, — неужели бы ты им не воспользовалась?

— Предмет — это, по всей вероятности, я?

— Возможно, я неудачно выразился. Арриан долго молчала. Когда она снова заговорила, губы ее дрожали.

— Я не могу ответить на этот вопрос, потому что мною никогда не владела слепая ненависть, какой обуреваемы вы, милорд. Во всяком случае, я никогда не решила бы обойтись с неповинным предметом так жестоко. Я забыла, что мы с вами враги, и в этом была моя ошибка. Что ж, впредь буду помнить.

— Да, мы оба забыли о нашей вражде, и, возможно, мне тоже следует лучше помнить о ней, как и вам, миледи.

Вглядываясь в ее лицо, Уоррик пытался отыскать следы той Арриан, которая таяла сегодня в его объятиях, но видел перед собою лишь холодную, презрительную красавицу.

Она отбросила назад спутанные волосы.

— До сегодняшнего дня я не знала ненависти, милорд, но вы втянули меня в свою вражду и заставили совершить предательство. Я презираю вас за это. — Гордость заставляла ее сдерживать стоявшие в глазах слезы. — Да, я глупейшим образом попала сегодня в ваши сети, и вы вольны смеяться надо мной. Итак, я дала вам все, что вам требовалось, чтобы досадить Йену. Теперь вы отпустите меня?

Уоррик молча поднял руку, показывая, что разговор окончен, и направился к двери.

— Одевайтесь, я пока приготовлю лошадей. Пора возвращаться в Айронуорт.

Едва за ним закрылась дверь, Арриан подбежала к кувшину и плеснула в лицо холодной водой, пытаясь немного успокоиться. Дрожащими руками она натянула на себя платье, застегнулась и перевязала волосы лентой. По щеке поползла непрошенная слезинка, но Арриан сердито смахнула ее.

Когда Уоррик вернулся, она была очень бледна. Руки ее еще дрожали.

— Мне жаль вас, милорд. Люди для вас лишь средство достижения ваших целей.

— Не нужно меня жалеть, миледи. Я получил от вас что хотел, притом без особого труда. Да, Арриан, вы оказались легким трофеем!

От горькой обиды ей хотелось наброситься на него и бить, бить его кулаками в грудь до тех пор, пока ему не станет так же больно, как ей сейчас. Вместо этого она широко распахнула дверь.

— Я больше никогда, — слышите, Уоррик, — никогда не позволю вам ко мне прикасаться!

— Никогда — слишком долгий срок, Арриан. И прошу вас помнить, я не брал вас силой. Вы сами мне отдались.

Сердце ее готово было разорваться от боли. Она отвернулась.

— Надеюсь, что скоро я смогу избавить вас от своего присутствия, милорд. При первой же возможности я попытаюсь покинуть Айронуорт.

— Что ж, попытайтесь, миледи.

Всю дорогу они молчали. Арриан поглядывала на первые звезды. От них и от черного вечернего неба веяло таким же холодом, какой воцарился теперь в ее сердце.

Когда они подъехали к конюшне, Арриан позволила Уоррику помочь ей спрыгнуть на землю, и он ненадолго задержал ее руку в своей, но она вырвала ее и, не оборачиваясь, побежала в свою комнату.

Уоррику оставалось лишь смотреть ей вслед и думать о том, почему ее слезы так терзают его

сердце и почему сам он кажется себе последним подлецом на земле.

Арриан захлопнула за собою дверь и, не зажигая лампы, прошла к окну. Вместо моря видна была лишь непроглядная тьма, медленно наползающая на берег, и так же медленно ею овладевало отвращение к самой себе.

Как легко она позволила Уоррику воспользоваться собой, и как страстно ей хотелось, чтобы он целовал ее, гладил и ласкал ее тело! Более того, ей уже казалось, что она любит его! Но разве можно любить человека, снесаемого одной ненавистью? Все, что он делал с нею сегодня, было всего лишь мстью Йену — и это было обиднее всего.

Арриан все еще зажимала рукой рот, но заглушить рвущееся из груди рыдание было выше ее сил. Наконец она зарылась лицом в занавеску, и слезы, так долго сдерживаемые, хлынули из ее глаз.

Гнев на Уоррика и муки раскаяния, возможно, ждали ее завтра, сегодня же она оплакивала свою жестокую любовь, казавшуюся ей такой единственной и прекрасной. Теперь нужно было думать о том, как вырваться из своего плена, чтобы никогда, никогда больше не видеть Уоррика Гленкарина.

Глава 16

Прошло два дня. Арриан, боясь столкнуться с Уорриком, не выходила из своей комнаты. Пожалуй, теперь она и впрямь почувствовала себя настоящей пленницей. Еду ей приносила девушка из деревни, переселившаяся в замок до возвращения Барры.

На третий день ее добровольного заточения к ней заглянула миссис Хаддингтон.

— Вы все не выходите, миледи? Я уж начала за вас волноваться.

— Спасибо за заботу, миссис Хаддингтон, но со мною все в порядке. Просто я неважно себя чувствую. Экономка внимательно присмотрелась к ней.

— Да, вы, пожалуй что, бледноваты. А его милость прислал меня узнать, не спуститесь ли вы отужинать вместе с ним.

— Об этом не может быть и речи! Миссис Хаддингтон озадаченно заморгала.

— Но что же ему сказать?

— Скажите, что я нездорова, — ответила Арриан, решив, что не стоит втягивать прислугу в их с Уорриком взаимоотношения.

— Ну, дело ваше, миледи.

После ее ухода Арриан еще долго не могла успокоиться. Да как он смеет думать, что она примет его приглашение? Надеется, что она уже все забыла? На другой день миссис Хаддингтон явилась к Арриан с тем же поручением от хозяина и получила тот же ответ.

А под вечер, когда в комнату снова постучали и Арриан отперла дверь, на пороге перед нею оказался сам Уоррик.

Арриан окинула его взглядом, полным холодного презрения.

— Я не ждала вас, милорд. По всей видимости, вам еще не передали моего ответа.

— Напротив, Арриан, я его получил и потому сам решил взглянуть на вас. Должен сказать, что вы не кажетесь мне больной.

— Полагаете, мне следовало прямо объявить вашей экономке о том, почему я не желаю с вами ужинать? В таком случае, мне пришлось бы ей сказать, что всякая женщина подвергает себя опасности в вашем обществе, поскольку не может рассчитывать на вашу порядочность.

Уоррик долго смотрел на нее молча, потом произнес:

— Спуститься вниз — это не просьба, Арриан. Это приказ. Я не позволю вам запирается от всего мира в этой комнате.

Глаза ее гневно сверкнули.

— Я не намерена спускаться вниз.

— Очень хорошо. Тогда я попрошу Хадди подать нам ужин сюда.

— Может быть, я недостаточно ясно выразилась? Я не желаю находиться с вами в одной комнате.

— Обещаю сделать все, чтобы наша с вами беседа протекала по возможности безболезненно для вас. Мы будем говорить только о пустяках и постараемся забыть все, что произошло между нами.

— Я не собираюсь ничего забывать, равно как и прощать.

— Заметьте, я не прошу у вас прощения. Я лишь требую, чтобы вы подчинились моей воле. Итак, что вы предпочитаете: ужинать со мною в вашей спальне или спуститься вниз?

«Все опять получается так, как он хочет», — подумала она, выше поднимая голову и награждая его презрительнейшим взглядом.

— Я спущусь, милорд, — разгневанно проговорила она. — Но вряд ли вы найдете меня приятной собеседницей.

— Ваше общество всегда было мне приятно, — сказал он и попытался взять ее за руку, но она решительно отстранилась.

— Не смейте ко мне прикасаться!

Серебристые глаза погрузнели — или ей это лишь почудилось?

— Жду вас внизу в семь, — отворачиваясь, сказал он.

Когда Арриан в изумрудно-зеленом платье с высоким воротом и длинными рукавами спускалась по лестнице, из столовой навстречу ей вышла миссис Хаддингтон.

— Его милость в гостиной, вас дожидается. Собравшись с духом, Арриан шагнула через порог. Уоррик поспешно поднялся с диванчика.

— Рад, что вы согласились сегодня быть моей гостьей, — сказал он, окидывая ее

одобрительным взглядом.

Арриан подождала, пока экономка удалится, и ответила:

— К чему притворяться друг перед другом, милорд? Я здесь не гостя, а пленница. Губы Уоррика тронула улыбка.

— Для меня вы не пленница, Арриан, а обаятельнейшая и тонкая собеседница. — Глаза их встретились, и в перекрестье двух взглядов всплыло вдруг все, что было между ними так недавно.

Арриан вспыхнула и отвернулась.

— Если вы намерены расточать любезности, я не останусь здесь ни минуты, потому что не верю вам.

— Жаль, — сказал он, отступая на шаг. — Я многое отдал бы за ваше доверие.

— Не угодно ли вам приступить к ужину, милорд? Я предпочла бы как можно скорее вернуться в свою комнату.

Уоррик подал ей руку, но она не шевельнулась. Наконец он рассмеялся:

— Пойдемте, Арриан?

Она молча проследовала за ним в столовую и села.

— Полагаю, вы больше не утруждали себя размышлениями о возможности моего отъезда?

Он перевел взгляд на ее руку, лежащую на столе.

— Вы безмерно огорчаете меня, миледи. Пожалуй, я еще не готов с вами проститься: сама мысль об этом приводит меня в уныние.

Арриан, которой под его взглядом становилось все неуютнее, едва притрагивалась к еде. На все попытки Уоррика завязать вежливую беседу она отвечала односложно или просто кивала головой. Наконец, к ее немалому облегчению, миссис Хаддингтон убрала со стола десерт, и Уоррик встал, чтобы отодвинуть ее стул.

— Надеюсь, милорд, теперь я могу идти к себе?

— Не спешите так. Вы говорили, что играете на пианино? Прошу вас, сыграйте что-нибудь.

Арриан немедленно развернулась и пошла к двери, Уоррик последовал за ней. Войдя в гостиную, она села за пианино, пробежалась пальцами по клавишам и отметив про себя, что инструмент слегка расстроен, заиграла первое, что пришло в голову.

Это оказалась шотландская колыбельная, которую когда-то напевала ей мама. С детства знакомая мелодия навеяла такое множество воспоминаний, что Арриан, неожиданно для себя, почувствовала нестерпимую тоску по дому.

— Вы поете? — спросил ее стоявший рядом Уоррик.

— Немного.

— Тогда спойте, пожалуйста. В следующую минуту гостиную наполнил восхитительный голос такой чистоты и силы, что каждый звук отзывался, казалось, в самом сердце Уоррика.

Слуги столпились в дверях, слушая пение Арриан, но она не замечала этого.

Чуть только лучик золотой

Окрасит вереск золотой -

Уже я жду,

Когда проснется моя крошка.

Проснись и улыбнись скорей:

С улыбкой милою твоей

Мне жизнь покажется милей,

На свете станет веселей немножко.

В отблесках свечей, играющих на золотистых прядях, она была так прекрасна, что сердце Уоррика тоскливо сжалось.

Наконец последние звуки колыбельной замерли.

— Милорд, теперь я могу идти? — подняв глаза, спросила Арриан.

Уоррик не успел ответить: в этот момент вперед шагнула миссис Хаддингтон, стоявшая до того в дверях.

— Что тебе, Хадди?

— Прошу прощения, милорд. Барра только что вернулась из Эдинбурга.

Арриан вскочила на ноги:

— Что она говорила о моей тете?

— Я не расспрашивала, миледи, да вы сами можете узнать. С нею ведь приехала ваша служанка.

— Что? Таттл? Где она?

Миссис Хаддингтон, не отвечая, отступила на шаг в сторону. Когда в дверном проеме возникла женщина в простом сером платье в полоску и крахмальном чепце, скрывающем роскошное золото волос, Арриан невольно ахнула.

— Да хранит вас Господь, миледи, — торопливо проговорила вошедшая. — Вот, ваша верная Таттл приехала проверить, как-то тут о вас заботятся.

Уоррик, хотя едва взглянул на служанку, все же был очень рад: возможно, подумал он, ее приезд хоть немного развлечет Арриан.

— Таттл, — с запинкой произнесла Арриан. — Я, признаться, не ждала тебя.

— Вот и плохо, что не ждали, миледи. А ждали бы — глядишь, не стали бы этак гулять по весеннему солнышку. Ишь как у вас личико-то потемнело, знать, некому за вами присмотреть. И с чего это вы вдруг перестали поднимать волосы вверх? Нет, так не пойдет!

Арриан незаметно покусывала губу, чтобы не расхохотаться. Хотелось, забыв обо всем, броситься в материнские объятия, но она не смела.

— Ах, Таттл, как же я тебе рада!

— Уверен, Арриан, что вам не терпится многое обсудить со своей служанкой, выспросить подробности о тетушке. Надеюсь, что она в порядке? — Уоррик обернулся к служанке.

— В порядке-то она в порядке, милорд. Но она мне кое-что о вас порассказывала и велела держать с вами ухо остро, так-то!

В последних ее словах Уоррику послышались даже угрожающие нотки, но он мог и ошибиться, потому что, договорив, служанка тут же отвернулась от него.

— Что ж, ступайте, Арриан, занимайтесь устройством своей служанки.

Арриан, которая готова была взбежать по лестнице через две ступеньки, все же заставила себя степенно прошествовать наверх. Кэссиди так же степенно следовала за ней. Но, едва дверь за ними закрылась, они крепко обнялись.

— Доченька моя! Я уже не чаяла тебя увидеть!

— Мама, — пробормотала Арриан, закрывая глаза и отдаваясь охватившему ее наконец-то чувству покоя. — Мне вас так не хватало!

Они еще долго стояли на пороге обнявшись, потом Арриан спросила:

— У тети Мэри действительно все хорошо?

— О, вполне. Думаю, что теперь она должна уже быть у дедушки. Нога ее, конечно, еще не зажила, но доктор заверил меня, что осложнений больше не будет. Правда, нельзя сказать, чтобы она послушно выполняла все его указания. Последний раз, что я ее видела, она вовсю разгуливала по комнате, хотя он совершенно определенно запретил ей вставать с постели.

— Милая тетушка Мэри! Она терпеть не может, когда ее пытаются в чем-то ограничить. Кэссиди улыбнулась:

— Уверена, что в Лондоне рассказы о ее приключениях станут гвоздем следующего сезона. Пожалуй, ей еще многие будут завидовать.

— Вы видели Йена? — задала наконец Арриан волновавший ее вопрос.

— Нет. Его не было в Эдинбурге, поэтому ни я, ни тетя Мэри не видели его и не говорили с ним. Вероятно, дедушка зачем-то отозвал его домой, и теперь он дожидается тебя в Давиншеме. Наверное, очень волнуется.

— Придется рассказать ему все, — заметила Арриан, не зная, как перейти к разговору о самом главном.

— Хорошо, что твой отец с братом еще не выехали из Лондона и, стало быть, полагают, что ты

сейчас мирно гостишь у Макайворсов. Что будет, когда Рейли узнает правду? Молю Бога, чтобы он задержался в Лондоне до твоего возвращения. — Кэссиди взяла Арриан за плечи и развернула лицом к свету. — Знаешь, в тебе появилось что-то новое — не могу даже понять что. Ты как будто стала женственнее за то время, что я тебя не видела.

Арриан сжала руку Кэссиди, все еще не решаясь рассказать ей о происшедшем.

— Я места себе не находила от беспокойства, — сказала Кэссиди, все пристальнее вглядываясь в ее лицо. — Надеюсь, этот человек не обидел тебя?

Вместо ответа Арриан закрыла лицо руками и зарыдала.

— Что случилось? Доченька, что с тобой?

— О мама, мне так стыдно! Лорд Уоррик воспользовался мною, чтобы нанести удар Йену, и я... я позволила ему это сделать!

Кэссиди приподняла подбородок дочери и заглянула в заплаканные глаза. Сердце ее разрывалось от сострадания.

— Ты хочешь сказать, что он насильно овладел тобою?

Арриан уткнулась лбом в родное плечо.

— Хуже всего то, что это не было насильно... Я сама этого хотела. В тот момент мне казалось, что так и должно быть, потому что я его жена.

Разгневанная, Кэссиди с трудом удержалась от того, чтобы ринуться вниз и немедленно высказать негодяю, обманувшему ее дочь, все, что она о нем думает. Но лорд Уоррик не должен был знать, что она мать Арриан, иначе им никогда не выбраться отсюда. «Ничего, — думала она, — расквитаться с ним можно и позже».

— Девочка моя, не казни себя, ты не сделала ничего дурного. Но ему... — Глаза Кэссиди сверкнули. — Ему придется сполна заплатить за свой обман.

— Ах, только бы вырваться отсюда!

— Не бойся, — сказала Кэссиди, вытирая ей слезы, — вырвемся, когда придет время. Прежде чем явиться сюда, я до мельчайших подробностей продумала план нашего побега. Надо только позаботиться о том, чтобы ты больше не оставалась с лордом Уорриком наедине, как сегодня.

Арриан отошла от Кэссиди и остановилась у окна.

— Мне так больно, мама. И... я боюсь, что случилось непоправимое.

Кэссиди тут же оказалась с нею рядом.

— Что, девочка моя? Что случилось?

— Я думаю... вернее, я знаю, что люблю его, хотя и понимаю всю бессмысленность такой любви. Кэссиди молча притянула ее к себе, чтобы дочь могла, наконец, выплакаться у нее на груди. По ее щекам тоже текли слезы, но глаза сверкали гневом и решимостью. Как заботливо они с Рейли оберегали свою любимицу от всех печалей! О, лорд Уоррик дорого заплатит за причиненные ей страдания! Арриан наконец вытерла слезы.

— Ну вот, из-за меня наша встреча оказалась совсем не радостной. А я так счастлива, что вы здесь!

— Тебе, верно, было очень одиноко, да? Ты ведь добровольно осталась в Айронуорте, чтобы тетя Мэри могла уехать, — я-то знаю, что для этого требуется немало мужества.

— Сказать по правде, особенного мужества я в себе тогда не ощущала... — Внезапно в голову Арриан пришла столь тревожная мысль, что кровь разом отхлынула от ее щек. — Мама, вам нельзя было сюда приезжать! Теперь вы тоже его пленница.

— Не беспокойся об этом, Арриан. Я ведь уже сказала, что до отъезда продумала план побега. Капитан Норрис с «Соловьем» уже здесь. Он будет все время держаться неподалеку от берега. При первой же возможности он заберет нас на борт.

— Думаете, нам удастся пробраться на яхту?

— А почему нет? Разве тебе возбраняется ходить без сопровождающих?

— Нет.

— Вот видишь. Тетя Мэри так мне и сказала. Капитан Норрис просто будет следить за нами в подзорную трубу.

— Мама! — Арриан до боли сплела пальцы. — Скажите, я уже не стану такой, как прежде?

— Станешь, моя милая, конечно, станешь, и очень скоро — я позабочусь об этом. Знаю, сейчас тебе нелегко, но это пройдет.

В глазах Арриан снова заблестели слезы.

— Я недостойна быть женою Йена. Он, верно, и сам не захочет меня теперь.

— Не думай сейчас об этом: всему свое время. И поверь мне, Арриан, все не так плохо, как кажется. — Кэссиди оглядела комнату. — Думаю, мне пора приступить к обязанностям твоей служанки, чтобы не возбуждать лишних подозрений.

— Что вы собираетесь делать? Кэссиди подошла к двери, ведущей в небольшую гардеробную, и заглянула внутрь.

— Собираюсь сойти вниз и распорядиться, чтобы мне принесли кровать и поставили вот сюда.

— Мама, зачем? Можно ведь спать вместе.

— Нет, Арриан, нельзя — иначе кто-то может заподозрить правду о нас с тобой. Если мы хотим бежать отсюда, следует во всем проявлять осмотрительность и не делать ничего такого, что могло бы насторожить лорда Уоррика.

Глава 17

Было довольно раннее утро, когда послышался негромкий стук в дверь, и вошла Барра с завтраком на подносе.

— Может, конечно, это и не мое дело, миледи, — хмуро проговорила она, — но сдается мне, что

ваша английская служанка слишком уж много о себе понимает.

Сидя на постели, Арриан через плечо Барры переглянулась с Кэссиди.

— Вы правы, Барра, Таттл и впрямь иногда понимает очень много... Но, думаю, не стоит на нее за это обижаться. Наверное, я сама виновата: бываю чересчур снисходительна к ней.

Барра поставила поднос с завтраком на столик возле кровати и обернулась к Кэссиди.

— Это завтрак для ее милости. Вам же, если вы намерены завтракать, придется спуститься на кухню.

Пока Кэссиди разворачивала салфетку и подавала ее Арриан, обе изо всех сил сдерживали смех.

— Да, Таттл, — лукаво прищурясь, сказала Арриан. — Ступай-ка завтракать.

— Мне что-то не хочется, — отвечала Кэссиди.

— Вот видите, Барра, — вздохнула Арриан. — Она очень упряма. Но я привыкла и согласна терпеть ее капризы и дальше — разумеется, если они не начнут заходить слишком далеко.

Барра хмыкнула:

— По-моему, куда уж дальше, миледи.

Как только Барра с оскорбленным видом удалилась из комнаты, Арриан, откинувшись на подушки, залилась веселым смехом.

— Мама, по-моему, вы ей чем-то не понравились. Интересно, чем?

— Завтрак на кухне! — Кэссиди презрительно пожала плечами. — Надо же такое придумать. Что за порядки в этом доме? Попробовала бы я послать Элизабет завтракать на кухню — представляю, что бы мне пришлось от нее выслушать.

— В этом доме, мама, нет никакого порядка, и никто даже не пытается его навести. Большинство комнат закрыты, повсюду толстые слои пыли... Миссис Хаддингтон, конечно, пытается что-то сделать, но где ей одной уследить за таким домом.

Кэссиди взяла с тарелки свежее испеченную булочку и откусила кусочек.

— Зато готовят здесь, кажется, весьма недурно. Да, мне нравится. — Прожевав, она пристально взглянула на Арриан. — Доченька, то, о чем ты говоришь, — заботы лорда Уоррика, а не твои.

— Знаете, мама, когда мы с тетушкой плыли в Шотландию, я как будто не понимала, чего мне хотелось. Я думала только об Йене и о том, как мы будем жить с ним вместе. Теперь же я, к стыду своему, могу за целый день ни разу не вспомнить о нем. Как вы думаете, мама, это безнравственно?

Кэссиди вспомнился черноволосый красавец, которого она впервые увидела вчера вечером.

— Да нет, Арриан, ничего безнравственного в этом нет. Но помни об одном: ты жена Уоррику Гленкарину лишь для того, чтобы отомстить дедушке и Йену. Для этого — и только для этого — ему понадобилась ваша свадьба.

— Значит, он никогда не сможет меня полюбить?

— Отчего же? Полюбить тебя совсем не трудно. Но, доченька моя, — Кэссиди нахмурилась, — ты не понимаешь самого главного. Кровная вражда в этой стране сильнее всех прочих чувств, сильнее даже любви. И если бы даже лорд Уоррик и впрямь полюбил тебя, он все равно постарался бы с твоей помощью отомстить Макайворсам... Тебе не следует заблуждаться на этот счет.

Арриан порывисто вздохнула:

— Конечно, вы правы, мама. Я все понимаю.

— Вдумайся в мотивы и поступки этого человека, Арриан. В Эдинбурге мне немало довелось услышать об их давней вражде, и я признаю, что Макайворсы оказались отнюдь не безгрешны перед Драммондами. Но разве это дает лорду Уоррику право проявлять такую жестокость к тебе? Я не хочу, чтобы это повторилось.

— Мама, а если он захочет снова увидеться со мною? Что тогда делать?

— Предоставь это мне.

— Значит, можно считать, что мне ничего больше не грозит?

— Разумеется.

— Надеюсь, дедушка и Йен поймут меня, когда все узнают.

— Арриан, в Эдинбурге мне рассказали кое-какие подробности, от которых я впервые устыдилась своего родства с Макайворсами.

Арриан удивленно вскинула на нее глаза.

— Что за подробности, мама?

— Известно ли тебе, что сестру лорда Уоррика выдали за Гавина, моего двоюродного брата? Арриан кивнула:

— Да, я узнала об этом в Айронуорте.

— Так вот, наш дедушка, как выяснилось, потребовал за невестой немалую сумму денег и часть земель Гленкаринов в придачу. Однако в ночь свадьбы девушка умерла при невыясненных обстоятельствах, и Макайворсы, судя по всему, причастны к ее смерти.

— Да, я тоже об этом слышала, и это отчасти объясняет отношение Уоррика ко мне. Ведь, согласитесь, мама, он был движим благородным желанием восстановить фамильную честь.

— О, конечно! Но почему эта его фамильная честь должна быть восстановлена за твой счет — вот этого я не могу понять! Ты не имеешь никакого касательства к их вражде, Арриан. Так что не стоит слишком уж сочувствовать лорду Уоррику.

— Но, хочу я этого или нет, я уже втянута в отношения двух наших семей...

— Только до того момента, пока я не заберу тебя отсюда, — прервала ее Кэссиди.

Арриан грустно посмотрела на мать.

— Конечно, мне хочется поскорее отсюда уехать, но... когда я уеду, ему будет так одиноко.

— Арриан, я готова просто растерзать этого злодея за то, что он так подло играет твоими чувствами! Уверяю тебя, он прекрасно знает, чего хочет. Что же касается его одиночества, то всем известно: утешительниц около него всегда хватает. В Эдинбурге мне говорили, что женщины буквально толпами бегают за ним, так что он без труда мог бы выбрать себе любую знатную и состоятельную леди из их числа... Он выбрал тебя, но мы-то с тобой знаем почему.

— Вероятно, вы правы, — опуская глаза, сказала Арриан. В эту минуту она странным образом забыла о том, что Уоррик перед нею в чем-то виноват.

В дверь постучали, и Кэссиди, торопливо доев булочку, пошла открывать. На пороге стояла Барра с весьма недовольным выражением лица.

— Его милость просит вас немедленно спуститься к нему в кабинет.

— Меня? — удивленно переспросила Кэссиди. — Он просит спуститься меня?

— Да, именно вас.

— Передайте, что я сейчас приду.

— Да, на вашем месте я бы не мешкала. Кэссиди затворила за Баррой дверь и озадаченно обернулась.

— Интересно, чего он от меня хочет? Арриан отпила глоток чаю и помазала маслом булочку.

— Не знаю. Пойдете к нему?

— Конечно. — Кэссиди проверила, не выбились ли ее волосы из-под чепца. — Пойду узнаю, в чем дело.

Когда Кэссиди появилась в дверях кабинета, Уоррик просматривал хозяйственные книги.

— Вы меня звали, милорд?

— Да, входите, Таттл.

Кэссиди, не поднимая глаз, шагнула в кабинет.

— Я хотел справиться о леди Мэри. Вы, правда, вчера говорили, что с нею все в порядке, но я все же хочу уточнить: не наложили ли ее недавние злключения неизгладимого отпечатка на здоровье.

— Ничего, скоро пообмогнется, — голосом лондонской торговки отвечала Кэссиди. — Она не какая-нибудь размазня, хоть и леди.

— Рад это слышать. Леди Мэри мне очень понравилась, и я искренне волновался о ней.

Да, он умеет быть приятным, когда захочет, подумала Кэссиди и сказала:

— Не припомню, чтобы ее милость высказывалась о вас так же лестно, милорд.

Взглянув на служанку повнимательнее, Уоррик впервые заметил золотые пряди, выбивающиеся из-под чепчика. Барра права, строптивости ей не занимать, но почему тогда она все время смотрит в пол, а не на собеседника?

— Таттл, вы давно знаете леди Арриан?

— С младенчества, милорд. Я ее вынянчила, и для меня хуже нет, чем когда ее обижают. Так что я уж постараюсь, чтобы этого больше не было.

— Таттл, вам когда-нибудь кто-нибудь говорил, что для служанки вы чересчур своенравны?

— Мне? Сроду не бывало, милорд. Мое дело маленькое — барышне угождать.

— Хорошо. В таком случае ступайте к своей барышне и спросите у нее, не согласится ли она сегодня покататься со мною верхом. Скажите, я буду ждать ее в одиннадцать.

— Нет, милорд, не согласится. Она дурно спала, так что ей нынче не до прогулок, благодарствуйте. Уоррик, теряя терпение, встал.

— Таттл, извольте передать своей хозяйке то, что я сказал, а уж она сама примет решение! Пойдите... Скажите ей, что я настаиваю на этой прогулке.

Таттл без слов выскользнула из кабинета. «Нет, — подумал Уоррик, проводив ее взглядом, — он решительно не согласен долго терпеть в своем доме английскую служанку. Эта особа слишком уж себе на уме, хоть и скромна с виду. Впрочем, если она и впрямь знает Арриан с пеленок, то, пожалуй, ее бесцеремонность можно простить. Хадди ведь тоже имеет привычку напрямик выкладывать ему все, что думает».

Лишь часом позже Кэссиди снова спустилась вниз и передала, что леди Арриан принимает приглашение его милости. Посоветовавшись, они с дочерью решили, что лучше не раздражать лорда Уоррика отказом и не будить лишний раз его подозрений.

Было по-утреннему свежо, но солнце уже вовсю пригревало, когда Уоррик с Мактавишем вывели из конюшни лошадей.

— Не понимаю я женщин, Мактавиш.

— Не знаю, как насчет всех женщин, но с этой ты точно запутался. Сперва ты силой заставляешь ее здесь остаться, а потом, кажется, ждешь от нее благодарности? Ты слишком жесток с нею, она этого не заслужила.

— Смотри не наговори лишнего, Мактавиш! Моя жестокость имеет свои причины, и ты их знаешь.

Мактавиш перекинул поводья через спину оседланной для Арриан лошади.

— Я привез ее в Айронуорт и чувствую себя ответственным за ее судьбу. Мой долг сказать тебе: Уоррик, отпусти ее!

Губы Уоррика упрямо сжались.

— Это решать мне!

— Решать-то тебе, но боюсь, что уязвленная гордость да старые обиды не лучшие советчики в таком деле. Поверь, все это может кончиться очень скверно.

— Полно, Мактавиш! Ты стал мнительным, как старая бабка. Уверю тебя, что, как только она уедет отсюда, она и думать забудет про Айронуорт, а я про нее.

Мактавиш с сомнением покачал головой, но ничего не сказал, и Уоррик продолжал:

— А если я предложу ей остаться со мной по доброй воле? Что ты на это скажешь?

— Тогда тебе придется забыть прошлое и начать с нею жизнь заново. Насколько я понимаю, вряд ли это у тебя получится.

— Да, забывать прошлое я не умею.

— Ну, вот тебе и ответ. Ты должен ее отпустить, и как можно скорее.

— А как же наш с нею брак?

— Уоррик, ты же сам прекрасно понимаешь, что ваш так называемый брак можно расторгнуть в два счета.

— Послушай, Мактавиш, ведь она тебе нравилась?

— Нравилась. И нравится. Она славная девушка, и — хоть ты этого и не желаешь признавать — она именно то, что тебе нужно.

Уоррик нахмурился:

— Теперь я тебя вовсе не пойму, Мактавиш. То ты велишь мне ее отпустить, то вдруг через минуту заявляешь: она то, что мне нужно. Все-таки что прикажешь выбрать: жить с нею или отпустить ее?

— Загвоздка в том, что выбор тут зависит не только от тебя, а она вряд ли захочет с тобою жить. Ты, к сожалению, показал себя не с лучшей стороны.

Тем временем они уже подошли к крыльцу, где на ступеньках рядом со своей служанкой стояла Арриан. Уоррик подхватил ее за талию и усадил в седло.

— Надеюсь, нас с вами ждет приятная прогулка, миледи.

Арриан ничего не ответила, лишь коротко кивнула Мактавишу.

Когда они отъехали, Мактавиш подошел к Кэссиди.

— Вы служанка ее милости?

— Да, я Таттл, — рассеянно сказала она, не отводя от дочери глаз.

Мактавиш уловил беспокойство в ее голосе.

— Не волнуйтесь за свою хозяйку. Он не сделает ей ничего дурного.

— Думаю, вы не хуже меня знаете, что он сделал ей уже достаточно дурного, — не

оборачиваясь, отвечала Кэссиди.

— Не хотелось бы смотреть на все это так мрачно.

— А как бы вам хотелось на это смотреть?

— Знаете, мне кажется, эти двое могли бы принести мир Драммондам и Макайворсам после стольких поколений вражды и ненависти.

Она метнула в него угрожающий взгляд.

— Хотите принести ее в жертву своей старой вражде? Нет уж, увольте!

Проследив, как его собеседница скрылась за дверью, Мактавиш покачал головой. Пожалуй, для служанки она изъясняется чересчур изысканно. Надо посоветовать Уоррику понаблюдать за нею. Возможно, она совсем не та, за кого себя выдает.

За всю дорогу Арриан не проронила ни слова. Наконец, когда они спустились к морю и проехали немного по песку, Уоррик придержал свою лошадь и обернулся к Арриан.

— Я начал волноваться за вас, — сказал он. — Вы не больны?

— Я здорова, — не глядя на него, отвечала она.

— Я хотел поговорить с вами о...

— Глядите, — перебила она, указывая куда-то вдаль. — На горизонте корабль. Наверное, плывет во Францию.

— Арриан, вы не хотите даже взглянуть на меня? Она обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Пожалуйста. Вы довольны?

— Мне жаль, что у нас так все получилось, Арриан.

— Вас, кажется, мучают угрызения совести, милорд?

Он неловко качнулся в седле.

— Возможно.

— Что ж, я рада это слышать. Пусть же ваши угрызения не дают вам спать по ночам, и пусть... Он с улыбкой поднял руку.

— Довольно, не то вы, чего доброго, пожелаете сейчас, чтобы я упал с Тайтуса и сломал себе шею.

— Заметьте, однако, что я этого не произносила, — парировала она, поражаясь тому, что можно, оказывается, говорить таким безразличным тоном, трепеща при этом с головы до ног.

— Скажите, вы когда-нибудь могли бы меня простить?

«Что это, очередная хитрость?» — подумала она, вслух же сказала:

— Вряд ли, милорд.

Взгляд Уоррика, устремленный в морскую даль, задержался на крошечной точке на горизонте.

— Думаю, нам пора возвращаться. У моря становится прохладно.

Арриан, не говоря ни слова, развернула лошадь, и они поехали обратно.

«Скорее бежать, вырваться из Айронуорта! — думала она. — Что может быть мучительнее, чем находиться все время рядом с тем, кого она должна ненавидеть?.. Все так, но что делать с непрошеной любовью, охватившей уже душу, как огонь охватывает поленья в камине?»

Глава 18

Карета подпрыгнула на колдобине, и леди Мэри, хватаясь за ногу, обложенную атласными подушками, пробормотала, кажется, нечто не очень изысканное.

— Агнесса! — Грозно сверкнув глазами, она обернулась к служанке. — Агнесса, передай кучеру, чтобы хорошенько следил за дорогой, а коли ему плохо видно с его места, так пусть скажет, я велю привязать его к передней лошади!

Утомленная гроыханием кареты, леди Мэри закрыла глаза. «Когда кончится эта дорога?» — с досадой подумала она. За окном уже мелькали знакомые места — земли ее отца. Если не случится ничего непредвиденного, к вечеру они должны быть в Давиншемском замке.

Взгляд леди Мэри рассеянно скользил по стволам вековых сосен. В воздухе пахло весной, и среди густых папоротников тут и там желтели первоцветы. Здесь она родилась, здесь росла когда-то, но теперь эта земля казалась ей чужой. Ее родиной давно уже стала Англия, где был похоронен ее любимый Джордж.

— Поторопились вы пускаться в дорогу, миледи. Нога еще не зажила.

— Агнесса, ты же знаешь, что я не по своей воле должна спешить в Давиншем. Уж поверь мне, я не любительница передавать дурные вести — тем более своему племяннику. С его мстительностью он, недолго думая, двинет на Гленкарин своих людей — и тогда греха не оберешься.

— Эти шотландцы, миледи, вообще очень мстительны. Но я все же надеюсь, что у них хватит разума не лезть друг на друга с оружием. Английский король не позволит им развязать войну.

Леди Мэри вздохнула:

— Боюсь, что мой отец в таком случае даже не вспомнит об английском короле... Скорей бы уж приехал Рейли, на него единственная надежда.

— Ох, миледи, у меня сердце не на месте оттого, что леди Арриан вместе с ее светлостью угодили в логово этого злодея!

— За них не переживай: моя племянница с ним как-нибудь справится. Гораздо больше меня волнуют последствия, к которым все это может привести.

Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, раскрасив небо на западе полосками

багрянца, карета въехала в ворота Давиншемского замка.

Встречать их высыпала вся челядь, так что леди Мэри ступила на родной порог в сопровождении целого кортежа слуг. Ее отнесли наверх, в ту самую спальню, которую она занимала еще в девичестве. Бережно обложив большую ногу подушками, Агнесса отправилась вниз, чтобы принести хозяйке чего-нибудь перекусить.

Почти сразу же после ее ухода в дверь постучали, и вошел Йен Макайворс. Молча понаблюдав некоторое время за слугами, хлопочущими над его тетужкой, он приказал им удалиться, чтобы поговорить с леди Мэри без помех.

— Ваш гонец прибыл только вчера утром и так ничего толком и не объяснил. — В глазах Йена стояла злая решимость. — Как видите, дражайшая тетужка, я долго терпел, но теперь наконец желаю знать, почему Арриан не приехала с вами. Или она уже передумала выходить за меня замуж?

Леди Мэри окинула племянника уничтожающим взглядом. По ее тону, когда она заговорила, ни за что нельзя было предположить, что она страшилась этого разговора всю дорогу.

— Полагаю, Йен, что ты мог бы сперва справиться о моем здоровье.

Продолжая сверлить ее глазами, он сел.

— Как неучтиво с моей стороны! Но я, знаете ли, подумал, что коль скоро вы решились на такое утомительное путешествие, то, вероятно, главная опасность уже миновала.

Леди Мэри сделала еще одну попытку оттянуть неприятный момент.

— Ну, довольно об этом. Где мой отец и почему он не вышел меня встречать?

— Как, вы не знаете? — Откинувшись на спинку стула, Йен засунул руки в карманы. — Стало быть, вы все-таки разминулись на дороге с моим посыльным.

— Я не видела никакого посыльного.

— Вот как? Выходит, мне выпала неприятная обязанность сообщить вам, что дедушка тяжело болен. Доктор не отходит от его постели. Опять плохо с сердцем, но на этот раз все намного серьезнее.

Леди Мэри поспешно свесила ноги с кровати.

— Помоги-ка мне. Я сейчас же иду к нему.

— Сначала я хочу услышать ответ: где Арриан и почему она не приехала вместе с вами?

Но леди Мэри не собиралась из-за настырности Йена откладывать свидание с отцом. «На худой конец, можно будет сразу рассказать все им обоим», — подумала она.

— Подай мне руку.

Йен неохотно встал и помог ей подняться. Тяжело опершись на его руку, она направилась к двери.

— Вы мне не ответили, — снова заговорил Йен в коридоре. — Арриан передумала за меня

выходить? Она что, вернулась в Англию?

— Нет, она сейчас в Шотландии вместе со своей матерью. Но я, кажется, ясно сказала: «Об Арриан мы с тобой поговорим позже. Твои сердечные дела подождут: сперва я должна увидеться с отцом».

Эту свою тетку Йен недолюбливал с детства. Мало того, что она вечно указывала, кому что делать, она еще, как правило, добивалась своего... Но ничего, скоро он станет вождем клана Макайворсов, и тогда все кругом будут плясать под его дудку.

Когда до комнаты старого лорда Джилла оставалось совсем немного, леди Мэри невольно сильнее сжала руку племянника, и он не без злорадства подумал, что, видимо, каждый шаг достается ей нелегко.

В комнате было темно, единственная свеча горела у изголовья больного. Леди Мэри, прихрамывая, подошла к постели. Хотя отец лежал с открытыми глазами, трудно было сказать, видит он ее или нет.

Леди Мэри вопросительно взглянула на доктора, однако тот лишь сокрушенно покачал головой.

— А-а, это ты, Мэри, — слабым голосом проговорил лорд Джилл. — Так я и знал, что ты не дашь мне отправиться на тот свет без напутствия.

Больно было видеть лежащего на постели дряхлого старика. От бывшего богатыря, в присутствии которого все прочие казались карликами, осталась лишь жалкая оболочка. Когда-то на нем одном, на его силе и решимости держался весь род Макайворсов. Теперь дыхание с хрипом вырывалось из его груди, а руки казались тонкими и ломкими, как высохшие прутья. Кожа на скулах натянулась и пожелтела, как старый пергамент.

Леди Мэри улыбнулась ему сквозь слезы.

— Разве такой упрямец, как вы, согласится умереть, не выбрав для этого место и время по своему вкусу?

В глазах лорда Джилла зажегся отблеск былого огня.

— Место я уже выбрал, а время вот-вот подойдет. Признайся, Мэри, будешь по мне горевать?

— Нет, папа... Буду скучать, но горевать не буду. Вы прожили долгую славную жизнь, и прожили ее так, как вам хотелось. Если в конце пути я смогу сказать то же самое о себе, думаю, мой уход будет скорее радостным, чем печальным.

Лорд Джилл рассмеялся, но смех вызвал приступ кашля, и доктор тут же попытался влить ему в рот какое-то зелье из пузырька.

— Прочь! — отталкивая его руку, прохрипел лорд Джилл. — Не надо мне никаких лекарств!

Леди Мэри села на край постели и взяла его за руку.

— Знай я, что вы так больны, я приехала бы раньше.

— Ну а где Кэссиди? — спросил старик, обводя комнату мутнеющим взглядом. — Где моя любимая внучка?

Йен недобро сощурился. Опять Кэссиди, опять его всегдашняя любимица! И даже в такую минуту — ни слова о старшем внуке.

— Папа, Кэссиди не знает о вашей болезни, — сдерживая слезы, отвечала леди Мэри, — иначе она уже давно была бы здесь.

— Я должен еще раз увидеть ее перед смертью. Хочу сказать ей напоследок: все же в добрый час она вышла за своего англичанина. Он был ей хорошим мужем. Лучшего, пожалуй, и я бы для нее не подыскал.

— Она будет рада это слышать. Она всегда мечтала, чтобы два самых любимых в ее жизни человека приняли друг друга.

В этот момент лорд Джилл заметил Йена, нетерпеливо переминающегося у двери, и пальцем поманил дочь ближе к себе.

— Береги Арриан, — сипло зашептал он, когда Мэри нагнулась. — Боюсь, что Йен — совсем не то, что ей нужно. Очень уж он скользок! Я все надеялся, авось перерастет, — но нет! Не перерос.

«Вот как, — подумала леди Мэри. — Оказывается, не ей одной Йен внушает недоверие: отец тоже относится к своему внуку довольно прохладно... Как бы то ни было, он умрет, так и не узнав, что Арриан, а теперь и Кэссиди — пленницы его злейшего врага».

— Я позабочусь о ней, папа, — сказала она. — За это можете быть спокойны.

Йен, которому из всего разговора удалось расслышать только собственное имя, шагнул за дверь и сбежал вниз по лестнице. Гнев бурлил в нем: тетка, по-видимому, недоговаривает что-то об Арриан, и он постарается выяснить, что именно.

Леди Мэри сидела у изголовья отца, пока он не уснул, и вернулась к себе только за полночь. Йен, к ее неудовольствию, все еще ждал ее.

— Йен, умоляю тебя, я три ночи не спала по-людски и теперь просто валюсь с ног. Любые разговоры могут подождать до утра!

Агнесса сердито хлопотала возле кровати, то встряхивая одеяла, то поправляя грелку в ногах.

— Я ему то же самое говорю, миледи, но он ни в какую: дождусь — и все тут!

— Ступай-ка, Агнесса. Нам с тетей нужно переговорить с глазу на глаз.

— Не смей приказывать моей прислуге! — вскинулась леди Мэри. — Агнесса подчиняется только мне, советую тебе не забывать об этом на будущее.

Взгляд Йена потемнел.

— Не забуду, — процедил он.

— Да уж, пожалуйста. Так что ты хотел узнать об Арриан?

— То есть как — что я хотел узнать? Я тут, как вы, вероятно, догадываетесь, жду, чуть с ума не схожу от беспокойства, мчусь со всех ног в Лейтский порт встречать свою невесту — и что же? Оказывается, ее нет на борту «Соловья»! Тут деду делается хуже, я спешу домой, несколько не

сомневаясь, что Арриан приедет в карете вместе с вами, но теперь и вы приезжаете без нее. Что прикажете мне думать? Быть может, вы стараетесь пощадить мои чувства? Не надо, не утруждайте себя. Если она передумала за меня выходить, то так прямо и скажите.

Леди Мэри устало опустилась на кровать и откинулась на подушки.

— Агнесса, подай-ка мою шкатулку с драгоценностями.

Выполнив поручение, служанка почтительно отступила на несколько шагов, чтобы не мешать хозяйке. Некоторое время леди Мэри сосредоточенно рылась в шкатулке. Наконец ее поиски увенчались успехом, и она протянула свою находку племяннику.

Йен взял кольцо и долго смотрел на кроваво-красный рубин.

— Итак, она вернула мое кольцо?

— Нет, это сделала не она. Кольцо вернул лорд Уоррик Гленкарин. Он попросил меня передать тебе свои сожаления и сообщить, что теперь Арриан носит обручальное кольцо Драммондов.

Кровь отхлынула от щек Йена, он вскочил на ноги.

— Клянусь, негодяй поплатится за это жизнью! Как посмел он посягнуть на мою Арриан? — Вены на его шее вздулись, и пальцы сами собою сжались в кулаки. — Она моя! И она скорее умрет, чем позволит ему осквернить свое тело. Да, скорее умрет!

Леди Мэри взглянула на Йена так, словно видела его впервые. В детстве он частенько мучил других детей и издевался над животными, за что не раз бывал жестоко бит; но детство его давно миновало, и теперь перед нею стоял обезумевший от ярости взрослый мужчина.

— Ступай, Йен, дай мне отдохнуть. Я смертельно устала и могу думать сейчас только об отце. Йен резко обернулся.

— Но как, как вы могли такое допустить? — Глаза его горели ненавистью. — Она находилась под вашим надзором, и вы ответственны за происшедшее!

— К несчастью, в тот момент я мало что могла сделать.

— Вы должны рассказать мне все до мельчайших подробностей, — потребовал он.

По знаку хозяйки Агнесса подошла к двери и широко ее распахнула.

— До завтра, Йен, — твердо объявила леди Мэри. — Сегодня ты больше не услышишь от меня ни единого слова.

Йен понял, что настаивать бессмысленно: эта упрямая старуха всегда все норовила сделать по-своему.

— Желаю вам приятного сна, тетя Мэри. Что касается меня, то теперь до нашего завтрашнего разговора я не сомкну глаз, так что утром я намерен заглянуть к вам довольно рано.

С этими словами он устремился прочь из комнаты.

Когда дверь за ним захлопнулась, леди Мэри с Агнессой переглянулись.

— Ну и дела, миледи! Чую я, скандала не миновать.

— Да, Агнесса. И тогда храни нас всех Господь!

Со дня их верховой прогулки прошла неделя, и каждый день Уоррик передавал леди Арриан приглашение еще раз покататься вместе с ним верхом, но она всякий раз присылала к нему свою служанку с отказом.

Наконец, не выдержав, Уоррик сам постучался в ее дверь. Отворившая ему Таттл загородила собою проход.

— У ее милости болит голова, — сказала она.

— В таком случае пусть она сама мне об этом скажет. Уйдите с дороги, Таттл!

Но Кэссиди, не отступая ни на шаг, продолжала крепко сжимать дверную ручку.

— Зайдите завтра, милорд, возможно, тогда она сможет с вами поговорить.

На миг взгляд Уоррика скрестился со взглядом гневных зеленых глаз, но служанка тут же опустила голову.

— С дороги, Таттл!

Кэссиди отчаянно хотелось захлопнуть дверь перед самым его носом, однако она решила, что это, пожалуй, было бы чересчур, и, шагнув в сторону, присела перед ним с подчеркнутой почтительностью.

— Как вам угодно, милорд.

Арриан, с книгой на коленях, сидела на низком подоконнике и в оцепенении следила за Уорриком, который приближался к ней. Когда он сел с нею рядом, она едва удержалась, чтобы не вскочить и не броситься в мамины объятия.

— Что это? — спросил он, забирая у нее книгу. — А, «Паломничество Чарльза Гарольда». Вы, стало быть, почитательница лорда Байрона? Полагаю, что женщины должны превыше всего ценить в нем романтический дух.

— Да, Уоррик. — Арриан говорила негромко, но глаза ее, казалось, метали искры. — Да, я почитаю лорда Байрона, и, когда он умер, скорбь моя была безмерна.

— Что ж, я хоть и не поклонник его поэзии, но все же считаю, что без его тонкого остроумия мир много потерял.

«Как странно, что после всего, что было, они еще могут говорить о посторонних вещах», — подумала Арриан. Сердце ее колотилось, и было трудно дышать.

— Насколько я понимаю, — вертя в руках книгу, продолжал Уоррик, — вы не могли позаимствовать этот фолиант в моей библиотеке. Стало быть, вы привезли его с собой?

— Да, Уоррик, я взяла эту книгу у мамы перед нашим отъездом из Франции. — Взгляды Арриан и Кэссиди встретились. — Мои родители познакомились с лордом Байроном во время путешествия по Италии. Лорд Байрон проникся очень нежными чувствами к моей маме и даже

собственноручно надписал для нее эту книгу.

Кэссиди знаками пыталась показать дочери, чтобы та не показывала надпись, но было поздно: лорд Уоррик уже читал вслух:

«Прекрасной Кэссиди, в чьих глазах мерцает пламя зеленого изумруда, а в волосах — золото закатного солнца. Надеюсь, Рейли позволит мне восхищаться Вами хотя бы издали?»

Некоторое время Уоррик остолбенело глядел на надпись, потом встал, отложил книгу и низко склонил голову перед златовласой служанкой.

— Если не ошибаюсь, я имею удовольствие говорить с ее светлостью герцогиней Равенуортской?

Кэссиди выпрямилась и гордо вскинула голову. Вызывающе глядя изумрудно-зелеными глазами в серебристые глаза собеседника, она сдернула ненужный уже крахмальный чепец, и ее волосы золотым дождем рассыпались по спине.

— Надеюсь, вы простите мне этот маскарад, лорд Уоррик. Видите ли, я явилась к вам за тем, что принадлежит мне по праву, и не намерена останавливаться на полпути.

Разглядывая златовласую красавицу, Уоррик подумал, что лорда Байрона можно понять.

— Должен сказать, ваша светлость, что вы меня совершенно одурачили. Подумать только: герцогиня в роли скромной служанки! Неудивительно, что мои слуги, все как один, твердят о вашем упрямстве.

— Не стану лукавить перед вами, лорд Уоррик, — сказала Кэссиди. — Настанет день, когда вам придется ответить за то, что вы сделали с моей дочерью.

— Возможно, ваша светлость. Но этот день еще не настал.

— Он не так далек, как вам кажется. Когда он придет, вам придется держать ответ передо мной и перед ее отцом, и — если этого для вас недостаточно — перед королем Англии.

— Поверьте, ваша светлость, ваш гнев страшит меня более гнева монаршего.

— Я приехала за своей дочерью, лорд Уоррик, и я намерена ее забрать.

Он обернулся к Арриан:

— А вы по-прежнему тверды в своем желании уехать?

— Я ничего еще не желала так сильно, Уоррик.

Он прошел к двери и обернулся.

— Я обдумваю ваши слова и сообщу вам о своем решении сегодня за ужином. — Он перевел взгляд на Кэссиди. — Ваша светлость, я хотел бы пригласить вашу дочь отужинать со мною сегодня вечером.

Зеленые глаза, казалось, метали молнии.

— Не думаю, что это возможно. — С языка Кэссиди рвалось немало гневных слов, но она не

хотела лишний раз раздражать хозяина замка: напротив, следовало по возможности усыпить его бдительность. — Вряд ли Арриан захочет оставаться с вами наедине, и вы не хуже меня знаете почему.

— А если я дам вам слово, что не стану к ней даже прикасаться? Поймите, мы с нею должны, наконец, поговорить: мне необходимо кое в чем разобраться.

— Признаться, меня не очень заботит, в чем именно вам надо разобраться, и я надеюсь, что вы извините меня за откровенность. Что касается вашего слова, милорд, то оно не внушает мне особого доверия.

— А если я дам вам слово графа Гленкарина?

— По мне, разница невелика.

— А слово вождя Драммондов? Кэссиди, видимо, колебалась. Слово вождя во все времена считалось в Шотландии незыблемым.

— Что ж, милорд, в таком случае я, пожалуй, вам поверю. Однако нелишне сперва спросить у моей дочери, желает ли она с вами ужинать.

Арриан отложила книгу и поднялась со скамьи.

— Мне нечего сказать вам, Уоррик. Уоррик смотрел на нее почти умоляюще.

— Зато мне нужно вам многое сказать. Кэссиди едва заметно склонила голову, давая понять Арриан, что ей следует согласиться.

— Хорошо, — сказала Арриан. — Я согласна ужинать с вами, но только в обществе моей матери. Кэссиди улыбнулась:

— Вы слышали ответ моей дочери?

— Ваша светлость, она рассказала вам о том, что было между нами?

— Разумеется. Вы полагаете, она могла бы скрыть от меня такое?

Уоррик с укоризной взглянул на Арриан.

— Я полагал, что все происходящее между супругами должно остаться между ними.

Однако Арриан выдержала его взгляд.

— Между настоящими супругами, милорд, — сказала она.

Оборачиваясь к Кэссиди, Уоррик уже снова был насмешливо-спокоен.

— Ваша светлость, позвольте заверить вас, что принимать двух таких прелестных дам за моим столом для меня большая честь.

— Рада, что мы поняли друг друга, — кивнула Кэссиди.

— Буду с нетерпением ждать сегодняшнего вечера... А пока что я отправляюсь в деревню, там у меня есть кое-какие неотложные дела.

— Что ж, милорд, — сказала Кэссиди. — Сегодня вы с моей дочерью сможете, наконец, все обсудить и все решить.

Глаза Уоррика и Арриан встретились, и на миг ей показалось, что где-то в серебристых глубинах затаилась печаль... Но нет, она наверняка ошиблась.

— До встречи, Арриан.

Глава 19

Как только за Уорриком закрылась дверь, Кэссиди взялась за дело.

— Живее, Арриан! Оденься потеплее, но так, чтобы это не бросалось в глаза, будто мы просто собрались на прогулку. У нас мало времени.

Глаза Арриан широко распахнулись.

— Ты хочешь сказать, что мы попытаемся сегодня бежать?

— Да, и как можно скорее. Ты же слышала: у него дела в деревне. Другой такой возможности может не представиться.

Арриан бросилась к своему дорожному сундуку, разыскала в нем серое шерстяное платье и быстро переделалась. Кэссиди, одобрительно кивнув, помогла ей застегнуть крючки на спине.

Пока Кэссиди переодевалась, Арриан успела надеть ботинки и перевязать лентой волосы.

— Жди здесь, я сейчас приду, — сказала Кэссиди, подхватывая оставшийся от завтрака поднос. — Как только увижу, что он уехал, я вернусь за тобой.

Арриан окинула взглядом комнату, в которой она так долго была пленницей, и провела рукой по кружевному балдахину над кроватью. В памяти невольно всплыла та, кому принадлежала когда-то эта спальня. «В каком-то смысле, — подумала Арриан, — им выпала сходная участь: ведь сестру Уоррика тоже заставили выйти замуж против воли. Но только жизнь бедной Гвендолин трагически оборвалась, Арриан же вот-вот должна была ускользнуть от коварной судьбы».

Об Уоррике и о своем чувстве к нему она старалась не думать: эта рана была пока еще слишком свежа и глубока.

Еще раз заглянув в свой сундук, Арриан с сожалением захлопнула крышку. Увы, о том, чтобы захватить с собою хотя бы самые красивые платья, не могло быть и речи. Она взяла с туалетного столика свою шкатулку с драгоценностями и достала из нее несколько любимых вещей: жемчужное ожерелье, подаренное отцом к ее четырнадцатилетию, бриллиантовую брошь — подарок тети Мэри — и мамин золотой медальон; все они были связаны с дорогими ее сердцу воспоминаниями.

Она нерешительно достала кольцо, которое Уоррик надел на ее палец во время обручения. Вернувшись к себе в тот вечер, она сразу же сняла его и не глядя бросила в шкатулку. Лишь теперь она впервые с интересом разглядывала его. Кольцо оказалось превосходной работы, с крупным бриллиантом в сверкающем обрамлении сапфиров. «Пусть останется на память», — решила она и опустила его в карман плаща.

Потом она взяла с подоконника книгу, написанную лордом Байроном, и тоже спрятала в карман.

Взгляд ее упал на гусиное перо на столе. Обмакнув его в чернила, она торопливо написала на листке бумаги несколько строк и положила записку под зеркало, чтобы лорд Уоррик сразу ее увидел.

Едва она успела закончить, как в комнату стремительно вошла Кэссиди.

— Лорд Уоррик и его помощник только что взяли лошадей и ускакали, так что действовать надо быстро. Я сказала миссис Хаддингтон, что тебе нужен свежий воздух и что мы пойдем прогуляться около моря.

Арриан накинула плащ.

— Она ничего не заподозрила?

— Нет. Она сама беспокоится о твоём здоровье и тоже считает, что свежий воздух пойдет тебе на пользу.

Оглядев в последний раз комнату, Арриан отвернулась и вслед за матерью вышла в коридор.

Они спустились с крыльца нарочито медленно, надеясь тем самым развеять любые возможные подозрения, однако по мере удаления от замка шаг их все более убыстрялся, и к морю они подходили едва не бегом.

Взяв Кэссиди за руку, Арриан торопливо свела ее по вырубленным в скале ступенькам. Лишь внизу, на песчаной отмели, они, наконец, ощутили близость свободы и, повернув в противоположную от замка сторону, побежали вдоль кромки воды.

Арриан то и дело с беспокойством оглядывалась. А что, если Уоррик вернется из деревни и найдет ее письмо раньше, чем они успеют скрыться? О, зачем она его только написала!

С моря налетел порыв ветра, и она плотнее запахнула широкий плащ.

— Мама, а что дальше?

— Дальше? Дальше надо идти на юг и надеяться, что капитан Норрис за нами наблюдает.

Арриан подняла глаза: серый замок угрюмо высился над серым утесом. Казалось бы, расставание с ним должно было нести облегчение, однако безотчетная тоска давила на нее все сильнее. Когда бы не судьба, прибывшая «Соловья» к этим скалистым берегам, она не встретила бы Уоррика и — всего через какой-нибудь месяц — стала бы женою Йена Макайворса. Вот только было бы ее замужество счастливым или нет — она теперь не знала. Ведь, люби она Йена по-настоящему, разве смог бы Уоррик Гленкарин так легко добиться своего? Вот о чем думала она, все дальше и дальше убегая от того, кому принадлежало ее сердце.

Кэссиди остановилась перевести дух.

— Мама, — заговорила Арриан, прислоняясь плечом к холодному подножию утеса. — Скажите, можно ли любить человека и в то же время ненавидеть его?

Кэссиди взяла Арриан за руку, понимая, что дочь ждет от нее искреннего и прямого ответа.

— Думаю, что в жизни возможно все. И то, о чем ты говоришь — любить человека и полагать при этом, что ненавидишь его, тоже возможно. Но, зная тебя и зная, какие качества ты ценишь в людях, я могу сказать одно: тот, кого ты полюбишь, должен быть человеком благородным и честным, иначе ты не станешь его уважать. А без уважения нет любви.

«Без уважения нет любви», — думала Арриан, продолжая путь. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, она никогда не смогла бы полюбить того, кого не уважает.

На этом месте ее размышлений дорогу им перегородила груда камней, с виду непреодолимая. Кэссиди почти не колебалась: крепко взяв дочь за руку, она начала карабкаться наверх.

После того как преграда была преодолена, Арриан почувствовала облегчение: свобода уже близка! За следующим поворотом чьи-то руки мягко и уверенно увлекли ее в тень.

— Ну, наконец-то, миледи, — с улыбкой проговорил капитан Норрис. — Как я рад вас видеть! Мы уж боялись, что ваш план провалится.

— Надо торопиться, — перебила его Кэссиди, устремляясь к шлюпке. Сама яхта стояла на якоре неподалеку, в закрытой бухте.

Как только дамы сели, гребцы взялись за весла, и шлюпка, рассекая волны, стала быстро продвигаться вдоль берега.

Вдыхая свежий морской ветер, Арриан ликовала, как ребенок, однако стоило ее взгляду упасть на стены Айронуортского замка, как в сердце опять вернулись мучительные сомнения. «Странно, — думала она, — если желанная свобода так близка, то почему так хочется выпрыгнуть из шлюпки и броситься назад, к Уоррику?»

Сквозь душившие ее слезы Арриан почувствовала тепло материнских объятий.

— Не плачь, любовь моя. Все уже позади. Больше ты его никогда не увидишь.

Пряча заплаканное лицо в складках материнского плаща, Арриан невольно вздрогнула. Никогда? Ах, почему это слово отзывается в сердце такой мучительной болью?

Пока шлюпка, качаясь на приливной волне, подплывала к «Соловью», с вершины утеса за нею внимательно следили два всадника.

— Ты был прав, Уоррик, они не замедлили воспользоваться твоим отсутствием, — сказал Мактавиш.

Взгляд Уоррика был прикован к едва различимой фигурке в шлюпке.

— Когда ты сказал мне, что возле берега появилась какая-то яхта, я сразу догадался, что ей здесь нужно.

— А леди Арриан, верно, думает, что она тебя обманула?

— Разумеется. Стоило мне объявить им, что меня не будет сегодня в замке, как они воспользовались моим отсутствием.

На миг лицо вождя Драммондов исказилось болезненной гримасой, и это не ускользнуло от пристального взгляда Мактавиша.

— Ты поступил правильно, сынок.

— Вероятно, ты прав, и это единственное, что мне оставалось... Но я все же надеялся, что в последний момент она может передумать.

— Да, мне показалось, что между вами что-то было...

— Мало ли что тебе показалось, — оборвал его Уоррик и, развернув Тайтуса, поскакал к замку.

Вскоре свист ветра в ушах и мерный стук копыт заглушили крики морских чаек и рокот волн, бьющихся в подножие утеса.

Целых три дня после отъезда Арриан Уоррик не мог заставить себя переступить порог ее спальни. Наконец, собравшись с духом, он толкнул незапертую дверь. В комнате совсем не было беспорядка, все вещи лежали на своих местах, словно хозяйка только что вышла и вот-вот вернется.

Некоторое время он неуверенно, как непрошенный гость, стоял посреди комнаты, потом подошел к боковой двери и заглянул в маленькую гардеробную.

Здесь были сложены дорожные сундуки с дамскими нарядами, по всей видимости, то самое приданое, за которым Арриан вместе со своими родными ездила в Париж. Теперь все оно осталось в Айронуорте.

Уоррик приподнял крышку сундука и провел рукой по бархату бордового платья, в котором он когда-то впервые ее увидел. Закрыв глаза, он поднес его к лицу: мягкая ткань еще хранила нежный, едва уловимый запах ее тела. От этого сердце его тоскливо сжалось, он торопливо свернул платье и убрал его в сундук.

На полу валялась красная тфелька из атласа, купленная, вероятно, в тон платью. Держа ее на ладони, Уоррик вдруг с новой остротой почувствовал, как хрупка и незащищена ее хозяйка и как сам он был непростительно жесток с нею.

Словно в гипнотическом сне, он побрел обратно в спальню, подошел к туалетному столику и взял в руки щетку для волос, в которой застряли несколько золотых волосков. Проведя рукой по жестким щетинкам, он положил ее на прежнее место, и в этот момент его внимание привлекла незнакомая шкатулка на столике. Он машинально повернул торчавший в замке ключ.

Крышка открылась, и его взору представились сверкающие бриллианты, рубины и изумруды. «Зачем она оставила драгоценности? — поразился Уоррик. — Ведь они наверняка стоят целое состояние».

Только захлопнув крышку шкатулки, он, наконец, заметил под зеркалом лист бумаги и догадался, что это прощальная записка к нему. Поколебавшись секунду, он развернул листок и прочитал написанные ровным полудетским почерком строки.

«Милорд!

К тому времени, когда Вы прочтете это письмо, я буду уже далеко от Вашего замка. И хотя Айронуорт оказался для меня тюрьмой, все же я должна сказать, что Ваша судьба и судьба Ваших людей небезразличны мне. Драгоценности, находящиеся в этой шкатулке, принадлежат

лично мне, я же передаю их Вам с тем, чтобы Вы использовали их по своему усмотрению. В известной мере это дань справедливости, ибо Вам, насколько мне известно, пришлось немало выстрадать от моих родственников. Я не думаю, что пути наши еще когда-то пересекутся, и не желаю Вам зла. Пусть же затянувшаяся вражда между двумя кланами закончится вместе с нашей историей. Я видела, что сделала с Вами ненависть, Уоррик. Прошу Вас, забудьте ее. Я уже забыла».

Подняв глаза, он уперся взглядом в собственное отражение в зеркале, и от того, что он увидел, кровь, казалось, похолодела у него в жилах. Арриан права: он много лет живет одной лишь ненавистью, которую давно пора забыть. Жаль только, что он понял это слишком поздно.

Пока «Соловей» продвигался вдоль шотландского побережья, Арриан почти не выходила из своей каюты. Большую часть дня она проводила в постели, а Кэссиди молча сидела рядом.

Ночами Арриан тихонько плакала в подушку, надеясь, что Кэссиди ее не слышит, но материнское сердце, как известно, не обманешь. Увы, сейчас Кэссиди ничем не могла облегчить боль своей дочери. Позднее, когда душевные раны Арриан начнут затягиваться, они обо всем поговорят.

Плавание благополучно подходило к концу, и «Соловей» уже направлялся к берегу. Стоя на палубе, Арриан поймала на себе явно обеспокоенный взгляд капитана Норриса.

— Хотите о чем-то меня спросить, капитан?

— Да. Я очень волновался за вас, миледи: ведь об этих двух кланах и как они между собой враждуют, чего только не рассказывают. Вот я и думаю, не привело бы случившееся к новому кровопролитию.

— На этой земле и без того уж пролито немало крови. Я постараюсь, чтобы дело было улажено мирно.

— Хочу сказать вам одно, леди Арриан: вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. Я ведь помню вас совсем малышкой, вы только-только научились ходить, а уже любили карабкаться ко мне на колени. С тех пор я питаю к вам самые нежные чувства.

Она улыбнулась.

— Вы, как всегда, добры ко мне, капитан. Но теперь извините меня, я бы хотела спуститься в свою каюту. — С этими словами она направилась к трапу.

Капитан и подошедшая Кэссиди проводили ее глазами.

— Видно, придется обо всем рассказать его светлости, — сказал капитан Норрис.

Кэссиди вздохнула: она не хуже капитана понимала, что Рейли — сила, с которой нельзя не считаться.

— Да, придется. Вы поговорили с лорд-мэром без свидетелей, как я просила?

— Да, ваша светлость. К сожалению, он бессилен расторгнуть союз леди Арриан и лорда Уоррика без письменного согласия обеих сторон.

— Понятно. Что ж, возможно, моему мужу удастся убедить лорда Уоррика, что отказ выдать

свое письменное согласие может повлечь за собой самые нежелательные последствия.

Капитан Норрис молчал, размышляя, вероятно, о том, как поведет себя Рейли, узнав о случившемся.

Но, чтобы он обо всем узнал, ему сначала надо было обо всем рассказать. А как это лучше сделать, Кэссиди пока не знала.

Хмурым туманным утром «Соловей» вошел в воды Лейтского порта. Сам Лейт был всего-навсего крошечной деревушкой близ Эдинбурга, в которой издавна проживали рыбаки. Яхта тихим ходом подошла к берегу и встала у причала.

Кэссиди ободряюще улыбнулась дочери:

— Помни, моя милая, что любая беда не беда, когда ею можно с кем-нибудь поделиться. Обещаю тебе все время быть рядом.

— Спасибо, мама, мне потребуется много сил, особенно для встречи с Йеном.

— Если хочешь, Арриан, мы можем хоть сейчас отчалить и уплыть в Равенуорт. Стоит только сказать слово капитану — и «Соловей» тут же поднимет паруса.

— Нет, я должна сначала поговорить с Йеном.

Кэссиди пристально взглянула на дочь. В ней, кажется, пробуждались какие-то новые силы, которых не было прежде. Что ж, в таком случае матери оставалось лишь стоять поодаль и ждать, не понадобится ли помощь.

Внезапно с берега до них донесся удивительно знакомый голос.

— Ваша светлость! Барышня! Я уж боялась, что вы вовсе до нас не доберетесь. — Обладательница голоса помахала им рукой. — Я сейчас! Вот только распоряжусь насчет вещей — и мигом к вам.

Арриан улыбнулась матери:

— Я так и знала, что Элизабет первая встретит нас на берегу.

Элизабет прислуживала Кэссиди с незапамятных времен, и все в доме давно относились к ней как к члену семьи. При звуке родного голоса, командующего разгрузкой багажа, Арриан невольно почувствовала себя спокойнее и увереннее.

— Эй, там, поосторожнее с сундуками ее светлости! Как-никак, они из Франции, из самого Парижа. Глядите мне, чтобы ни одной царапины!

После чего, проворно забравшись на палубу, Элизабет заключила Арриан в объятия.

— Господи боже мой, барышня, я уж не чаяла видеть вас живой! Так волновалась, что, ей-богу, впору было самой идти приступом на этот вражий замок!

— Скажи-ка, Элизабет, — вмешалась Кэссиди, — тетя Мэри еще в Эдинбурге?

— Нет, ваша светлость. Она велела вам передать, что поехала к своему родителю.

— А от моего мужа и сына вестей не было?

— Они, я так понимаю, все еще в Англии — ждут, пока ваш корабль за ними вернется. Кэссиди обернулась к капитану Норрису.

— Направляйтесь прямо в Лондон и передайте его светлости это письмо. Я прошу его спешно прибыть в Шотландию.

Капитан Норрис кивнул и забрал письмо.

— Будем надеяться на попутный ветер, ваша светлость.

Пока они разговаривали, Арриан запрокинула голову и закрыла глаза. Солнце пригревало, но на сердце у нее от этого не становилось теплее. Еще недавно она поднималась на борт «Соловья» с мечтами о скорой свадьбе с любимым. Теперь она не знала, нужна ли она Йену, и, более того, не знала, нужен ли он ей... Да, она была уже не та наивная девочка, которая влюбилась в Йена Макайворса.

Кэссиди взяла дочь за руку, они вместе сошли по сходням и направились к карете, где их уже ждала Элизабет.

— Сделаем так, Арриан: сперва проедемся по магазинам — тебе нужно кое-что докупить, — а оттуда напрямиком в Давиншем. Мне почему-то кажется, что нам надо спешить. Арриан кивнула:

— Хорошо. Я бы хотела поговорить с Йеном, увидеться с дедушкой, а потом вернуться домой.

Глава 20

Был славный денек: деревья только что оделись молодой листвой, в траве тут и там пестрели весенние цветы. Лошади резво бежали по дороге, и Арриан, покачиваясь в просторной карете, вспоминала, как еще совсем недавно она проезжала по этим самым местам вместе с Майклом и тетушкой Мэри, и тогда сердце ее замирало от радостных предчувствий. Увы, сейчас радости не было и в помине. Вздохнув, Арриан перевела взгляд на Элизабет, дремавшую в углу. Голова служанки покачивалась из стороны в сторону в такт движению кареты.

— Знаешь, Арриан, — нарочито бодрым голосом заговорила Кэссиди. — Со следующего холма уже будет виден Давиншем.

Арриан постаралась изобразить живую заинтересованность.

— Мне кажется, мама, Давиншемский замок похож на нашего дедушку — такой же стойкий, гордый и неприступный.

— Да, пожалуй, они действительно похожи. Но я давно уже поняла, что дедушка совсем не такой суровый, каким хочет казаться.

— Тетя Мэри говорит, что вас он любит больше всех.

— По-моему, Арриан, тебя он любит не меньше. Зато с теми, кто у него в немилости, он и правда бывает весьма суров.

Арриан наконец решилась произнести вслух то, что одинаково занимало сейчас и ее, и Кэссиди.

— Мама, я думаю, что будет лучше, если я обо всем расскажу Йену наедине. Я решила сказать ему, что не выйду за него замуж.

Кэссиди всмотрелась в лицо дочери.

— Ну что ж, раз ты так решила... Но тогда держись стойко, чтобы ни Йен, ни бабушка не смогли навязать тебе свою волю. Ты ведь знаешь, как они оба хотели этой свадьбы. Я уже отослала капитана Норриса в Англию, так что скоро твой отец будет здесь.

— Хорошо. Мне так хочется положить голову ему на плечо и услышать, как он говорит мне: не беда, все будет хорошо...

— Ах, Арриан! Одно дело, когда в детстве ломалась твоя любимая кукла, тогда Рейли мог ее починить; или ты обижалась на кого-нибудь, а он смешил тебя, и ты улыбалась, как прежде... Но боюсь, что в этом случае он мало чем сможет тебе помочь. Чтобы снова улыбаться и быть такой, как прежде, ты должна найти силы в себе самой.

— Теперь я уже точно знаю, что люблю Уоррика, хоть он и поступил со мною дурно. Когда мы покидали Айронуорт, мое сердце чуть не разрывалось от горя.

— Но еще недавно ты точно так же знала, что любишь Йена, — напомнила ей Кэссиди. — Не надо спешить, проверь свои чувства.

— По сравнению с новой любовью та детская влюбленность в Йена кажется теперь просто смешной. Чувство к Уоррику переполняет меня до краев, я могу думать только о нем и, что бы там ни было, не держу на него зла... Разве это не настоящая любовь?

Кэссиди крепко зажмурилась, пытаясь сдержать слезы.

— Знаешь, Арриан, я так ясно помню свою первую настоящую любовь. Я, как и ты, полагала, что он не отвечает мне взаимностью, но все же страстно хотела его...

— Ты говоришь о папе?

— Да.

— Что ж, возможно, тут есть какое-то сходство, но развязка у вашей с ним истории оказалась совсем другой.

Кэссиди вспомнила удрученный взгляд молодого Гленкарина. Что его мучило: угрызения совести или ...? Ее почему-то не оставляло чувство, что они с ним еще увидятся, и, кроме того, — хоть она и не сказала этого Арриан — что он нарочно позволил им бежать из Айронуорта.

Арриан откинулась на сиденье.

— Я буду любить его всю жизнь, — тихо сказала она.

Кэссиди молчала. Она думала о том, что лорд Уоррик, возможно, страдает сейчас не меньше ее дочери и что скорее всего он не такой уж злодей, каким показался ей вначале.

По всем дорогам, до самых дальних границ дедовских владений, скакали гонцы Йена с приказом: всем, кто способен держать в руках оружие, надлежит немедленно явиться в

Давиншем. По одному и группами воины подъезжали к замку, где им выдавалось оружие. Ждали только сигнала к началу наступления.

Ненависть ядовитой змеей извивалась в сердце Йена. На сей раз он не намерен был останавливаться, пока не увидит Уоррика Гленкарина бездыханным, но прежде он хотел насладиться страданиями врага, услышать, как он молит о пощаде и призывает смерть, которая бы избавила его от мук.

Йен только что вышел из конюшни, когда к крыльцу подкатила карета. Он уже решил, что это кто-то из его воинов, но на подножке, к его удивлению, появилась Кэссиди.

— Здравствуй, кузина. Поверь, я очень расстроен происшедшим. Но спешу сообщить тебе, что я уже собрал людей и через какой-то час мы выступаем в поход на Гленкарина. Не волнуйся, Арриан будет спасена...

Внезапно он смолк, потому что в этот момент на подножку кареты шагнула сама Арриан. Йен ошарашенно смотрел на нее. Почему-то она казалась странно неуверенной и не поднимала на него глаз. Опомившись, он бросился ей навстречу и прижал к себе.

— Арриан! Слава богу, с тобою все благополучно. Ты вернулась ко мне!

Кэссиди, заметив тоску, мелькнувшую в глазах дочери, поспешила к ней на помощь.

— Йен, не забывай, что ей пришлось много пережить. Она должна отдохнуть и только потом сможет разговаривать с кем-то ни было.

Разжав объятия, Йен заметил, что она и впрямь очень бледна.

— Конечно, моя милая, тебе надо отдохнуть. Не волнуйся ни о чем, скоро мы заставим лорда Уоррика горько пожалеть о том, что он совершил.

Арриан покачала головой:

— Нет, Йен, ты не должен этого делать. Я прошу тебя немедленно, еще до нашего с тобой разговора, распустить людей.

— Арриан, женщинам не стоит вмешиваться в мужские дела. Я поступаю так, как считаю нужным.

— Йен, — вмешалась Кэссиди. — Прошу тебя ничего не предпринимать хотя бы до того, как я переговорю с дедушкой.

— Люди уже рвутся в бой... Ну что ж, постараюсь их на какое-то время задержать.

— Пожалуйста, — Арриан умоляюще взглянула на него. — Я совсем не хочу, чтобы из-за меня пролилась чья-то кровь: я не вынесу этого!

— Когда мы с тобою сможем поговорить? Я хочу выслушать все, от начала до конца. Мне надо знать все.

— Сегодня вечером, после ужина, — сказала она и отошла к матери.

От пристального взгляда Кэссиди не укрылись злость и смутение, вспыхнувшие в глазах ее двоюродного брата. Да, нужно было сделать все, чтобы помешать ему обратить свою злость в

злодейство.

— Йен, тетя Мэри уже здесь? — спросила она.

Йен кивнул, все еще не сводя глаз с Арриан. Наконец он решил, что она изменилась и даже как будто не очень радовалась встрече.

— Да, она здесь. Кстати, Кэссиди, у нас тут неприятности. Дедушка серьезно болен.

Не говоря ни слова, Кэссиди развернулась и легко взбежала на крыльцо. Арриан устремилась за ней. Из холла они направились прямо в комнату Джилла Макайворса, где столпились родственники вождя и созванные Йеном воины.

При виде Кэссиди и Арриан все расступились. Кэссиди с замирающим сердцем приблизилась к кровати. Глаза лорда Джилла были закрыты. Опустившись на колени рядом с ним, Кэссиди ткнулась лбом в измятую постель, потом, взяв в руки горячую сухую ладонь, поднесла ее к своей щеке. Арриан тоже опустилась на колени: она знала, что матери, искренне любившей этого седовласого старика, сейчас как никогда нужна ее поддержка.

— Дедушка, это я, Кэссиди. Я здесь. С безжизненного лица на нее взглянули тусклые голубые глаза, и горячие пальцы сжали ее пальцы.

— Ну вот, — дрожащим шепотом произнес он. — Успел взглянуть на свою любимую внученьку, теперь можно и помирать... Я же им говорил, что не умру, пока не увидаю тебя. Златовласая ты моя красавица, вся в бабушку...

Он слабо улыбнулся и в последний раз глубоко вздохнул, потом воздух с сипением вырвался из его груди. Кэссиди точно знала, когда оборвалась его жизнь, потому что в этот момент рука лорда Джилла выскользнула из ее пальцев и безвольно упала на кровать.

Доктор шагнул вперед и медленно склонил голову.

— Вождь скончался, — сказал он.

Бросая последний взгляд на усопшего, друзья и родные скорбной вереницей выходили из дверей. У смертного одра остались лишь леди Мэри, Кэссиди и Арриан; три женщины, любившие старика, остались, чтобы, поддерживая и утешая друг друга, выплакать свое горе.

Целый день волынки выводили одну и ту же протяжную, заунывную мелодию. Стоя у окна кабинета, Йен глядел на дождевые капли, только что начавшие стучать в стекло. Лицо его, когда он обернулся к брату, было хмуро.

— Послушай, Джейми, кончится когда-нибудь это проклятое завывание или нет? Оно начинает действовать мне на нервы.

Джейми покачал головой:

— Ты же знаешь, это дань уважения.

Йен уселся в кресло и провел рукою по взъерошенным желтым волосам.

— А мне уже казалось, что старик нас всех переживет, — язвительно заметил он. — Оглянись-ка кругом, Джейми, и скажи мне: что ты видишь?

— Дедушкин кабинет.

— Вот и ошибаешься. Он уже не дедушкин. Он мой. Теперь все здесь принадлежит мне, потому что я вождь клана Макайворсов.

— Да, конечно... Но мне очень грустно от того, что наш дед умер, и я пока не могу думать ни о чем другом.

— Только, ради бога, Джейми, не уверяй меня, что ты его любил. Он ведь тебя ни в грош не ставил.

— Знаю, но я всегда уважал его и теперь не представляю, как мы все будем без него жить. А ты, Йен, разве ты не любил его?

— Никогда. Единственное, чего я ждал, — это чтобы он поскорее освободил для меня место. Я с самого начала знал, что стану вождем, и давно уже продумал свою жизнь до мелочей. Я тебе не говорил, что решил жениться на Арриан, когда она еще пешком под стол ходила? Все эти годы я ждал, пока она вырастет. За это время я сто раз мог бы жениться, но мне нужна была самая лучшая жена. Арриан и есть самая лучшая.

Джейми удивленно разглядывал Йена.

— Неужели ты не испытывал к деду никакой благодарности? Ведь он научил тебя всему, что ты знаешь и умеешь, сделал тебя своим наследником.

— Я всему учился сам... А его наследником я был бы в любом случае.

Джейми покачал головой.

— Когда-то я восхищался тобой, Йен. Но теперь я уже не уверен, достоин ли ты того доверия, которое дедушка тебе оказал.

— Признаться, меня мало заботит, уверен ты в этом или нет. Я вождь и не обязан ни перед кем отчитываться. Но, когда мне понадобится твоя помощь, ты, черт возьми, сделаешь все, что я прикажу!

— Я вижу, Уоррик Гленкарин подпортил-таки твои планы, да? Но ведь мы с тобой знаем, почему он это сделал: он должен был расквитаться с нами за Элен. — Джейми помолчал. — Я не жалею, что я на ней женился, — она очень славная и подарила мне прекрасного сына. Но я до сих пор не могу забыть, что взял ее силой. Она этого не заслужила. Йен неприязненно покосился на брата:

— Больно ты стал мягок, как я посмотрю.

— Возможно. Только твоя жесткость мне не по сердцу. Послушай, Йен, не уж то и впрямь дедушкина кончина тебя нисколько не огорчила?

Но Йен уже не слушал его.

— Лорд Уоррик дорого заплатит мне за Арриан. — При одной мыслило том, что злодей мог прикасаться к его Арриан, Йен содрогнулся. — Он будет гореть в аду!

— Но, Йен, твой враг уже отчасти наказан самой судьбой: Арриан с Кэссиди убежали от него, так что его торжество оказалось недолгим.

— Да, он, верно, рассчитывал, что я уже никогда ее не получу... Ну да ничего, я напишу прошение королю, этот так называемый брак объявят недействительным, и мы с Арриан наконец поженимся. Уоррик Гленкарин сам себе вырыл могилу. Ведь на сей раз речь пойдет не о затянувшейся усобице. Арриан Винтер не какая-нибудь бедная шотландская дворяночка, так что гнев короля неминуемо обрушится на его голову.

— Тетя Мэри говорит, что траур по дедушке должен длиться год и в это время не должно быть ни свадеб, никаких других праздников. Видно, с вашей свадьбой придется подождать.

Йен изо всей силы стукнул кулаком по столу.

— Плевать мне на тетю Мэри. Вождь клана я, и теперь всем придется прислушиваться к тому, что скажу я, — я, а не она!

Как ни страшил Арриан предстоящий разговор с Йеном, откладывать его дальше было невозможно. Поэтому, внутренне подготовившись к его упрекам и обвинениям, она решительно толкнула дверь и вышла из комнаты.

Она назначила ему встречу в том самом саду, в котором любила гулять и играть еще девочкой. Когда она подошла, Йен стоял к ней спиной. Жаль, что придется причинить ему новую боль именно сейчас, когда душа его переполнена скорбью по дедушке, подумала Арриан.

— Йен!

Он обернулся:

— Йен, тебе очень тяжело сейчас?

— Ничего, я выдержу. — Он поднес ее руку к губам. — Я думал о тебе.

— Йен, мне очень жаль, что дедушки больше нет. Не знаю, что сказать тебе в утешение. Он опустил глаза:

— Придется нам утешать друг друга, Арриан, ведь он был дорог нам обоим.

— Я знала дедушку не так хорошо, как ты, но всегда любила его и восхищалась им.

— Наш дедушка, Арриан, был человек суровый, хотя ты этого могла и не замечать. Он требовал многого от своих родных, особенно от меня.

— Я знаю, Йен.

— Больше всех нас он любил твою мать. Думаю, он сделал бы для нее все, о чем бы она ни попросила.

— И она его любила, поэтому ей сейчас очень тяжело. Скорее бы уже приехал отец — он один сможет утешить нас всех. Если захочешь, он поможет тебе привести в порядок дела.

— Знай, Арриан, что отныне двери Давиншем ского замка всегда открыты для твоего отца. Я, в отличие от дедушки, питаю к нему глубокое уважение и хотел бы посоветоваться с ним по многим вопросам.

«Наверное, — подумала Арриан, — мы говорим об этом потому, что оба невольно хотим оттянуть решительный момент». Стоя сейчас рядом с Йеном, она ясно понимала, что от ее

девической влюбленности не осталось и следа, но сказать об этом прямо она не могла — зачем заставлять Йена страдать еще больше.

— Йен, — собравшись с духом, заговорила она. — Тебе известно, что я согласилась выйти замуж за Уоррика Гленкарина?

— Да. Но мне также известно, почему ты это сделала: тетя Мэри мне все рассказала. Ты ни в чем не виновата, Арриан. К тому же это ведь не настоящий брак.

— Мне объяснили, что в Шотландии он считается законным.

— Да, но пусть тебя это не волнует: я сам все улажу. — Он заглянул ей в лицо. — Тетя Мэри сказала мне, что в спальне лорда Уоррика ты не была так ведь?

Ей сделалось не по себе.

— Нет, Йен, в спальне не была... — Она низко опустила голову, словно не выдерживая непомерную тяжесть того, что ей предстояло сказать.

Однако Йен приподнял ее подбородок.

— Что-то все-таки случилось, Арриан? Между вами что-то было?

Она глубоко вздохнула:

— Не стану тебя обманывать, Йен. Я уже не девушка.

Прежде чем он отвернулся, Арриан успела увидеть, как его глаза полыхнули яростным светом. Глядя на его поникшие плечи, она испытывала почти непереносимые угрызения совести.

Наконец он обернулся. Лицо его было искажено гневом.

— Мерзавец! Как он посмел посягнуть на то, что принадлежит мне?! Ты должна была достаться мне чистой и нетронутой, как цветок! Я столько лет тебя ждал! Временами я просто изнемогал от страсти, но я терпел, потому что знал: когда-нибудь ты все равно достанешься мне, мне одному.

Арриан понимала, как ему сейчас тяжело: ведь он любил ее, а она его нет.

— Мне очень жаль, Йен.

— Жаль? Тебе жаль?

— Да. Ты говоришь сейчас со мною так, будто я нарочно хотела заставить тебя страдать, но ведь ты понимаешь, что это не так.

— Ты... Да ты должна была покончить с собой, но не позволить заклятому врагу запятнать твое имя!

Арриан не верила своим ушам. Он хотел, чтобы она поступила так же, как бедняжка Гвендолин?!

— В тот момент мне нужно было думать не только о своей жизни, но и о тетиной: ведь она была совершенно беспомощна.

— К черту тетю! От этой надоедливой старухи одни неприятности.

Это было так неожиданно и несправедливо, что Арриан почувствовала непреодолимую потребность защитить леди Мэри.

— Тетя Мэри совсем не...

— Что, Арриан, устоять перед лордом Уорриком духу не хватило, да? Слыхали мы, как женщины млеют перед этим красавцем! Ты, значит, тоже разомлела, да, Арриан?

Она отшатнулась:

— Почему ты задаешь мне такие вопросы?

— Потому что я имею право знать!

Он схватил ее за запястье и притянул к себе.

— Скажи, этот негодяй разжег в тебе пламя страсти? Это должен был сделать я! Я, а не он, слышишь?

— Йен,пусти! — Она попыталась оторвать его пальцы от своего запястья. — Мне больно.

В этот момент на дорожке послышались чьи-то шаги, и он неохотно разжал пальцы.

— Минуты нельзя побыть наедине! Каждый раз, когда мы начинаем с тобой разговаривать, кто-то непременно вмешивается.

К великому облегчению Арриан, между деревьями показалась леди Элен, с которой она познакомилась только сегодня утром. Жена Джейми понравилась ей, разве что показалась чересчур удрученной и молчаливой. Возможно, это потому, что она до сих пор любит Уоррика, подумала тогда Арриан.

— А, Йен, Арриан, это вы! Какой сегодня славный денек, правда? — заговорила Элен, но, заметив посуровевшее лицо Йена, тут же попятилась. — Прошу прощения, вам, наверное, хочется побыть вдвоем...

— Нет-нет, подождите! — Арриан быстро подошла к Элен и взяла ее под руку. — Прости, Йен. Договорим в другой раз. Я слышала, что у вас родился мальчик, — обращившись к своей спутнице, заговорила она. — Хотелось бы мне взглянуть на него.

Жена Джейми сразу повеселела.

— О, он прекрасный малыш и так похож на отца!

Уход, Арриан спиной чувствовала леденящий взгляд Йена. Что ж, его состояние можно было понять: ведь она сама причинила ему страдания, которых он ничем не заслужил.

Леди Элен продолжала увлеченно рассказывать ей о своем первенце, но Арриан слушала вполуха. Сердце ее уже было далеко отсюда, в суровом замке над Северным морем. «Интересно, что сейчас делает Уоррик?» — думала она.

В день, когда Джилла Макайворса хоронили в фамильном склепе, дул южный ветер и легкие облачка в вышине то и дело набегали на солнечный диск. Проститься с вождем пришли сотни членов клана, друзья, родные.

Хотя вождь клана Макайворсов правил силой, а не убеждением, все же за долгие годы своей жизни он снискал любовь и уважение многих.

Обняв одной рукой безутешную Кэссиди, Арриан вслушивалась в заунывную мелодию волынки и думала о том, что со смертью ее дедушки для всех присутствующих закончилась целая эпоха, потому что имя Джилла Макайворса, хотя оно и не вошло в историю, слишком тесно сплелось с судьбами знавших его людей.

Пока священник скорбно перечислял достоинства усопшего, Арриан огляделась. Тетя Мэри, как и Кэссиди, отдалась своему горю; Йен — новый предводитель клана — стоял на почетном месте с низко опущенной головой, удрученный кончиной лорда Джилла. По щеке Джейми Макайворса катились слезы, а Элен, его жена, горько рыдала.

Тут Кэссиди покачнулась, и Арриан пришлось крепче обхватить ее за плечо.

— Мужайтесь, мама. Обопритесь на меня.

— До свидания, дедушка, — тихо сказала Кэссиди. — Мир осиротеет без вас.

Они развернулись и медленно пошли по тропинке в сторону замка. Следом за ними два Макайворса вели еле передвигавшую ноги леди Мэри.

Йен остался стоять на месте, но мысли его были не об усопшем и не о родичах, стоявших чуть поодаль от нового вождя. Провожая глазами Арриан, он думал, что она переменялась к нему. Теперь он получил все, что хотел, — все, кроме Арриан; но он все равно получит ее, чего бы ему это ни стоило!

Слуги бесшумно сновали среди молчаливых гостей, собравшихся в большой столовой Давиншемского замка. Йен уже занял свое законное место во главе стола. По правую руку от него сидела Кэссиди, по левую Арриан.

Наконец все расселись, и новый вождь, на которого смотрели пятьдесят пар глаз, встал с бокалом в руке.

— Я прошу вас выпить вместе со мною за важное событие, происшедшее сегодня в жизни нашего клана. Бразды власти перешли от моего дедушки ко мне, и я хочу заверить вас, что принимаю их в свои руки с уверенностью в будущем и в том, что скоро мы окончательно разобьем своих врагов. Всякое новое поколение несет с собой новые порядки, а потому естественно, что и в нашей жизни грядут большие перемены. Но обещаю вам, что если вы придете ко мне, вождю клана, со своими бедами, то я постараюсь вам помочь.

Кое-кто поднял бокалы, но большинство глаз смотрело на нового вождя почти враждебно. После того как гости пригубили вино, в столовой повисла неловкая тишина.

Арриан медленно жевала, не ощущая вкуса пищи. Ей казалось, что в Йене появилось что-то новое и неприятное, хотя она и не могла пока определить, что именно. Сегодня она словно бы взглянула на него новыми глазами и увидела перед собой маленького человечка, сидящего на стуле большого человека.

По лицу дочери Кэссиди безошибочно прочла ее мысли. Действительно, новоиспеченный вождь говорил надменно и высокопарно. Ее дочери, с детства привычной к спокойной скромности отца, такая демонстрация своей власти должна была показаться неуместной.

В этот момент леди Мэри с трудом — потому что нога ее еще болела — поднялась из-за стола, и все взгляды обратились к ней.

— Я тоже хочу поднять бокал, но не за моего племянника, который только-только стал вождем клана и еще не успел проявить своих достоинств, а за моего отца, который проявлял их десятки раз, — сверкнув глазами, сказала она. — Леди и джентльмены, я прошу вас почтить память Джилла Макайворса. Это был человек на голову выше всех остальных. Враги боялись его, родные любили. Нам всем будет его не доставать.

В тот же миг в столовой стало шумно, гости, все как один, поднялись и выпили вино. Леди Мэри, однако, лишь пригубила свой бокал, после чего, оставив его, сказала:

— А теперь прошу меня извинить, мне надо отдохнуть после тяжелого дня.

Когда она покидала столовую, ей вслед смотрели пятьдесят пар изумленных глаз: все понимали, что ее уход в такую минуту — пощечина Йену Макайворсу.

Кэссиди отложила салфетку и тоже встала.

— Извини меня, Йен. Я должна позаботиться о тете Мэри. Ей сегодня тяжелее, чем всем нам.

Глаза Йена вспыхнули гневом. Он рассчитывал показать каждому, кто явится на поминки, что к власти пришел настоящий вождь, но гости уже один за другим вставали из-за стола и удалялись. Теперь он, конечно, понял, что поспешил со своей тронной речью, но было уже слишком поздно что-то исправлять.

Несколько минут спустя за столом, кроме него, остались только Джейми, Элен и Арриан.

— Кажется, мне придется вкушать десерт в полном одиночестве, — процедил Йен, пытаясь унять кипящую в груди ярость.

— Тебе не надо было так говорить, — укоризненно произнес Джейми, почти никогда не поднимавший голоса против брата. — Друзья и родные собрались здесь сегодня, чтобы последний раз воздать дань уважения нашему деду, и не следовало так поспешно напоминать им, что ты новый предводитель рода.

Арриан взглянула на леди Элен, сидящую с красным, опухшим от слез лицом, и сердце ее исполнилось сочувствием. «Жена Джейми очень несчастлива, — подумала она. — Неужели она до сих пор тоскует по Уоррику?»

Йен поднялся из-за стола.

— Хорошо хоть ты не покинула меня, Арриан. Пойдем в библиотеку, нам с тобой о многом надо поговорить.

— Не сегодня, Йен. Мы только что похоронили дедушку, и горе еще слишком велико, чтобы я могла думать о чем-то другом. Мне хочется побыть одной.

— Вот как! Будущая супруга и та упрекает меня! Вот пусть она и поучит меня хорошим

манерам, чтобы в другой раз я проявлял поменьше настойчивости!

Не успела Арриан ответить, как он схватил ее за запястье и вытащил из-за стола. По коридору они шли молча, и, лишь когда дверь библиотеки затворилась за ними, Арриан гневно заговорила:

— Я не привыкла терпеть такое обращение, Йен! И потом, я, кажется, ясно сказала: «Сегодня я не стану ни о чем с тобой говорить».

На его щеках заходили желваки.

— А будь я вождем Драммондов, а не Макайворсов, ты стерпела бы такое обращение?

Изумленной Арриан показалось, что она ослышалась.

— Уверю тебя, Йен, к Уоррику это не имеет никакого отношения. Йен резко обернулся:

— Ах, вот как? Ты уже называешь его по имени? Любопытно знать: он силой затащил тебя в свою постель или ты сама с ним легла?

— Да как ты смеешь?

— Я знал, знал, что он завладеет тобою — хотя бы для того, чтобы нанести удар мне! И на сей раз ему это удалось, Арриан.

— Йен, мне жаль, что я заставила тебя страдать. И единственное, что я могу в таком случае сделать, — это попросить у тебя прощения.

Он взял ее за плечи и притянул к себе.

— Ни один мужчина еще не любил женщину так, как я тебя. Знаешь, сколько времени я дождался тебя? И ты думаешь, что после этого я соглашусь тебя отпустить? Ну уж нет!

Она попыталась вырваться.

— Я не вещь, Йен, а ты мне не хозяин, чтобы распоряжаться мною как собственностью.

Взгляд ее горел таким негодованием, что Йен тут же ее отпустил. Он представлял себе этот разговор совсем иначе.

— Теперь я должен просить у тебя прощения, Арриан. Во всем виновата моя горячность и моя любовь к тебе. Будь же милосердна к тому, кому пришлось немало выстрадать.

— Я знаю, что тебе тяжело, — мягко сказала она. — Не будем больше об этом, Йен. Все мы ведем себя сейчас не лучшим образом, потому что наши сердца переполнены скорбью.

— Да, теперь никто не знает, как быть и что делать дальше. Потому-то я и попытался сразу заявить о своих намерениях. Люди должны знать, что на смену дедушке пришел вождь, способный держать клан в руках.

Арриан стало жаль его. Все-таки на него свалилась огромная ответственность, к которой дедушка, вероятно, не успел его подготовить.

— Всеу свое время, Йен. Когда боль утраты немного поутихнет, люди обратятся к тебе и

выслушают все, что ты им скажешь.

— С тобой, Арриан, я мог бы править хоть целым миром. Я знаю, что в последние годы клан Макай-ворсов частично распался, но усилием духа и воли я сумею сплотить его вновь.

В глазах его горел вдохновенный огонь, и Арриан стало грустно оттого, что ему никогда не удастся воплотить свою мечту в жизнь.

— Многие из твоих людей уже разъехались, Йен. Тетя Мэри как-то говорила мне, что Макайворсы теперь живут по всей Шотландии, а некоторые в поисках лучшей жизни добрались уже до самой Америки. Она говорит, оставаться здесь они не могут — земля уже не способна прокормить их всех, как прежде.

— Мало ли что говорит тетя Мэри! Я намерен дожить до того дня, когда Макайворсы победят своих врагов и разорвут ненавистные оковы Англии. Скоро уже наш славный род обретет былую силу и величие!

Все это было так далеко от здравого смысла, что Арриан пожала плечами.

— О чем ты, Йен? Ты же прекрасно понимаешь, что это уже невозможно.

— Неужто шотландская кровь в твоих жилах не восстает против английского засилья? — вспыхнул он.

— Йен! Я англичанка, и прошу тебя не забывать об этом, когда говоришь о ненавистных оковах.

Йен попробовал подойти с другого конца:

— Но разве тебе не хочется швырнуть на колени Уоррика Гленкарина, этого зазнавшегося гордеца, и заставить его молить о пощаде?

— Нет, Йен. Я хочу лишь одного: чтобы это дело как можно скорее уладилось. Драммонды, в отличие от Макайворсов, до сих пор сильны числом и сплоченностью, и все как один преданы своему вождю. И если, паче чаяния, между вами опять разгорится война, тебе не победить их, Йен. Единственное, чего ты можешь добиться, — это навлечь на свою голову гнев короля Уильяма, и тогда добра не жди.

Но Йен как будто не слышал или не хотел ее слышать.

— Скажи мне прямо, ты собираешься расторгать свой мнимый брак с лордом Уорриком?

— Да, но не сейчас.

Йен отошел от нее и отвернулся к окну.

— Конечно, Арриан, пока что тебе еще слишком тяжело. Я дам тебе время прийти в себя, и тогда мы поговорим обо всем еще раз.

— Доброй ночи, Йен, — сказала Арриан и шагнула к двери.

Он не ответил и не обернулся.

Выйдя из библиотеки, Арриан, однако, направилась не в свою комнату, а в сад: после разговора

с Йеном ей хотелось побыть на свежем воздухе. Давиншемский замок за многие годы не утратил своего величия. Старый лорд Джилл до конца жизни продолжал пополнять свое состояние. Как и Уоррик, он тратил много денег на приобретение скота, но, в отличие от вождя Драммондов, охотно отпускал своих людей на чужбину, чтобы использовать освобожденные земли под пастбища.

Прогуливаясь по темной садовой дорожке, Арриан вспоминала другой замок, стоявший на гранитном утесе... Конечно, мрачноватый Айронуорт значительно уступал Давиншемскому замку в величии, потому что его хозяин ставил превыше всего интересы своих людей, жителей суровой и прекрасной долины. Сквозь ветви раскидистой сосны проглядывали первые звезды. Мелькнула мысль: быть может, Уоррик стоит сейчас под этим же небом, смотрит на эти же звезды и думает о ней? Впрочем, думает ли он о ней?..

Арриан закрыла глаза, и тотчас же в памяти, сменяя одна другую, начали тесниться картины: Уоррик, верхом на Тайтусе, едет по вересковым холмам; Уоррик, с развевающимися на ветру волосами, стоит на берегу и смотрит в морскую даль...

Сердце Арриан защемило от тоски. Она не жалела, что встретила Уоррика: без него она, возможно, так и не узнала бы, что такое любовь. Но ей было горько оттого, что судьба так безжалостно раскидала их по разные стороны вековой ненависти.

Постепенно все становилось на свои места, и Арриан все яснее понимала, чего она хочет. Дойдя до крыльца, она с тяжелым сердцем поднялась по ступенькам и шагнула на порог. Да, ее душа рвалась домой, в Англию. В Шотландии ей больше нечего делать.

Хадди поставила перед лордом Уорриком дымящуюся лососину, но он оттолкнул тарелку и потянулся за бутылкой бренди.

— Милорд, разве можно без конца пить да пить, и все без закуски?

— Не дразни гусей, Хадди! Я уже вырос, и нянька мне не нужна.

— А то я не знаю, чего нужно мужчине, когда он рычит и чуть не бросается на тех, кто хочет ему помочь, — усмехнулась экономка. Уоррик презрительно фыркнул:

— С каких это пор ты стала так хорошо разбираться в мужчинах?

Миссис Хаддингтон нимало не смутилась.

— Да уж было время разобраться. Барра, поди, не в капусте отыскалась, а у нее, милорд, если вы помните, есть еще четыре брата... Да, у меня был хороший муж, пока его лодку не унесло в море.

Уоррик плеснул себе еще бренди.

— Мне, Хадди, нужно только одно: напиться до бесчувствия, чтобы глупые мечты не лезли в голову. Взгляд миссис Хаддингтон погрустнел.

— И не мечтайте, милорд, не вернется она к вам. Она не для вас, и вы знали это с самого начала.

— Ты это точно знаешь, Хадди? — Он осушил бокал и налил себе еще. — А вот я не знаю.

— Сперва, когда мне сказали, кто она такая, она мне не понравилась. Но потом я присмотрелась к ней получше и увидела, что душа у нее добрая. Сказать по правде, милорд, эта девушка чересчур хороша для вас или для Йена Макайворса.

Взгляд Уоррика начал уже затуманиваться, но он снова налил себе бокал и выпил.

— Благодаря ей я осознал, что жил до сих пор без цели и без смысла и что ненависть скоро совсем сожрет мою душу, и я стану уродом! Да, для меня, такого, Арриан чересчур хороша — это ты верно заметила, Хадди.

Экономка кивком подозвала к себе дочь, и вдвоем они с трудом оторвали Уоррика от стула. Сгибаясь под непосильной ношей, они медленно двинулись к двери столовой.

— Вечно этого Мактавиша где-то носит, когда нужна его помощь, — пробормотала Хадди себе под нос.

— Куда вы меня ведете? — спросил Уоррик, волоча непослушные ноги.

— Вы, милорд, хлебнули лишнего, да и напились с непривычки, — проворчала Хадди точно таким же тоном, каким ворчала когда-то на маленького расшалившегося Уоррика. — Куда, куда... В постель мы вас ведем!

Оттолкнув от себя женщин, Уоррик неверными шагами вернулся в столовую и прихватил со стола бутылку. И хотя добраться до лестницы и особенно взойти по ней стоило ему немалых усилий, больше он не позволил себе помогать.

— Отойдите! Справлюсь без вас. Мать и дочь обменялись взглядами.

— Ох, мама, боюсь, что от этого удара он уже не оправится. Макайворсы поразили его в самое сердце.

— Нет, детка, это не Макайворсы. Эту рану он нанес себе сам.

— И зачем только он отпустил леди Арриан?

— А разве можно силой заставить женщину себя полюбить? Осталась бы она здесь — было бы еще хуже: ведь от ее холодности он ходил сам не свой.

Выронив бутылку, Уоррик без сил упал на кровать.

— О черт! Арриан, куда мне деться от твоих глаз? Каждую ночь я просыпаюсь с твоим именем на устах... Спасти меня можешь только ты. Без тебя я не в силах справиться с пожирающей меня тоской...

Глава 22

После похорон Джилла Макайворса прошла уже неделя, почти все гости разъехались по домам, и в Давиншемском замке воцарилось уныние.

Кэссиди и Арриан подсказывали лакеям, какие сундуки и в каком порядке грузить в тетину карету. Леди Мэри, в сопровождении своей служанки и семи верховых, отбывала сегодня в Англию.

— Не могу дождаться, когда эти сборы, наконец, закончатся, — проворчала она и взглянула на Кэс-сиди. — И вам с Арриан не мешало бы уехать вместе со мной.

— Нам сперва придется решить здесь кое-какие вопросы, — отвечала Кэссиди, плотнее укутывая тетушкины ноги. — К тому же мы все равно не можем уехать, не дождавшись Рейли с Майклом.

— Да, твоих мужчин ждет неприятный сюрприз. Они ведь думали попасть на свадьбу, а получилось... Впрочем, что получилось, о том лучше не думать, — заключила леди Мэри и, наклонившись вперед, поцеловала Арриан. — Возвращайся-ка ты, милая, в Англию. Здесь, как видишь, тебе делать нечего.

— Я скоро приеду, — покорно сказала Арриан. Кэссиди прижалась щекой к тетушкиной щеке.

— Мы толькождемся Рейли. Но, может быть, вы тоже хотите вернуться на яхте вместе с нами?

— Ни за что! Ноги моей больше не будет на корабельной палубе! Лучше уж тащиться до Лондона своим ходом.

Подошел Йен.

— Мы будем скучать по вас, тетя Мэри, — сказал он.

Особой теплоты в его тоне леди Мэри не заметила, да, впрочем, и не рассчитывала на таковую.

— Теперь, когда моего отца больше нет, вряд ли я уже соберусь посетить Шотландию.

— Не зарекайтесь, — сказал Йен, беря Арриан за руку и притягивая ее ближе к себе. — Возможно, вы еще захотите проведать не меня, так свою любимую племянницу.

Леди Мэри взглянула на застывшую Арриан и поспешила сгладить неловкость.

— Полагаю, она сама решит, уехать ей или остаться, — сухо произнесла она.

Карета дернулась и покатила по дороге. Пока она не скрылась из виду, Арриан с Кэссиди махали ей вслед.

— Дом словно пустеет всякий раз, когда тетя Мэри уезжает, — вздохнула Арриан. — Я уже начинаю по ней скучать.

— В ней есть внутренняя сила, — сказала Кэссиди. — Поэтому ее присутствие всегда ощутимо для окружающих.

— А по мне, она просто склочная и надоедливая старуха, — заметил Йен.

Арриан невольно отодвинулась от него и встала рядом с матерью.

— Если она кажется тебе такой надоедливой, зачем же ты приглашал ее приезжать?

Йен, которого неожиданно приперли к стенке, досадливо поморщился:

— Просто из вежливости.

— Мама, как вам кажется, скоро ли приедет отец?

— Думаю, он уже должен быть здесь со дня на день.

Йен озабоченно сдвинул брови:

— Уверен, что его светлость со мною согласится: брак между Арриан и лордом Уорриком должен быть расторгнут как можно скорее, и я уже предпринял кое-какие шаги в этом направлении.

— Ты не имел права этого делать, — вспыхнула Арриан. — Впрочем, думаю, нам лучше отложить обсуждение этого вопроса до приезда отца.

— О, разумеется. А теперь, если дамы меня извинят, я должен заняться делами. Наш дедушка не очень-то любил возиться с бумагами, и я вот уже несколько дней пытаюсь привести в порядок его счета. Увидимся за ужином.

Арриан через силу заставила себя улыбнуться и направилась в дом. Поднимаясь по каменным ступенькам крыльца, она размышляла о том, почему присутствие Йена кажется ей все более и более неприятным. Теперь, чем бы ни закончился ее злополучный брак с Уорриком, она уже точно знала: женою Йена она не станет никогда.

Следующее утро Арриан и Кэссиди посвятили верховой прогулке. По дороге назад одна из лошадей захромала, и, вернувшись домой, обеспокоенная Кэссиди осталась в конюшне, чтобы вместе с конюхом выяснить, в чем дело.

Был прекрасный солнечный денек, и Арриан не хотелось сразу возвращаться домой. Толкнув калитку, она вошла в сад и тут же оказалась среди буйного весеннего многоцветья.

Арриан уже прошла несколько шагов по дорожке между розовых кустов и наклонилась над полураспустившимся бутоном, чтобы вдохнуть его аромат, когда ей почудилось, что где-то в глубине сада плачут. Прислушавшись и определив, с какой стороны доносится звук, Арриан двинулась дальше и вскоре вышла к увитой виноградом беседке. В ней, закрыв лицо руками, всхлипывала леди Элен.

Арриан поднялась по ступенькам в беседку.

— Что-нибудь случилось? Быть может, я могу вам помочь? — протягивая Элен носовой платок, спросила она.

Леди Элен покачала головой:

— Я просто несчастна и одинока, и, боюсь, тут уже ничем не поможешь.

— Я хотела бы быть вашим другом, Элен, — тихо сказала Арриан. — Доверьтесь мне, возможно, это принесет вам облегчение.

Элен вытерла глаза.

— Скажите, верно ли, что вы не по своей воле вышли за лорда Уоррика?

— Да, это так.

— Вот и мне, как и вам, пришлось выйти замуж поневоле. Я ведь должна была стать женою лорда Уоррика, вы знаете об этом?

— Да, знаю. И теперь вы плачете оттого, что все еще любите его?

— О нет! — чуть ли не испуганно произнесла Элен. — Я вовсе не люблю и не любила лорда Уоррика, скорее боялась. Мы с ним и знакомы-то почти не были, виделись только раз. При встрече он поразил меня своей смуглостью и угрюмым выражением лица: видимо, он радовался предстоящему браку не больше моего.

— Но ведь вы же дали свое согласие на брак — значит, испытывали к нему какие-то чувства.

— На брак соглашался мой отец, а не я. К тому моменту, когда нас с лордом Уорриком познакомили, все уже было решено. Помню, я тогда думала о том, что вот передо мною стоит такой красавец, мой будущий муж, но никак не могла заставить себя взглянуть ему в глаза. Они у него такие холодные и такие необычные, вы не находите?

Арриан вспомнились холодные серебристые глаза, но тут же вспомнилось, как они теплели и загорались страстью.

— Да, очень необычные, вы правы.

— Вам, вероятно, тоже бывало от этого не по себе, Арриан?

— Возможно, но все это уже позади. — Арриан все больше жалела несчастную Элен, которую все стремились использовать в своих целях. — Но поговорим лучше о вас и о том, почему вы так несчастливы сейчас. Вы не любите лорда Уоррика, значит, вы плачете оттого, что вам пришлось выйти за Джейми, да?

— Джейми я увидела впервые, когда он вместе с товарищами напал на мою карету. Когда они преградили нам путь и остановили обоих верховых, я страшно перепугалась. Помню, моя служанка тут же лишилась чувств, и только сестра, ехавшая со мною вместе, пыталась, как могла, помешать похитителям.

— Они увезли только вас?

— Да. Джейми посадил меня в седло впереди себя и пустил коня вскачь. Я кричала, звала на помощь, но спасти меня было некому.

— Зачем же вы тогда согласились выйти за него замуж? Ведь не может же быть, чтобы после этого вы полюбили его.

— Да, сначала он мне совсем не нравился, но когда Йена нет с ним рядом, Джейми делается другим человеком. Став его женой, я полюбила его вот только он ко мне по-прежнему равнодушен.

— Но вы подарили ему сына. Неужели и после этого ничего не изменилось?

— Джейми очень гордится Патриком, однако это совсем не значит, что он любит меня. Арриан задумчиво смотрела на нее.

— Значит, вы любите его. Тогда почему бы вам не завоевать его сердце? Раз уж жизнь ваша волей-неволей навек связана с супругом, так заставьте его хотя бы восхищаться вами.

— Увы, я ведь не так красива и умна, как вы, Арриан. И потом, я часто плачу, а это всякий раз выводит Джейми из себя.

Разглядывая свою собеседницу, Арриан отметила, что ее густые каштановые волосы расчесаны и уложены кое-как и что ей надо позаботиться о цвете лица и как следует продумать свой гардероб. Так, сегодняшнее платье леди Элен совершенно не шло ей и скорее годилось для почтенной вдовы, чем для молодой — всего пятью годами старше Арриан — женщины.

— У вас вполне привлекательная наружность, — сказала Арриан. — Но если вас к тому же как следует одеть и причесать по-другому, вы станете просто красавицей.

— Вы думаете? — Элен неуверенно взяла Арриан за руку. — А вы не поможете мне?

— Конечно, помогу! Ведь у нас с вами столько общего, и мы обе должны искать выход из создавшегося положения.

Элен доверчиво смотрела на нее.

— А что для этого надо сделать?

— Прежде всего подобрать подходящую прическу. Далее, каждое утро вам придется вместе со мной и моей мамой выезжать на верховую прогулку. Это прекрасное занятие, оно даст вам возможность больше двигаться, к тому же на свежем воздухе. Вот увидите, скоро верховые прогулки войдут у вас в привычку и цвет вашего лица сам собою улучшится. Не забывайте, что всякий мужчина мечтает гордиться красотой и талантами своей жены.

— Но мне не нравится ездить верхом.

— Если вы намерены завоевать сердце своего супруга, то вам придется делать еще много такого, что вам не нравится. Главное: что бы он вам ни говорил и как бы вы себя при этом ни чувствовали, вы не должны плакать в его присутствии, лучше уж уходите куда подальше и лейте слезы в одиночестве. Далее, не следует позволять ему свободно располагать вами во всякий момент: иногда полезно и лишать его своего общества. Скажите, вы любите читать?

— О нет! Терпеть не могу.

— Я выберу для вас несколько своих любимых книг, и, хотите вы этого или не хотите, вам придется их прочесть. Женщине никогда не лишне знать больше мужчины, тем более что Джейми, как мне кажется, глубокими познаниями не блещет.

Элен прыснула, в глазах ее заплясали веселые огоньки.

— Я буду делать все, что вы скажете. Мне так хочется, чтобы Джейми меня полюбил!

— Он полюбит вас, — пообещала Арриан. — Один мужчина бессилен против двух женщин... Точнее, против трех, потому что я постараюсь привлечь к этому делу и свою мать.

— Неужели это возможно? Я всегда так люблю ее светлостью!

— Я уверена, мама лучше всех сумеет вам помочь. В светло-голубых глазах леди Элен зажглась надежда.

— Я буду делать все-все, что вы мне скажете. Я согласна даже ездить верхом и читать книги, если это поможет мне покорить Джейми.

Элизабет, под наблюдением Арриан и Кэссиди, ловко уложила темно-каштановые пряди вокруг головы леди Элен и закрепила их тремя перламутровыми гребнями.

— Не забывайте каждый вечер очищать лицо кремом, миледи. Крем для вас я сделала такой же, какой готовлю для леди Арриан. Видите, какая у нее чистая нежная кожа?

Встав перед зеркалом, Элен осмотрела себя со всех сторон. Арриан подарила ей несколько своих платьев, и Элизабет уже выпустила их в талии. Конечно, до конца траура Элен могла носить только черное, но к черному платью Арриан подобрала белый кружевной воротничок, весьма выгодно его освежавший.

— По-моему, ты просто восхитительна, — сказала Арриан. За короткое время заговорщицы сблизилась и теперь обращались друг к другу без формальностей. — Джейми будет сражен.

— Знаешь, Арриан, я сделала все, как ты советовала. Вчера вечером, когда Джейми уже собрался спать, я сказала ему, что задержусь в библиотеке, и поднялась в спальню только после полуночи.

Арриан улыбнулась:

— И как он к этому отнесся?

— Надулся, как мальчишка. Но зато, когда я пришла и легла с ним рядом, он еще не спал, ждал меня. Он спросил, что я читала, и я сказала: «Географию Европы». Тогда он стал задавать мне самые разные вопросы, и — представляешь? — я на все ответила! Вообще, кажется, чтение мне уже понемногу начинает нравиться.

— Я рада.

— Раньше, Арриан, Джейми по утрам всегда уходил к Йену. Но сегодня он, против обыкновения, поднялся в детскую, долго играл с ребенком, а потом еще остался поговорить со мной.

Кэссиди с улыбкой смотрела на дочь. Хорошо, что Арриан взялась помочь Элен наладить супружеские отношения. Участие в чужих делах развлекало ее и хотя бы на время помогало забыть перипетии собственной судьбы.

Больше всего Арриан страшили вечера, когда после ужина семейство перебиралось в гостиную. Йен всякий раз при этом стремился увлечь ее в сторонку. Вот и сегодня он сел рядом с нею и по-хозяйски обнял ее за плечи.

— Как сегодня прошел день, Арриан?

— Хорошо. Утром мы с мамой и Элен ездили на верховую прогулку, а после обеда долго гуляли по окрестностям.

— Я хочу устроить бал в твою честь, показать тебя всем соседям. Что ты думаешь насчет бала-маскарада?

Представив себе смотрины перед соседями, Арриан нахмурилась.

— Думаю, что негоже устраивать праздники так скоро после дедушкиных похорон.

— Да, вероятно, ты права. — Он немного помолчал. — Тогда как же тебя развлечь?

— Меня не нужно никак развлекать, Йен. Я дождусь папиного приезда и вместе с ним вернусь в Англию, вот и все.

— Но я не хочу, чтобы ты уезжала. — Он крепко сжал ее руку. — Ты обещала выйти за меня замуж, и я не собираюсь так просто освобождать тебя от данного слова, Арриан. — Он поднес ее руку к губам. — Что бы там ни было, ты принадлежишь мне!

— Пусти, Йен! — Арриан попыталась вырвать руку, и он неохотно ее отпустил.

— Арриан, ты все-таки должна сказать, как ты ко мне относишься. Я долго ждал и не задавал тебе этого вопроса, но, в конце концов, имею я право это знать?

— Имеешь, Йен. Я понимаю, что это жестоко с моей стороны, но я вынуждена сказать тебе, что еще не разобралась в своих чувствах.

— Помнится, прошлым летом ты разбиралась в них гораздо лучше.

— Боюсь, что мне только так казалось. Теперь я уже неуверена, подходим ли мы с тобой друг другу. Тебе, Йен, нужна жена, которая бы разделяла твои интересы.

— Мне нужна ты!

— Дай мне время, Йен. Я отвечу тебе, как только смогу.

— Смотри же, Арриан, — сверкнув глазами, сказал он, и в тоне его ей почудилась смутная угроза. — Не заставляй меня ждать слишком долго. Мне нужна семья, и мне нужна ты.

К счастью для Арриан, в этот момент в разговор вмешалась Элен:

— У меня приятная новость: Джейми согласился взять меня в Эдинбург. Мы поедем на целую неделю, вдвоем, только я и он, представляете?

Йен мрачно взглянул на невестку:

— В последнее время он что-то совсем обабился, Элен. Скоро ты, кажется, посадишь его за вышивание.

Арриан с улыбкой похлопала Элен по руке и шепнула ей на ухо:

— Поздравляю. Если уж Йен заметил перемены, значит, ты и впрямь делаешь успехи.

— Арриан, погуляем немного в саду? — к вящему неудовольствию деверя предложила Элен. — Я хотела бы кое о чем с тобой поговорить.

Арриан, радуясь предлогу ускользнуть, сделала вид, что не замечает досады Йена.

— Конечно. Надеюсь, Йен, ты извинишь нас, — скороговоркой выпалила она и, не дожидаясь ответа, удалилась под руку с Элен.

Когда они ступили на садовую дорожку, освещенную бледным лунным светом, Элен заговорила:

— Я побоялась, что к моему возвращению из Эдинбурга ты уже уедешь и я не успею сказать тебе, что должна сказать.

Арриан удивленно вскинула на нее глаза:

— Я буду скучать по тебе, Элен, мы ведь теперь с тобой подруги. Что же касается Джейми, то, по-моему, со временем он станет тебе прекрасным супругом.

— Да, я тоже начинаю в это верить. Но речь сейчас не о том. Прежде всего, скажи мне, что ты чувствуешь к Йену.

Вопрос застал Арриан врасплох.

— Не знаю... За последнее время столько всего произошло, что сейчас я просто не в состоянии разобраться в себе.

— Не сочти меня навязчивой, но, наблюдая за тобой, я пришла к выводу, что ты любишь лорда Уоррика.

Арриан, не ожидавшая от Элен такой пронизательности, замедлила шаг.

— Откуда ты это взяла?

— Ниоткуда, просто наблюдала за тобой — и все. Рядом с Йеном ты выглядишь такой несчастной. Вот почему я решила рассказать тебе то, что мне известно о сестре лорда Уоррика. Джейми поведал мне это под большим секретом, так что ты уж, пожалуйста, не выдавай меня Йену.

— Разумеется, не выдам. Ты хочешь сказать, что леди Гвендолин не бросалась с лестницы?

— Нет, не бросалась. Она упала случайно — хотела вырваться от Гавина Макайворса и, пока они боролись, оступилась и разбилась насмерть. Лорд Гавин тогда уговорил Макайворсов объявить ее родне, что леди Гвендолин покончила с собой. Позже сам Гавин Макайворс был убит при загадочных обстоятельствах. До сих пор не выяснено, кто убийца, хотя оружие известно: кинжал леди Гвендолин. Согласись, это довольно странно. Одни говорят, что с Гавином расправился призрак леди Гвендолин, другие подозревают лорда Уоррика...

— Будь то Уоррик, вряд ли бы он стал это скрывать — ведь он считал бы свою месть справедливой.

— Вот и Джейми думает, что это не он.

Сердце Арриан тревожно заколотилось в груди. Уоррик должен знать, что его сестра не самоубийца! Он хотел, чтобы ее тело покоилось в Айронуорте. Что ж, пусть она бессильна изменить свершившееся, все же она постарается вернуть останки леди Гвендолин брату. Возможно, это хоть немного облегчит груз его ненависти.

— Спасибо, что рассказала мне об этом, Элен. Я уверена, скоро ты будешь счастлива с Джейми и малышом.

— Я уже счастлива, Арриан. Я хорошо помню момент, когда я впервые осознала, что люблю Джейми. Это было так странно. Уже несколько дней я чувствовала по утрам недомогание, но не могла понять, в чем дело. Я сказала об этом Джейми — и он сразу же догадался, что у нас будет ребенок. Росток любви в моей душе казался сначала таким маленьким, но с каждым днем он подрастал и становился все больше...

Арриан уже не слушала Элен. Ноги ее вдруг подкосились, так что ей пришлось ухватиться за садовую калитку. Каждое утро, вот уже несколько недель, ее подташнивало, но она объясняла это душевными переживаниями последних месяцев. Сегодня утром она почувствовала себя еще хуже, чем в предыдущие дни... А что, если у нее будет ребенок от Уоррика?

Ей вдруг отчаянно захотелось плакать или кричать, но она все же заставила себя обернуться к Элен.

— Желаю вам с Джейми приятной поездки, — пробормотала она и, чмокнув Элен в щеку, быстрыми шагами пошла обратно к дому.

Войдя, она миновала гостиную, где ждал ее Йен, торопливо поднялась по лестнице и направилась прямо в свою комнату.

Арриан никак не могла дождаться матери. Каждый вечер Кэссиди заходила к ней поговорить перед сном, но сегодня ее не было особенно долго. Арриан плеснула воды из кувшина. Сегодня ей было не по себе, кружилась голова и тошнота подступала к горлу.

Наконец дверь скрипнула, и в комнату вошла Кэссиди. Расстегнув замочек сверкающего ожерелья, она досадливо бросила его на туалетный столик дочери.

— Мне кажется, я не вынесу больше этих тоскливых вечеров. Без дедушки Давиншем стал совсем другим. Не понимаю, почему твой отец так долго не едет?

— Мама, пожалуйста, сядьте рядом со мной. Мне нужно с вами серьезно поговорить.

— Опять Йен, да? Я вижу, что он требует от тебя немедленного ответа, но, право, не знаю, чем можно его утешить. Что мы можем сказать ему?

— Нет, мама, я не об Йене. — Арриан теребила концы своего пояса. — Скажите, как женщина узнает, что она ждет ребенка?

— Ну, поначалу можно и ошибиться... А что, Элен подозревает, что она снова беременна?

— Нет, мама. Не Элен.

Побледневшая Кэссиди долго молча смотрела на дочь, потом положила руку ей на лоб, проверяя, нет ли жара.

— Что с тобой, доченька? Ты плохо себя чувствуешь?

— Уже некоторое время по утрам мне бывает нехорошо, но после завтрака все как будто проходит. Я не говорила вам, потому что не придавала этому значения.

— Может быть, ты заболела?

— Мама, есть и другие признаки, но я не задумывалась о них, пока Элен не заговорила сегодня о своем недомогании во время беременности. — Арриан проглотила подступивший к горлу ком. — Мама, у меня что, будет ребенок от Уоррика, да?

В глазах Кэссиди блеснули слезы.

— О нет, только не это! — пробормотала она, прижимая дочь к груди. — Будем надеяться, что

это не так! На твою долю и без того уже выпало немало испытаний.

Арриан представила себя матерью его ребенка, и на ее губах вдруг расцвела лучезарная улыбка.

— Но мама, что же в этом плохого, если у меня родится ребенок? Ведь по закону я жена Уоррика. Кэссиди недоверчиво покачала головой:

— Я не понимаю: ты что, этому рада?

— Я сама поняла это только сейчас. Кэссиди, которая от волнения не могла усидеть на месте, встала и начала ходить по комнате.

— Почему-то мысль об этом до сих пор не приходила мне в голову.

— Ах, мама, ведь это значит, что частичка Уоррика всегда будет со мной. Как вы думаете, он обрадуется, когда узнает?

Пытаясь успокоиться, Кэссиди прислонилась лбом к холодной мраморной доске камина. Скорее бы уж приехал Рейли и помог ей распутать этот невообразимый клубок. Впрочем, и без Рейли было ясно: Арриан действительно любит Уоррика Гленкарина.

— Доченька моя, возможно, наши подозрения еще не оправдаются.

Но Арриан с улыбкой протянула к ней руки:

— Порадуйтесь за меня, мама, потому что я очень счастлива.

— Как я могу радоваться тому, что принесет тебе лишь новые страдания, — сказала Кэссиди вслух, про себя же подумала, что, кроме страданий Арриан, им предстоит еще тяжелое объяснение с Йеном, к тому же неизвестно, как сам лорд Уоррик отнесется к своему неожиданному отцовству.

Словом, страсти в Давиншеме накалялись все сильнее, и Кэссиди молила Бога, чтобы Рейли приехал раньше, чем грянет гром.

Глава 23

Солнце уже клонилось к горизонту, но Арриан не думала о времени. Как всегда, когда на душе у нее бывало беспокойно, она решила отправиться на прогулку. Пройдя по тропинке вдоль стены замка, она задержалась возле большого фонтана, украшенного статуей купидона. На плечах у купидона восседали два целующихся попугайчика. «Интересно, — подумала она, — кому из Макайворсов пришло в голову воздвигнуть такую безвкусицу? Во всяком случае, не прадедушке: Джилл Макайворс никогда не отличался чрезмерной слащавостью».

Вздохнув, Арриан вернулась к своей тропинке и к своим невеселым размышлениям. Она уже не сомневалась, что у нее будет ребенок, и следовало бы сообщить об этом Йену. «Но как лучше это сделать?» — думала она, с тоской глядя в небо. Единственное, что она знала совершенно точно, — это что разговор должен происходить без свидетелей:

Когда вдалеке показалась фигура Йена, Арриан невольно замедлила шаг. Он направлялся на псарню и, по всей видимости, не заметил ее.

«Что ж, — собравшись с духом, решила Арриан, — я скажу ему о ребенке сегодня. Возможно, тогда ему придется примириться с тем, что им уже никогда не быть вместе. В самом деле, зачем ему добиваться женщины, которая носит под сердцем ребенка его заклятого врага — Уоррика Гленкарина?»

Лишь когда она дошла почти до самой псарни, Йен наконец заметил ее и улыбнулся.

— Сука гордон-сеттера Амбра, дедушкина гордость, оценилась сегодня ночью. Впрочем, нет, — тут же поправился он. — Амбра уже не дедушкина гордость, а моя. Пора отвыкать от того, что все вокруг дедушкино.

Арриан погладила по голове резвого двухлетнего сеттера из прошлого помета Амбры. В ответ пес лизнул ее руку и радостно помахал хвостом.

— Не верится, что дедушки больше нет, — сказала она. — Даже и сейчас порой кажется, что он вот-вот появится на тропинке, а Амбра увяжется за ним и следом.

Йен пристально взглянул на нее:

— Ты зашла сюда случайно или потому, что увидела меня и решила наконец поговорить?

На пшеничных волосах Йена играли лучи заходящего солнца, темные глаза смотрели на нее серьезно и внимательно, и весь он был сейчас похож на того, прежнего Йена. Арриан захотелось снова отложить неприятный разговор, чтобы не нарушать его приподнятого настроения.

— Можно взглянуть на помет? — спросила она.

Йен отворил дверь небольшого вагончика, в котором помещалась сука со щенками, и они вошли внутрь. Амбра, помнившая Арриан, доверчиво замахала хвостом.

Наклонившись, Арриан подняла с подстилки маленький черный комочек и поднесла его к своей щеке.

— Я и забыла, что щенята бывают такие милые и пушистые! Этот малыш просто прелесть.

— Он твой, — немедленно объявил Йен. — Как только щенков отнимут от матери, можешь забирать его, воспитывать и натаскивать, как тебе вздумается.

— Нет, что ты! — Арриан осторожно подложила малыша обратно к матери. — Щенок Амбры — это слишком дорогой подарок. Я ведь знаю, какая у нее безупречная родословная. Дедушка как-то рассказывал мне, сколько знатоков с нетерпением дожидается каждого ее помета.

Йен, улыбаясь, взял ее за руку.

— Арриан, как ты не понимаешь: все, что у меня есть, принадлежит тебе. Я хочу, чтобы ты была хозяйкой моего дома и матерью моих детей, чтобы всегда сидела напротив меня за моим столом. — Он поднес ее руку к губам. — И чтобы все завидовали тому, какая умница и красавица у меня жена.

«Пожалуй, откладывать разговор больше нельзя», — додумала Арриан.

— Йен, я не могу быть твоей женой, — сказала она. — Да ты и сам этого вряд ли захочешь. Они вышли из псарни, и Йен закрыл дверь.

— Не стану верить тебе, что я в восторге от того, что произошло с тобою в Гленкарине. Но я все обдумал и пришел к выводу, что ты все равно нужна мне. Я согласен ждать сколько нужно, пока ты будешь свободна и сможешь выйти за меня замуж.

Они ступили на ту же тропинку, по которой Арриан шла на псарню. Дойдя до фонтана, Арриан опять остановилась.

— Дело не только в этом, Йен. Боюсь, что обратного пути уже нет.

Он развернул ее к себе лицом.

— Арриан, меня не интересуют твои чувства к этому человеку. Моя любовь к тебе столь сильна, что я готов простить тебе все.

— Все? — Она взглянула ему прямо в глаза. — Даже то, что я собираюсь родить ребенка от Уоррика Гленкарина?

За какую-то долю секунды взгляд Йена из нежного сделался холодным и злым, лицо смертельно побледнело.

— Нет! — задыхаясь, выкрикнул он. — Ты не станешь рожать ублюдка! Я тебе этого не позволю, слышишь, Арриан?

В эту минуту Арриан стало по-настоящему страшно.

— Но Йен, — пятась, пробормотала она, — это будет не ублюдок, а законнорожденный ребенок. Ведь по закону я жена Уоррика, и, кроме того, что случилось, то случилось, и изменить этого уже нельзя.

Он схватил ее за руку и рывком притянул к себе.

— Нет, можно! Женщина всегда может избавиться от нежеланного младенца. Магда, старуха из моей деревни, тебе поможет.

Арриан в ужасе зажала ладонью рот:

— Ты с ума сошел, Йен! Ты что, думаешь, что я сделаю что-то во вред еще не родившемуся ребенку?

— Ты сделаешь то, что я велю, а я велю тебе избавиться от вражьего ублюдка!

Она выдернула у него руку и отбежала на несколько шагов.

— Я уже говорила тебе, Йен, я не твоя собственность и у тебя нет права распоряжаться моей жизнью!

Он догнал ее и грубо схватил за плечо, так что она ударилась спиной о забор.

— Если бы не этот негодяй, мы с тобой были бы уже женаты и я распоряжался бы всей твоей жизнью, без остатка! Не сегодня, так завтра, но к Магде ты все равно пойдешь.

В этот момент, к величайшему облегчению Арриан, на тропинке показалась служанка, по всей видимости, спешившая к ним.

— Леди Арриан! — крикнула она, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Там у парадного крыльца вас спрашивают!

Йен со злобой оттолкнул Арриан от себя.

— Ступай, это, наверное, твоя мать. Только не думай, что наш разговор на этом закончен. По мне, пусть ты лучше умрешь, чем станешь матерью Драммондова отродья.

Дрожа от страха, Арриан отступила на несколько шагов, потом развернулась и бросилась к служанке как к своей спасительнице. Неожиданная жестокость бывшего жениха, о какой она даже не подозревала, потрясла ее до глубины души.

— Там приехал какой-то господин, миледи, спрашивает вас. Назвался Мактавишем.

Арриан в ужасе оглянулась, чтобы убедиться в том, что Йен не слышал слов служанки. Но он, по-видимому, вернулся на псарню.

— Мактавиш приехал один?

— Один, не считая кучера, миледи.

— Где он?

— Он сказал, что будет ждать вас у крыльца. Я, правда, говорила ему, что порядочная женщина не станет встречаться с мужчиной вне дома, но он ни в какую: передай, говорит, что я жду ее здесь.

Арриан едва не бежала по тропинке, сердце ее тревожно колотилось. Наконец она узнает хоть что-то об Уоррике!.. А что, если он прислал Мактавиша за ней? Как тогда ей быть, ехать или нет?

Мактавиш стоял возле своей кареты, заложив руки за спину. При виде Арриан взгляд его заметно потеплел.

— Вы славно выглядите, миледи. Я этому рад.

Арриан протянула ему руку, и он ласково ее пожал.

— Я тоже рада видеть вас, Мактавиш.

— Надеюсь, вы и все остальные здоровы?

— Вполне.

— Зайдемте в дом. Вам, наверное, хочется отдохнуть и перекусить с дороги?

Лицо Мактавиша расплылось в улыбке.

— Боюсь, я и так кое-чем рискую, беседуя с вами у всех на глазах, так что вряд ли стоит искушать судьбу дальше и лезть прямо в звериное логово.

— Вас прислал Уоррик?

— Он самый, миледи. Он поручил мне передать вам вот это, — приоткрыв дверцу кареты, он

вручил Арриан ее шкатулку с драгоценностями, — а заодно и все ваши сундуки.

— А-а. — Ее сердце упало. — А письма он не передавал?

Небесно-голубые глаза Арриан наполнились такой печалью, что Мактавиш покачал головой.

В этот момент на лицо Арриан упала тень. Обернувшись, она увидела прямо перед собой усмевающегося Йена.

— Итак, хозяин присылает вместо себя своего верного пса, — процедил он. — Вот уж не думал, Мактавиш, что ты окажешься таким простофилей и сам, по доброй воле, сунешься ко мне в руки.

— Я приехал не к тебе, а к леди Арриан. Наши с нею дела тебя не касаются.

— Да будет тебе известно: все, что касается леди Арриан, касается и меня... Да, Мактавиш, стоит мне сейчас сказать одно словечко, как мои люди окружают тебя со всех сторон, и тогда живым тебе отсюда не выбраться.

— Ты напугал меня до смерти, — сказал Мактавиш.

— Йен, оставь его, — вмешалась Арриан. — Он приехал только затем, чтобы вернуть мои вещи, и ты не посмеешь причинить ему вреда.

— Ты забыла об одной мелочи: этот господин — правая рука лорда Уоррика, и очень возможно, что, когда его схватят, вождь Драммондов собственной персоной явится его спасать.

Люди Йена уже начали окружать их со всех сторон, и Арриан шагнула вперед, словно пытаясь закрыть Мактавиша собою.

— Если ты немедленно не отпустишь его, я никогда в жизни не стану больше с тобою разговаривать! Его приезд сюда не имеет к тебе никакого отношения, Йен.

Йен подошел ближе.

— Ко мне имеет отношение то, что он Драммонд. Подоспевшая в этот момент Кэссиди мгновенно оценила ситуацию.

— Я вижу, вы привезли вещи моей дочери? Это очень любезно с вашей стороны, Мактавиш. Пожалуйста, передайте лорду Уоррику мою благодарность.

— Он уже никому ничего не передаст, потому что никуда отсюда не уедет, — сказал Йен, подходя почти вплотную к Мактавишу.

— Эй, вы, там! — Кэссиди, словно не расслышав угрозы, прошла мимо Йена. — Помогите-ка выгрузить вещи моей дочери, чтобы этот господин мог уехать до темноты. Да поживее, солнце уже скоро начнет садиться.

Пока его люди выполняли распоряжение, Йен молча буравил Кэссиди глазами. Лишь когда все сундуки были выгружены и уже стояли на земле, он обернулся к Мактавишу.

— Ладно, Мактавиш, — прошипел он, — расквитаемся как-нибудь в другой раз, когда у тебя не будет возможности спрятаться за женскую юбку. А пока что я со своими людьми просто провожу тебя до границ своих владений.

Арриан не верилось, что он говорит правду.

— Йен, ты ведь отпустишь Мактавиша, да?

— Ну, разумеется, раз тебе так этого хочется, — ответил Йен, но в его улыбке ей почудилось что-то зловещее.

Кэссиди смотрела на Мактавиша с нескрываемой тревогой.

— Советую уезжать немедленно. Боюсь, вам небезопасно тут дальше находиться. — Видимо, она тоже не питала особого доверия к своему кузену. — Йен, не забывай, что этот человек — наш гость, и ты должен относиться к нему соответственно.

Йен сделал знак рукой, по которому его люди начали садиться на лошадей и подъезжать к карете.

— Сейчас вашего гостя проводят с почетом, — мрачно пообещал он.

— Спасибо, что привезли мне вещи, — в последний раз улыбнулась Арриан Мактавишу.

Галантно дотронувшись до шляпы, Мактавиш поклонился сначала Кэссиди, затем Арриан.

— Желаю вам обоим всего доброго, — сказал он и, легко взобравшись на сиденье, кивнул вознице.

Йен и его люди тоже тронули повода.

Стоя рядом с матерью, Арриан наблюдала за тем, как ее сундуки заносят в дом.

— Мама, как ты думаешь, Йен ничего не сделает Мактавишу?

— Он дал слово. Надеюсь, он его сдержит. Какой ему смысл вымещать зло на слуге лорда Уоррика?

— Мама, Уоррик не передал мне ничего, ни единого слова.

— А что он мог тебе передать? Скорее всего, он теперь считает, что у него нет на это права.

— Я написала ему в записке, что оставляю драгоценности ему. Почему он их не взял?

— Он гордый человек, Арриан. Гордость и честь заставили его вернуть твой дар... Ты рассказала Йену о ребенке? — неожиданно меняя тему, спросила она.

— Да. Он пришел в ярость, я никогда его таким не видела. — Вспомнив недавний разговор, Арриан невольно вздрогнула. — Не хочу даже говорить, что он мне сказал. Господи, как мне хочется домой! Когда бы можно было повернуть время вспять, я с самого начала повела бы себя совсем иначе, и теперь все было бы по-другому.

— Время никогда не потечет вспять, — покачала головой Кэссиди.

Глядя на печальную Арриан, которая медленно пошла в дом, Кэссиди понимала, что она бессильна сейчас помочь дочери. Возможно, тетя Мэри — если бы она не уехала в Англию — нашла бы для нее слова утешения.

Мактавиш внимательно следил за Йеном Макайворсом. В отличие от леди Арриан и ее матери, он точно знал, что новый вождь Макайворсов не отпустит его так просто.

Через час пути Йен велел кучеру остановиться. Когда лошади стали, один из Макайворсов взял кучера под прицел. Мактавишу было приказано спуститься со своего места на землю. Здесь ему связали за спиной руки и поволокли в лес — подальше от дороги, а заодно от глаз случайных свидетелей.

Пока его привязывали к дереву, он смотрел, как Йен поигрывает кнутом с серебряным кнутовищем.

— Ну что, — с издевкой начал Йен, — догадываешься, что я намерен с тобою сделать?

— Делай что хочешь, только поскорее, — ответил Мактавиш.

— Если попросить меня как следует, — обходя вокруг дерева, сказал Йен, — я, пожалуй, мог бы тебя отпустить.

Мактавиш стоял, выпрямившись во весь свой внушительный рост, глядя прямо перед собой.

— Ни одна свинья из рода Макайворсов не дождется, чтобы я ее о чем-то просил.

В ту же секунду тяжелое серебряное кнутовище с размаху обрушилось ему на голову. Мактавиш дернулся и осел, так что веревки сильнее врезались в тело.

Обойдя еще раз вокруг дерева, Йен размахнулся и изо всей силы ткнул Мактавиша кнутовищем в живот, так что у старика подкосились колени.

— Знаешь, Макайворс, пожалуй, ты не свинья, ты просто подонок. Развяжи меня, я покажу тебе, кто чего стоит.

Когда кнутовище опустилось на его висок, Мактавиш качнулся вперед и упал бы, если бы не был привязан. Кровь из раны застилала ему глаза. Он дернулся что было сил, но веревки держали крепко.

— Что ты тянешь, Макайворс, убивай скорее, все равно я тебя не боюсь, — прохрипел он, силясь встать на ноги. „

— А я передумал тебя убивать, — ответил Йен, и холодное серебро снова ткнулось Мактавишу в бок. — Я хочу послать тебя обратно к твоему вождю, чтобы ты передал ему кое-что от меня.

— Я тебе не посыльный.

— Я думаю, ты согласишься, когда узнаешь, что именно я хочу ему передать.

— А что, поехать со мною в Гленкарин и самому поговорить с лордом Уорриком — смелости не хватает? Думаю, он бы устроил тебе прием не хуже, чем ты мне.

Взметнувшийся молнией кожаный кнут рассек рубаху Мактавиша и впился ему в плечо. Чтобы не кричать, Мактавиш крепче сцепил зубы.

— А теперь слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты повторил Уоррику Гленкарину каждое мое слово.

Мактавиш тряхнул головой, пытаясь избавиться от кровавой пелены на глазах.

— Я уже сказал: я тебе не посыльный. Йен схватил Мактавиша за волосы и рывком запрокинул его голову.

— Скажи своему хозяину, что ему недолго осталось считаться супругом леди Арриан.

— Не думаю, что это его сильно удивит.

— Зато кое-что другое, может, и удивит. Передай ему, что леди Арриан зачала от него дитя. — Он дал Мактавишу время переварить услышанное. — И пусть он как-нибудь на досуге, перед сном, поразмыслит о том, что его сын или дочь — кого Господь пошлет — отныне у меня в руках. Отпрыск Уоррика Гленкарина вырастет среди Макайворсов и будет думать и жить, как Макайворс. Да скажи, что если это окажется сын, то моим наследником ему не бывать, зато из него выйдет хороший лакей для моего собственного сына.

— Будь ты проклят!

— Неужто, по-твоему, это не забавно? — Йен натянуто рассмеялся. — Только представь: наследник клана Драммондов прислуживает наследнику клана Макайворсов. А забавнее всего то, что оба вышли из чрева одной и той же матери.

Мактавиш попытался сквозь кровавую пелену разглядеть лицо врага, чтобы понять, лжет он или говорит правду. Если леди Арриан и впрямь носит под сердцем дитя, для Уоррика это сообщение Йена будет тяжелым ударом.

— Паршивый пес! Я не верю ни одному твоему слову, и лорд Уоррик тоже не поверит.

— Пусть себе не верит. Но когда младенец родится, думаю, счастливый папаша узнает свою плоть и кровь.

Йен наотмашь ударил Мактавиша в лицо.

— Что, неплохо придумано? Драммонд-младший во власти Макайворса-старшего. И если даже родится девочка, пусть он не волнуется, я уж позабочусь о ее будущем, как сочту нужным.

Когда веревки были перерезаны, Мактавиш упал на землю лицом вниз, и его поглотила тьма. Йен напоследок пнул его ногой и кликнул людей, чтобы они перенесли бесчувственное тело в карету. Как только дверца захлопнулась за ним, Йен махнул вознице рукой и долго еще с самодовольной усмешкой смотрел вслед удаляющейся карете.

Все вышло даже лучше, чем он ожидал. Остаток жизни вождь Драммондов проведет в нестерпимых муках.

Наконец он расхохотался, откинув голову, чем вызвал недоуменные взгляды своих людей.

— Дело сделано. Теперь Уоррик Гленкарин у меня в руках, и ему уже не вырваться!

Глава 24

Сидя перед туалетным столиком, Арриан глядела на лицо матери, отраженное в зеркале. Глаза Кэссиди, которая в этот момент расчесывала золотистые волосы Арриан, внезапно сощурились и потемнели.

— Так чего, ты говоришь, он от тебя потребовал?

— Он сказал, что я должна пойти к какой-то старухе в его деревне, чтобы она... — Арриан содрогнулась. — Нет, это ужасно! Я даже думать об этом не могу.

— Пожалуй, на сей раз Йен зашел слишком далеко. — Кэссиди легонько приподняла подбородок дочери. — Скажи, ты правда уже ничего не чувствуешь к нему?

— Мама, я теперь даже не понимаю, как я могла что-то чувствовать к этому человеку раньше.

Кэссиди понимающе кивнула. После дедушкиной смерти Йен успел выказать много неприятных сторон своей натуры.

— Как только появится твой отец, мы немедленно отбываем в Англию. А пока что держись все время рядом со мной.

— Мама, почему отец с Майклом так долго не едут? Я полагала, что капитан Норрис сразу же вернется вместе с ними. Тетя Мэри, наверное, уже несколько дней как в Аондоне.

— Сама не пойму, Арриан. Вероятно, случилось что-то непредвиденное, иначе они давно уже были бы здесь. Подождем еще недельку, а если их и тогда не будет — что ж, придется ехать в карете. — Кэссиди отложила расческу. — Куда ты исчезла после обеда, Арриан? Я искала тебя, но нигде не могла найти.

— Я была на маленьком кладбище — не около самой церкви, а подальше, за церковной стеной: там похоронена сестра Уоррика. Я разыскала могилу, она была совсем запущена. Я привела ее в порядок, выволола сорняки и теперь каждый день приношу туда свежие цветы.

— Я и забыла, что сестра лорда Уоррика похоронена здесь, в Давиншеме. Бедняжка! Говорят, она наложила на себя руки.

— Нет, мама, леди Гвендолин себя не убивала. Она случайно упала с лестницы, когда пыталась вырваться от лорда Гавина, — мне рассказала об этом Элен.

Кэссиди удивленно вскинула на нее глаза.

— Ты уверена, что было именно так?

— С позволения Элен я поговорила с Джейми, и он все подтвердил. Просто Макайворсы тогда решили, что им выгоднее представить ее смерть как самоубийство.

— Это так чудовишно, что даже трудно поверить! Положим, Гавин был способен на что угодно, но как мог дедушка допустить такое?

— Джейми думает, что дедушка мог и не знать правды. Кроме того, он объяснил мне, что Драммонды уже тогда значительно превосходили Макайворсов числом и что дедушка любой ценой хотел избежать войны. Впрочем, как ты знаешь, ему это не удалось.

— Да, я помню. Тогда обе стороны потеряли немало своих людей, и это вызвало гнев английского короля.

— Мама, я хочу, чтобы прах леди Гвендолин был перевезен в Гленкарин, туда, где похоронены ее родные. Мысль о том, что она лежит в неосвященной земле, уже много лет не дает Уоррику покоя. И если уж быть справедливыми до конца, то, конечно, ее приданое должно быть

возвращено семье.

— Йен никогда на это не согласится.

— Все же я попробую его убедить.

— Арриан, ты помнишь Джилла Макайворса как любящего дедушку и, вероятно, даже не догадываешься, как безжалостен он бывал к своим врагам. Спору нет, он обошелся с семьей лорда Уоррика жестоко, но и месть лорда Уоррика была жестока и несправедлива по отношению к тебе.

— Я знаю, мама, но, может быть, теперь, когда родится ребенок...

— Не думаю, Арриан. Враждующие кланы никогда не перестанут враждовать между собой, и Йен с Уорриком будут пытаться использовать тебя и ребенка каждый в своих целях, а я не хочу, чтобы это случилось.

— Мама, вы умеете убеждать Йена, как никто другой. Быть может, вам удастся уговорить его вернуть Уоррику прах его сестры и земли Гленкари-нов?

— О нет, Арриан, я не стану вмешиваться в их отношения, да и тебе не позволю. Ты как будто уже имела возможность убедиться, чем это чревато. И потом, стоит тебе попросить о чем-то Йена, как он немедленно потребует от тебя благодарности.

— Мама, в последние дни я много думала и кое-что решила для себя. Я не стану расторгать брак, даже когда мы вернемся в Англию, иначе я навсегда лишу своего ребенка законного отца.

Кэссиди, впрочем, и сама это понимала.

— Ты права, ваш брак придется сохранить. Но это не значит, что ты должна иметь какие-то отношения с лордом Уорриком. Не беспокойся, как только я увезу тебя в Англию, никто больше не посмеет тебя обидеть.

— Пусть попробуют, — улыбнулась Арриан. — Если им придется иметь дело с тобой, я им не завидую.

— Пойдем-ка лучше побродим по окрестностям, — заключила Кэссиди. — Будущей маме необходимо как можно больше дышать свежим воздухом.

Мать и дочь, обе в черных платьях, неспешно прогуливались рука об руку по аллеям парка.

И вдруг Арриан увидела в конце аллеи две знакомые фигуры и чуть не вскрикнула от радости. В первую секунду она замерла на месте, но скоро пришла в себя и бросилась им навстречу.

— Папа, Майкл, наконец-то!

Рейли чуть не задушил свою любимицу в объятиях.

— В пути яхта дала течь, — объяснил он, когда первые эмоции схлынули. — Пришлось останавливаться в ближайшем порту на ремонт, иначе мы давно были бы здесь.

Майкл, улыбавшийся сестре из-за отцовского плеча, выглядел повзрослевшим, он даже подросток за то время, что они не виделись. Высвободившись, Арриан шагнула к брату, и он крепко

прижал ее к себе.

— Ну, здравствуй, сестренка. Мне уже рассказывали, сколько всего произошло с тобой за это время, но я хочу услышать все от тебя самой. Самое главное, по-моему, поскорее увезти тебя из этой дикой страны.

Она положила голову ему на плечо.

— Я готова ехать хоть сейчас. Ох, Майкл, как же я по тебе соскучилась!

Рейли шагнул к жене и привлек ее к себе, медленно растворяясь в ее блаженной близости.

— Я знаю, что опоздал. Только что сообщили, что твой дед скончался, и... мне очень жаль.

Как ни страшило Кэссиди все то, что ей предстояло рассказать Рейли, сейчас для нее важнее всего было тепло его объятий. Наконец-то она сможет переложить заботы о дочери на его надежные плечи.

Уоррик, мучимый нестерпимыми угрызениями совести, смотрел, как Барра и Хадди перевязывали раны его друга. У Мактавиша оказались две серьезные раны на голове — одна над бровью и одна возле самого виска — и несколько сломанных ребер, причинявших, видимо, особенно сильную боль.

— Вот здесь, над бровью, придется накладывать швы, милорд, — сообщила Барра. — Хорошо бы перед этим дать ему чего-нибудь выпить.

— Не чего-нибудь, — вмешался Мактавиш, — а доброго шотландского виски. Другого я не пью. Да смотри не вздумай меня штопать, пока я не хлебну как следует.

Уоррик послушно налил полный бокал виски и подал Мактавишу. Больной не моргнув глазом опрокинул в себя содержимое и снова протянул бокал.

— Мактавиш, Мактавиш! Это я виноват, что с тобой такое случилось. В Давиншем должен был ехать я — я, а не ты. Я ведь знал, что Йен Макайворс способен на любую низость... Но ничего, ему еще придется пожалеть об этом. Он дорого заплатит за каждую твою рану.

В этот момент Мактавиш застонал: Хадди затягивала повязку на его широкой груди.

— Не кори себя, сынок. Я сам решил туда ехать, и ты бы все равно меня не остановил.

— Я знал, знал, что Макайворсам нельзя доверять!.. Они герои, когда можно наброситься впятером на одного, привязанного к дереву...

Но Мактавиш уже, видимо, не слушал Уоррика. После пятого бокала Хадди озабоченно кивнула дочери.

— По-моему, уже можно.

Пока Барра накладывала швы, Уоррик крепко держал голову Мактавиша, чтобы он не мог произвольно дернуться. Во время процедуры Мактавиш болезненно морщился, но, кроме двух-трех сдавленных стонов, так и не издал ни звука. Закончив, Барра наложила на голову повязку, собрала свои принадлежности и вместе с матерью удалилась из комнаты. Уоррик налил другу еще виски.

— Нет, пока не надо. У меня и так уже комната плывет перед глазами, а мне еще надо успеть тебе кое-что рассказать.

— После всего, что ты сегодня пережил, тебе сейчас лучше всего отдохнуть. Твой рассказ может подождать до завтра.

— Н-нет... не может, — уже не очень послушным языком возразил Мактавиш. — Это очень важно.

— Ты видел леди Арриан?

— Видел. Леди Арриан — славная... О том, что Йен со мною сделал, она даже не догадывается. Взяла с него обещание, что он отпустит меня целым-невредимым. Я-то, конечно, уже понял, что будет, как только карета скроется с ее глаз.

— Как она выглядит?

— Как выглядит? Как цветок или как весеннее утро.

— Мне она ничего не передавала? Мактавиш невольно усмехнулся: леди Арриан задавала ему тот же вопрос.

— Нет, милорд. Она — ничего, зато Йен Макайворс много чего передавал.

— Это меня не интересует.

Мактавиш попытался сесть, но безуспешно.

— Да нет, сынок, как раз это тебя заинтересует. Уоррик опустился в кресло и всмотрелся в лицо старейшего и самого верного из своих друзей.

— Я вижу, ты не успокоишься, пока не выложишь все до конца. Так что же передал мне новый вождь Макайворсов?

— Этот негодяй глумился надо мной, и, не будь мои руки связаны, я прибил бы его на месте.

Взгляд Уоррика упал на свежие рубцы от веревок на запястьях Мактавиша.

— Обещаю: в следующий раз, когда вы встретитесь, твои руки не будут связаны.

— Впервые в жизни я готов был придушить человека голыми руками. Я и сейчас бы это сделал, если бы мог.

— Мактавиш, скажешь ты, наконец, что он мне передал?

Мактавиш провел рукою по забинтованному лбу, не зная, с чего начать. Не так-то легко было подобрать нужные слова.

— Йен Макайворс велел передать тебе, что у леди Арриан... что леди Арриан ждет от тебя ребенка.

У Уоррика вдруг перехватило дыхание. Помолчав, он медленно выдохнул, потом сказал:

— Вранье. Он просто не может придумать, как бы меня помучить.

— Не думаю. Очень уж он был доволен, когда говорил мне об этом.

— С чего бы ему быть довольным, если женщина, на которой он хочет жениться, несет во чрево мое семя?

— Я вижу, тебе трудно понять, как устроены мозги у таких мерзавцев. Так вот, сначала он мне сказал, что ваш брак с леди Арриан скоро будет расторгнут, он об этом позаботится.

Уоррик досадливо повел плечом.

— Ну и что? Я и без него это знал.

— А потом он сказал еще кое-что и посоветовал тебе размышлять над этим каждую ночь перед сном. Он сказал, что кого бы ни послал Господь леди Арриан — сына или дочь, — ребенок все равно будет у него в руках. Он воспитает его как Макайворса, а если это окажется сын, то он не станет его признавать, а сделает лакеем собственного сына.

— Проклятье! — вскакивая на ноги, взревел вождь Драммондов. — Он не посмеет превратить моего сына в ублюдка.

— Он сказал, что посмеет.

— Не верю, что Арриан согласится на такое! Ребенок не только мой, но и ее. Женщина с натурой гордой и любящей, какой я ее помню, не позволит унижить собственное дитя!

В памяти Мактавиша, внебрачного отпрыска Уоррикова деда, всплыли кое-какие картины из собственной жизни, и глаза его подернулись дымкой печали.

— Можешь не объяснять, я знаю, что такое унижение. Не иметь имени — значит не иметь достоинства в глазах людей.

— Несладко тебе жилось, да, Мактавиш?

— Всяко бывало, сынок. Впрочем, мне грех сетовать: пусть для чужих я был тебе никем, сам я всегда знал, что прихожусь тебе родным дядей. Думаю, что и ты это знал.

— Да, и давно уже собираюсь объявить об этом всему клану.

— Это ни к чему.

— Мактавиш, но ведь мы с тобой оба понимаем, что связаны кровными узами.

— Да, и это для меня важнее людского суда... Так что ты намерен делать, когда у леди Арриан родится малыш?

Уоррик опустил глаза и заметил, что пальцы его предательски дрожат.

— Пока не знаю. До сих пор я как-то не задумывался об отцовстве. Но скажи, — он резко обернулся к Мактавишу, — неужели она так меня ненавидит, что готова мстить даже во вред невинному младенцу?

— Не она, а Йен Макайворс. Все это я услышал от него и от него же узнал, что она носит твоего ребенка.

— Думаю все же, этот ребенок для него, что кость в горле. Нет, я не дам ему распоряжаться судьбой того, в чьих жилах будет течь моя кровь.

— Это не в твоей власти, Уоррик.

— Больше всего мне хочется сейчас вскочить на Тайтуса, помчаться в Давиншем и забрать ее оттуда... но боюсь, что это не лучшее решение.

— Знаю, что ты не привык подолгу раздумывать перед решительным шагом, сынок. Но иногда старые привычки не вредно и сменить, и сдается мне, что сегодня для этого самое время.

— Да, на этот раз придется все взвесить заранее. — Во взгляде Уоррика, прикованном к лицу Мактавиша, появилась твердость. — Я знаю: мне надо учиться терпению, но знаю также, что поворачиваться к врагу спиной я не научусь никогда. Нам с Йеном Макайворсом пора встретиться; для этого накопилось уже достаточно поводов.

— *Thig latha choindui fhatbast*, — задумчиво произнес Мактавиш старинную гаэльскую поговорку.

— И настанет день черной собаки, — повторил Уоррик по-английски.

— А теперь ступай и обдумай все, что услышал. Я, как видишь, нынче неважный собеседник. Сейчас мне лучше всего пить в одиночестве.

— Я останусь, и мы выпьем вместе.

— Э, нет, сынок, что-что, а пить ты не умеешь. К тому же Хадди потом будет выговаривать мне, что я сбиваю тебя с пути истинного.

Уоррик встал.

— Что ж, Мактавиш, отдыхай. Теперь, пока ребра не срастутся, придется тебе поваляться в постельке.

— Придется, хоть я этого и не люблю.

Уоррик задумчиво поднимался по лестнице, направляясь к себе в комнату. До встречи с Арриан он не признавал своего одиночества. Теперь же, когда она уехала, в душе его воцарилось ощущение пустоты, которую без нее нельзя уже восполнить.

При мысли о крохотном комочке, живущем во чреве Арриан, он вдруг почувствовал прилив уверенности. Нет, нельзя позволять, чтобы плоть от плоти его навек осталась среди Макайворсов, чтобы его дитя появилось на свет под ненавистным кровом.

Глава 25

Зная, что утренние часы Йен обычно проводит за дедушкиными бумагами, Арриан постучала в дверь кабинета. Беседа предстояла нелегкая: она собиралась сообщить ему, что возвращается в Англию, и в то же время попросить об одолжении.

Из-за двери послышался приглушенный голос хозяина, и Арриан шагнула в кабинет. Йен, как оказалось, не работал, а сидел перед дедушкиным портретом с бокалом вина в руке. При виде Арриан он с довольной улыбкой поднялся на ноги.

— Какой приятный сюрприз! Ты еще ни разу не заходила в мой кабинет.

Подойдя поближе, Арриан тоже взглянула на портрет. Чуть насмешливые глаза молодого Джилла Макайворса, казалось, видели их обоих насквозь.

— Я часто забегала сюда, когда дедушка был жив, — сказала Арриан. — У него в столе всегда лежала для меня коробка с леденцами.

— А вот для меня у него никогда не было леденцов, — мрачно отозвался Йен. — Одни советы да упреки.

— Вероятно, он хотел, чтобы ты осознал ответственность, которая ляжет на тебя после его ухода.

— И ему это вполне удалось. Что бы я ни делал, он всегда бывал недоволен и ни разу в жизни ничем меня не угостил... Ну да ничего, зато теперь все угощения — мои.

Арриан вдруг с пронзительной ясностью увидела маленькие алчные глазки Йена, презрительно кривящийся рот и пожалела, что пришла. Но, коль скоро она уже стояла перед ним, надо было излагать свою просьбу.

— Тебе известно, что мои родные уезжают на этой неделе?

— Да, твой отец сказал мне. — На лице Йена отразилось сожаление. — Наверное, тебе тоже придется уехать — во всяком случае, до окончания траура?

Арриан догадалась, что Йен воспринял ее отъезд гораздо спокойнее, чем она ожидала.

— Да, в сложившихся обстоятельствах мне было бы неприлично оставаться здесь.

— Как я и предвидел, — ухмыльнулся Йен, и Арриан поняла, что он успел уже немало выпить. — Вот кто всегда готов оказать мне услугу и поучить хорошему тону.

«Может, он все-таки решил, что ему не следует на мне жениться? — подумала Арриан. — Хорошо бы так».

— Я, собственно, тоже пришла попросить тебя об услуге, которую можешь оказать только ты. Йен просиял:

— Ты же знаешь, я всегда готов выполнить любую твою просьбу. Итак, чего ты хочешь?

— Я... — Она взглянула ему прямо в глаза. — Я хочу попросить тебя отправить прах леди Гвендолин обратно в Гленкарин.

Если бы не побелевшие от напряжения кулаки Йена, можно было подумать, что просьба Арриан его нимало не тронула.

— Отчего тебя так заботит, где именно будет лежать леди Гвендолин?

— Оттого, что с нею обошлись жестоко и несправедливо, и оттого, что ее останки должны покоиться в фамильном склепе, а не здесь. Ее история кажется мне слишком печальной, а я с детства люблю истории со счастливым концом.

— Мертвым все равно, где они нашли свой вечный покой.

— Но тем, кто их любит, не все равно.

— Значит, ты делаешь это для него. — Йен долго молчал, разглядывая дедушкин портрет, потом обернулся к Арриан. — И кто же, по-твоему, должен везти гроб с телом леди Гвендолин в Гленкарин? Если ты рассчитываешь на Макайворсов, то, уверяю, всех твоих денег не хватит, чтобы убедить хоть одного из них добровольно отправиться во владения Драммондов.

— Если ты согласен, мой брат Майкл беретса сопровождать останки.

Он продолжал глядеть на нее, видимо, что-то обдумывая.

— Так ты говоришь, для тебя это очень важно? — Меня взволновала печальная судьба леди Гвендолин. Каждый день я приношу на ее могилу свежие цветы.

Йен молчал. Если они поженятся, а он все еще на это рассчитывал, то ему бы не хотелось иметь в Давиншеме постоянное напоминание об Уоррике Гленкарине, не говоря уже о ежедневном возложении цветов на могилу леди Гвендолин.

К тому же приятно было сознавать, что он единственный, кто может — если, конечно, захочет — выполнить ее желание.

— Что ж, пожалуй, я дам свое согласие, но при одном условии.

— Что за условие?

— Ты отложишь свой отъезд на две недели. Как ты полагаешь, тебе удастся уговорить своего отца еще немного подождать?

— Для этого понадобятся веские причины: отец всей душой стремится в Равенуорт.

— О, за причинами дело не станет! Я снова обратился к королю с жалобой на лорда Уоррика, который осмелился незаконно... ну, скажем, задерживать тебя в своем замке.

— Йен, ты не имеешь на это права! Мой отец сам все уладит по возвращении в Англию.

— Нет, я имею право! И, кроме того, дело уже сделано, и теперь нам с лордом Уорриком осталось только явиться на королевский суд. Не сомневаюсь, что на сей раз суд примет мою сторону.

Арриан была глубоко возмущена: как он мог, не ставя никого в известность, обратиться к королю Уильяму?

— Вряд ли публичное обсуждение этого дела придется по душе моим родителям.

— Никакого публичного обсуждения не будет. Я позабочусь о том, чтобы слушание было закрытым. Будут присутствовать только заинтересованные стороны. Ты должна подтвердить, что лорд Уоррик удерживал тебя в Айронуорте против твоей воли, — больше от тебя ничего не требуется. Это поможет окончательно решить его участь. Разумеется, слушание состоится и в том случае, если ты к тому времени уже уедешь в Англию. Просто я подумал, что тебе будет небезынтересно узнать исход дела.

От негодования Арриан едва могла говорить. Он, кажется, искренне полагает, что она будет давать показания против отца собственного ребенка?

— Когда состоится суд?

— Как раз сегодня я получил письмо от королевского полномочного представителя, в котором говорится, что слушание пройдет в Эдинбурге через две недели. Семейство Винтер известно всем — видимо, поэтому дело было представлено вниманию короля немедленно.

— Неужели эта ваша вражда так и будет продолжаться вечно, переходя из поколения в поколение?

— Напротив, я надеюсь, что она очень скоро завершится. Так как, берешься ты переговорить со своим отцом?

Остатки ее бывшего уважения к Йену окончательно улетучились.

— Да, я поговорю с ним.

Он взял ее руку, на которой еще не так давно красовалось кольцо Макайворсов.

— Я не буду счастлив по-настоящему, пока мое кольцо не вернется на этот прелестный пальчик. Она не без труда высвободила руку.

— Странное желание, учитывая, что я ношу под сердцем чужого ребенка.

— Я воспитаю его как своего собственного, — отводя глаза, сказал он. — Никто даже не узнает, что я не его родной отец.

Однако Арриан еще слишком хорошо помнила, как он уговаривал ее избавиться от беременности.

— Но мы с тобой всегда будем это знать, Йен.

Майкл и Арриан стояли возле кареты, обтянутой черным крепом. Все было готово к тому, чтобы дочь гор отправилась в дальний и на сей раз самый последний путь.

— Майкл, пожалуйста, попробуй убедить лорда Уоррика, что возвращение праха его сестры на родину должно стать концом их бесконечной вражды.

Майкл окинул сестру задумчивым взглядом.

— Я хоть и младше тебя, но все же знаю тебя достаточно хорошо, и я вижу, что ты очень уж взволнована. Что с тобой, сестренка?

Заложив за ухо выбившуюся золотистую прядь, Арриан подняла на него глаза.

— Знаешь, Майкл, я просто не могу больше находиться здесь. Здесь кругом, куда ни глянешь, одна только ненависть и скорбь. Я жду не дождусь, когда мы, наконец, вернемся в Равенуорт, — и тогда, клянусь, я уже ни за что не уеду из дома.

— Это хорошо, вот только будешь ли ты от этого счастлива?

— Почему ты спрашиваешь?

— Скажи, ты его любишь?

Арриан сделала вид, что не поняла брата.

— Раньше я думала, что люблю, но теперь поняла, что моя прежняя влюбленность в Йена — не более чем блажь наивной девочки.

— Арриан, ты прекрасно понимаешь, что я говорю не об Йене, а о том, другом.

— Ах, Майкл, я уже перестала понимать, что такое любовь. Но одно я знаю точно: я не хочу, чтобы лорд Уоррик страдал.

Чмокнув ее в щеку, Майкл поставил ногу в стремя и вскочил на лошадь, уже гарцующую от нетерпения. По его знаку карета медленно двинулась в путь.

— Не отчаивайся, сестренка! Кто знает, как все обернется.

— Пусть земля вам будет пухом, леди Гвендолин! — смахивая слезу, прошептала Арриан.

Рейли Винтер, нахмурясь, смотрел на жену.

— Я желаю знать, что здесь происходит. Черт побери, Кэссиди, почему мы без конца откладываем отъезд? Мне не нравится ни этот дом, ни, тем более, его хозяин. Если бы не неожиданная кончина твоего дедушки, Йен Макайворс был бы уже мужем нашей дочери — при мысли об этом меня просто в дрожь бросает!

— Ну, не кипятись так, Рейли. Арриан скоро едет домой вместе с нами — чего еще ты хочешь?

— Я хочу знать, какие такие тайны кроются в твоей милой головке. Кэссиди, ты рассказала мне не все о нашей дочери!

— Умоляю тебя, Рейли, поговорим об этом позже.

— Боже, как долго я не видел тебя. — Говоря это, он оттянул присобранный ворот ее ночной рубахи, и на какое-то время тревожные мысли покинули его.

— Я тоже очень соскучилась по тебе. Без тебя всегда все идет вкривь и вкось.

Он вытащил заколки из ее волос.

— Не понимаю, почему ты помешала мне поехать в Гленкарин и немедленно расправиться с лордом Уорриком? Все равно ему осталось недолго: я прикончу его, и никто — слышишь, Кэссиди, — никто мне не помешает!

Она нежно обняла его.

— Все совсем не так, как кажется на первый взгляд, Рейли.

— А как же тогда? И почему мой сын поехал отвозить в Гленкарин чей-то гроб? И когда, черт побери, мы все разучились понимать друг друга?

Кэссиди обхватила ладонями его лицо.

— Я уже говорила тебе, Рейли: ты еще не все знаешь. Поверь мне, все это ужасно сложно...

— Так растолкуй мне! — перебил он, усаживаясь в кресло и досадливо разворачиваясь к ней. —

Время у нас есть, я охотно тебя выслушаю и постараюсь понять.

Кэссиди опустилась на колени возле его ног, и ее широкая розовато-кремовая рубашка мягкими складками легла на пол. Как ни готовила она себя к этому моменту, все же слова застревали у нее в горле, и ей удалось выговорить их только со второго раза.

— Рейли... Рейли, Арриан ждет ребенка от лорда Уоррика.

За несколько коротких секунд на красивом лице Рейли Винтера отразились гнев, недоумение и глубокая печаль.

— Кэссиди, я убью его! — Рейли вскочил на ноги, так что его жена едва не упала. — Почему ты не сказала мне этого раньше, чтобы я поехал к нему вместе с Майклом?

— Потому что я хотела сперва объяснить тебе, как это случилось.

— Я понимаю, как такие вещи случаются. Я не понимаю только одного: почему это должно было случиться с моей дочерью?

— Я уже говорила тебе, что по закону они муж и жена. Но я не сказала другого: Рейли, мне кажется, что Арриан любит его.

Рейли покачал головой, словно не веря своим глазам.

— Нет... Нет, Кэссиди! Не смей даже думать о таком... Я не отдам ее этому человеку. У него нет ни чести, ни совести, он воспользовался ее невинностью. Можешь считать, что для нашей дочери он умер.

— Рейли, но разве мы с тобой можем заставить ее не любить? Разве кто-то мог заставить меня не любить тебя? Никто не мог и никто не сможет. Я буду любить тебя до последнего дня, что бы ни случилось... Думаю, что Арриан, как никогда, нужна сейчас наша помощь. Ей очень тяжело, Рейли, и мы должны ее понять.

Взгляд Рейли оставался суровым, но он все же заговорил немного спокойнее:

— Как ты можешь быть уверенной, что она его любит? Еще недавно она говорила, что любит Йена, помнишь?

— Помню. Но любить идеал и любить живого мужчину — это не одно и то же. Рейли все еще хмурился.

— Только не надо мне объяснять, что вы, женщины, чувствуете, я все равно не пойму. С тех пор как я повстречал тебя, я вообще многое перестал понимать.

— Не понимай меня, Рейли, не надо, просто люби.

Он пододвинул ее ближе к себе.

— Я скорее перестану дышать, чем любить тебя, Кэссиди. Но, черт побери...

Больше он не мог говорить: горячие губы Кэссиди приникли к его губам. «Чуть позже ей легче будет убедить мужа в том, что место Арриан рядом с Уорриком Гленкарином», — решила она.

— Милорд! — Барра остановилась в дверях столовой с несколько недоуменным выражением лица. — Там у крыльца странная карета, обтянутая черным, и при ней какой-то господин, который хочет вас видеть. Я сказала ему, что вы обедаете, но он говорит, ради того, с чем он приехал, вы согласитесь прервать трапезу.

— Что за господин?

— Не знаю, я его раньше не видала. Но похоже, что настоящий джентльмен. Англичанин, судя по выговору.

Уоррик не мешкая направился к выходу. У крыльца стоял высокий юноша, державший в одной руке поводья своей лошади, а в другой шляпу.

— Я Уоррик Гленкарин. Вы желали меня видеть?

— Да, милорд. Я нарочно для этого приехал из Давиншема.

Уоррик смерил молодого англичанина взглядом.

— В таком случае можете отправляться обратно в Давиншем и передать Йену Макайворсу, что мне от него ничего не нужно.

— Это не от Йена Макайворса. — Майкл распахнул дверцу кареты, чтобы Уоррик мог заглянуть внутрь. — Милорд, я не стал бы отвлекать вас от трапезы, не знай я наверняка, что мой груз важен для вас. Я привез вам прах леди Гвендолин.

Уоррик шагнул вперед и дотронулся рукой до каменного гроба. Да, на гранитной крышке было высечено имя его сестры. Повернув голову, он взволнованно всмотрелся в лицо молодого человека.

— Что это, какая-нибудь жестокая шутка?

— Нет, милорд. Даю вам слово: здесь действительно тело вашей сестры.

Уоррик отошел назад, и лицо его исказилось неожиданной болезненной гримасой.

Майкл, неотрывно наблюдавший за ним, сказал:

— Я понимаю ваши чувства, милорд. Будь то моя сестра, я тоже не ведал бы покоя, пока не похоронил бы ее достойно, как полагается.

— Вы сказали, что... груз передан не Йеном Ма-кайворсом?

— Йен только дал свое согласие после того, как его убедили, что так для всех будет лучше.

Уоррик снова шагнул к карете и провел дрожащей рукой по холодному граниту.

— Ну вот, Гвендолин, наконец-то ты дома. — Он взглянул на юношу, которому с виду было не больше шестнадцати. — Не знаю, кто вы, но, поверьте, я искренне благодарен вам.

— Если вы не возражаете, милорд, я бы хотел присутствовать на похоронах вашей сестры.

— Могу я узнать ваше имя?

— Полагаю, оно не имеет значения. Считайте меня просто незнакомцем, который помог восстановлению справедливости.

Уоррик кивнул:

— Пусть так. Вы можете присутствовать на похоронах.

— Кроме того, я уполномочен вам кое-что сообщить. Леди Гвендолин не покончила с собой. Она умерла в результате несчастного случая.

Уоррик вздрогнул всем телом и поспешно перевел повлажневший взгляд на дальние вершины.

— Слава богу! Я верил, что это так. Только спустя некоторое время он снова смог заговорить:

— Кто бы вы ни были, примите уверения в моей глубочайшей благодарности.

Стоявший неподалеку мальчик-конюх во все глаза глядел на происходящее.

— Тэм, — приказал ему Уоррик, — скажи в деревню во весь опор и объяви людям, что сегодня мы хороним мою сестру.

Пока гроб Гвендолин устанавливали в каменной усыпальнице между гробами родственников — дальних и близких, почивших раньше ее, — Уоррик не поднимался с колен, а собравшиеся Драммонды, низко склонив головы, бормотали слова молитвы.

Стоявший чуть поодаль Майкл смотрел, как клан хоронит одну из своих дочерей. По правде сказать, он нарочно попросил позволения остаться, чтобы иметь возможность понаблюдать за лордом Уорриком. Человек, которого полюбила Арриан, нравился ему все больше, и он все больше склонялся к мысли, что они должны быть вместе и что рождение ребенка должно скрепить их союз.

После окончания церемонии, когда все остальные разошлись, Уоррик приблизился к Майклу.

— У вас сегодня был неблизкий путь. Быть может, вы согласитесь поужинать вместе со мной?

Как Майклу ни хотелось получше познакомиться с этим человеком, он не мог больше задерживаться: Кэссиди взяла с него обещание, что он вернется сегодня.

— Боюсь, мне пора, ведь впереди опять долгая дорога.

Уоррик, не возражая, велел оседлать себе лошадь. Он должен был проводить своего загадочного гостя, чтобы никому из чересчур ретивых Драммондов не вздумалось преградить ему путь.

Они молча доехали до развилки дорог, где Уоррик натянул поводья.

— Признаться, я не сразу догадался, кто вы такой. По всей вероятности, вы лорд Майкл, брат Арриан?

— Да, вы угадали.

— Не могу сказать, чтобы я находил в вас большое сходство с сестрой... зато глаза у вас точно такие же зеленые, как у ее светлости.

— Мне всегда говорят, что я больше похож на отца.

Уоррик сжал ногами бока гарцевавшего Тайтуса, чтобы он стоял спокойнее.

— Как себя чувствует ваша сестра?

Лицо Майкла сделалось неожиданно серьезным.

— Так, как и должна себя чувствовать женщина в ее положении.

— Значит, правда, что она ждет ребенка?

— Да, правда.

— И что она предпринимает шаги к расторжению брака тоже правда?

— Думаю, вы сможете сами выяснить это в следующий понедельник. У вас ведь, кажется, намечена встреча с Йеном и лордом Торндайком в Эдинбурге?

— Ваша сестра будет там?

— Думаю, вряд ли родители ей это позволят.

— Должен сказать вам, лорд Майкл, что все члены вашего семейства, с которыми мне до сих пор приходилось сталкиваться, внушают мне немалое уважение.

— Я с удовольствием передам это маме и сестре.

— Скажите, это Арриан уговорила лорда Йена вернуть мне Гвендолин?

— Да, она.

— И она же выяснила обстоятельства ее гибели?

— Моя сестра умеет добиваться своего, во всяком случае, если ей очень этого хочется.

— Да, я успел это заметить. Майкл протянул ему руку.

— Рад знакомству с вами, милорд.

— Я тоже, лорд Майкл, — пожимая его руку, отвечал Уоррик.

— Вы ничего не хотите передать моей сестре? Глаза Уоррика вдруг затуманились дымкой печали, но он все же заставил себя улыбнуться.

— Передайте ей мою искреннюю благодарность за все, что она сделала ради светлой памяти моей сестры.

— И это все, милорд?

— После встречи с Йеном Макайворсом и лордом Торндайком я хотел бы сделать вашей сестре одно предложение, но, не зная заранее исхода встречи, я не вправе его излагать.

Майкл тронул поводья и выехал на дорогу, ведущую в Давиншем.

— До свидания, лорд Уоррик. Мне, во всяком случае, кажется, что мы с вами еще свидимся.

Глава 26

В отличие от первой встречи с лордом Торндайком, на которую задолго до начала явился Йен, сегодня Уоррик прибыл за час до назначенного времени. Он сидел за столом переговоров со сложенными руками и непроницаемым взглядом серебристых глаз.

Он почти не сомневался, что сегодня его лишат титула и земель и что для его клана это будет равносильно гибели. Вряд ли стоило надеяться, что король посмотрит сквозь пальцы на оскорбление действием, направленное против дочери герцога Равенуртского.

Но, каков бы ни был исход сегодняшнего судебного заседания, Уоррик твердо решил принять его достойно. Он не станет оправдываться или просить прощения у кого бы то ни было.

Наконец появился Йен Макайворс в сопровождении своего брата Джейми. Глаза Йена сияли самодовольством.

— Я уже две недели живу предвкушением сегодняшнего дня, Гленкарин, — с порога заговорил он. — На сей раз мне даже не пришлось ничего делать, чтобы одержать верх над таким олухом, как ты. Ты сам вырыл себе яму!

Уоррик медленно встал, и глаза его угрожающе сверкнули.

— Я приехал сюда сегодня по королевскому приказу, но никто не прикажет мне выслушивать карканье жалкого ублюдка.

— Ублюдка? — Йен расхохотался. — Я не возьму в толк, то ли ты чего-то недопонимаешь, то ли речь идет о твоём...

В этот момент дверь зала заседаний распахнулась, и вошел лорд Торндайк со своей неизменной кожаной сумкой. Усевшись, он молча надел на нос очки и начал рыться в бумагах.

— Лорд Йен, лорд Уоррик, — заговорил он, найдя наконец то, что искал. — Не скрою, я не думал, что нам с вами придется встретиться вновь, и притом так скоро. Вероятно, ничто, кроме вмешательства Его Величества, не положит конец вашей вражде.

Сделав несколько шагов вперед, Йен встал между королевским представителем и Уорриком.

— Прочел ли король мою жалобу? Готов ли он вынести свое решение по ней сегодня?

— Ваше прошение было представлено вниманию Его Величества, как только оно попало ко мне в руки. Выдвинутые вами обвинения весьма серьезны, лорд Йен, и я тут же отправился в Равенурт, чтобы лично выяснить у его светлости, сколь они достоверны. К сожалению, герцог оказался в отъезде...

— Герцог Равенуртский, ваша милость, гостит сейчас в моем доме.

На лице лорда Торндайка отобразилось явное недоумение.

— Почему же он не пожелал явиться сюда вместе с вами?

— Здесь Шотландия, а не Англия, — не без довольства заявил Йен, усаживаясь за стол. — А потому его светлости угодно было положиться в этом деле на меня и, разумеется, на справедливость вашего суда.

Лорд Торндайк перевел взгляд на Уоррика, который стоял, не вступая в разговор.

— Вам известно, какие новые обвинения выдвинуты против вас, милорд?

— Я догадываюсь.

— В таком случае прошу вас сесть вместе с нами за стол переговоров. Дело, согласитесь, весьма неприглядное, и мне хотелось бы разобраться с ним сегодня.

— Тут не в чем разбираться. — Йен с улыбкой смотрел на Уоррика, но обращался, по-видимому, к лорду Торндайку. Сидел он, вальяжно откинувшись на спинку стула, засунув за ремень большие пальцы рук. — Ознакомившись с обстоятельствами, вы тотчас же убедитесь, что проступок лорда Уоррика заслуживает тягчайшего наказания.

Лорд Торндайк строго обернулся к Уоррику.

— Итак, лорд Уоррик, против вас выдвинуто серьезное обвинение в том, что вы похитили леди Арриан Винтер...

— Обвинение изначально ложное, — прервал его Уоррик, облачиваясь на стол. — Леди Арриан проезжала вместе со своей тетей, леди Мэри Риндхолд, через мои владения, когда карета их из-за метели перевернулась, и потерпевших доставили в Айронуортский замок. Если бы мои люди не подоспели вовремя, их обеих уже не было бы в живых.

Лорд Торндайк взглянул на Йена.

— Это правда?

Йен водил пальцем по узорам расшитого бархатного обшлага.

— Составляя свое прошение королю, я был уверен, что похищение произошло так, как я его описывал. О том, что карета моей будущей супруги и ее тети перевернулась, я узнал уже позже.

— Понятно.

— Но это не меняет того факта, что лорд Уоррик бессовестно воспользовался пребыванием леди Арриан под своим кровом, — заметил Йен.

Неожиданно Уоррик осознал, что история, в которую он втянул Арриан, может повредить ей в Англии, и предостерегающе поднял руку.

— Смею ли я рассчитывать, что ни одно слово, сказанное здесь сегодня, не выйдет за пределы этой комнаты? В противном случае может пострадать доброе имя леди Арриан.

— Рад, что вы оба так печетесь о благе, леди Арриан, — сказал лорд Торндайк. — Лорд Йен, заботясь о ее репутации, также просил меня провести судебное заседание при закрытых дверях. Принимаете такое условие, лорд Уоррик?

Уоррик кивнул.

— В таком случае продолжим, — откашлявшись, сказал лорд Торндайк и снова впери́л строгий взор в ответчика. — Как я уже говорил, лорд Уоррик, предъявляемые вам обвинения весьма серьезны. Вынужден вас предупредить, что, если они полностью подтвердятся, Его Величеству придется лишить вас титула, а возможно, применить и более тяжкое наказание, если противная сторона сочтет таковое необходимым.

— Я это понимаю, — бесстрастно произнес Уоррик.

— Итак, по принуждению или по доброй воле вышла за вас леди Арриан?

— А почему бы не спросить об этом у меня самой, лорд Торндайк? — послышался звонкий женский голос. — Я готова ответить на любые ваши вопросы.

Все взгляды обратились к дверям. Арриан, стоя на пороге, стягивала с себя перчатки, а вошедший вслед за нею высокий статный человек снял с нее накидку и небрежно бросил на спинку стула.

Пока Арриан легкой походкой шла к столу, Уоррик разглядывал горделивую осанку ее спутника — по всей видимости, самого герцога Равенуртского.

— Ваша светлость? — Лорд Торндайк поспешно вскочил на ноги. — А я не ждал вас сегодня!

— Отчего же, Торндайк? Ведь дело касается моей дочери. — Рейли всматривался в того, кто причинил Арриан столько горя.

Так они изучали друг друга, пока лорд Торндайк снова не заговорил.

— Не уверен, что вы знакомы, а потому — лорд Уоррик, позвольте представить вам его светлость герцога Равенуртского.

Рейли и Уоррик сдержанно кивнули друг другу, после чего лорд Торндайк предложил Арриан стул.

— Миледи, вы тоже желаете присутствовать на заседании?

Арриан еще ни разу не взглянула на Уоррика.

— Да. Прошу прощения, если мой приход нарушил течение вашей встречи.

— Никоим образом, миледи.

Фигура герцога, который опустился на стул рядом с Арриан, казалось, завораживала всех присутствующих.

— Знаете, лорд Торндайк, моя дочь, когда ей что-то втемяшится в голову, — вся в мать. Она так твердо вознамерилась самолично присутствовать на сегодняшнем заседании, что мне волей-неволей пришлось согласиться.

Полномочный представитель Его Величества, видимо, пребывал в растерянности.

— Как чувствует себя ее светлость?

— Благодарю вас, она здорова и кланяется вам. — Взгляд Рейли сделался неожиданно жестким. — Хочу сообщить вам, что к этой встрече я не имею никакого отношения. Узнай я о

ней вовремя, я бы постарался ее предотвратить, — при этих словах он сурово обернулся к Йену, — поскольку не желаю, чтобы имя моей дочери склонялось на все лады.

Под взглядом герцога Йен невольно заерзал на стуле.

— Так или иначе, — опять заговорил лорд Торндайк, — я рад, что вы здесь. Теперь вопрос будет решен без задержки. По получении жалобы лорда Йена я сразу же предъявил ее королю, он же поручил мне немедленно заняться изучением обстоятельств. Я поехал в резиденцию вашей светлости, и, окажись вы тогда на месте, необходимость какого бы то ни было разбирательства отпала бы сама собою.

— Я предпочел бы, чтобы Уильям посоветовался со мной, прежде чем раздавать подобные поручения, — нахмурился Рейли. Ни от кого из присутствующих не ускользнуло, что он назвал короля по имени. — Об этой встрече, — он снова обернулся к Йену, — я узнал только сегодня утром от своей дочери.

— Так как же вы посоветуете мне поступить? — растерянно спросил лорд Торндайк.

Рейли перевел тяжелый взгляд на дочь, потом на лорда Уоррика.

— Могу сказать одно: поведение лорда Йена и уж тем более лорда Уоррика мне решительно не по вкусу.

Уоррик, до того молча взиравший на Арриан, немедленно обернулся.

— Должен признаться, что меня не очень заботят вкусы вашей светлости.

— И напрасно, — голос Рейли посуровел, — поскольку вам еще придется иметь дело со мной, но это позже. А теперь я желаю, чтобы вы вместе с моей дочерью объяснили мне: почему вы не могли подождать со свадьбой хотя бы до приезда ее родителей? Вам что, даже не пришло в голову, что я, отец, имею право присутствовать на свадьбе своей единственной дочери?

Уоррик онемел от неожиданности. Он ехал на сегодняшнюю встречу, ожидая самого худшего. До сего момента он считал всех без исключения англичан своими личными врагами — и вдруг один из них ни с того ни с сего спасает его от беспощадного королевского суда.

Йен, как ошпаренный, подскочил со своего места.

— Ваша светлость, надеюсь, вы не станете уверять нас, что вы считаете этот так называемый брак действительным! Какой смысл ломать комедию, когда все присутствующие знают, как все было на самом деле?

Рейли смерил Йена презрительнейшим взглядом, однако заговорил не с ним, а с королевским представителем.

— Не понимаю, лорд Торндайк, отчего нынешние молодые люди так несдержанны? А с девицами и того хуже! — При этих словах он кивнул на Арриан. — Иные не могут даже разобраться со своими женихами. Вот, не угодно ли: невеста собиралась замуж за одного, а выскочила совсем за другого! Нет, в наше время до такого не доходило.

— И то правда, ваша светлость, — оживился лорд Торндайк. — Мы ведь думали, что леди Арриан ехала в Шотландию, чтобы выйти за лорда Йена.

— Ехать-то она ехала, да только женская душа такие потемки, что лично я даже с фонарем не берусь в них плутать.

Лорд Торндайк облегченно рассмеялся.

— Я тоже, ваша светлость. У меня самого пятеро дочерей, так я живу как на иголках: только и жду, что еще они выкинут.

Рейли опять покосился на Арриан.

— Слава богу, что у меня всего одна. Йен кипел от негодования.

— Ваше лицемерие просто невыносимо! Ведь все мы прекрасно знаем, как было в действительности и что этот человек сделал с леди Арриан. Да будет вам известно, Арриан принадлежит мне, и я не намерен так легко ее отдавать!

— Йен, советую тебе взять себя в руки. Естественно, что ты сейчас возбужден, — ведь моя дочь предпочла тебе лорда Уоррика. Твои чувства вполне понятны, и даже оскорбления, произносимые тобою в пылу гнева, можно извинить.

Но не слова, а жесткий взгляд Рейли заставил Йена невольно отшатнуться.

— И все же она моя, — процедил он и обернулся к молчавшему Уоррику. — Я не прощаюсь, Гленкарин. Мы непременно еще встретимся. — Он повернулся и зашагал к двери так быстро, что Джейми едва успевал за ним.

— Простите, что зря вас побеспокоили, лорд Торндайк, — сказал Рейли, дружески обнимая королевского представителя за плечо. — Лорд Йен никак не может смириться с тем, что он отвергнут. Думаю, по здравом размышлении он сам поймет, что ему не следовало писать своего прошения.

Арриан посмотрела Уоррику прямо в глаза и увидела в их серебристой глубине бесконечное смятение.

Стоя возле стола, Уоррик провожал взглядом Рейли Винтера и лорда Торндайка, которые удалялись к двери, о чем-то увлеченно беседуя, и решительно не мог постичь смысла происходящего.

— Я не ожидал увидеть вас здесь, Арриан.

Лучистые голубые глаза всматривались в его лицо. Оно казалось худым и изможденным, как после бессонной ночи.

— Я должна была приехать, Уоррик.

— Но почему?

— Хотя бы потому, что вы отец моего будущего ребенка, и я совсем не хочу, чтобы малыш рос, зная, что его отец в тюрьме. Мои родители тоже согласились, что лучше обойтись без королевского суда.

— Значит, ребенок — это правда? — Он скользнул взглядом по ее талии, но под свободным платьем ничего не было видно. — Мне трудно выразить свои чувства, Арриан.

Искорки в ее глазах погасли.

— Мне очень жаль, Уоррик. Мы с вами дали начало новой жизни, а нам нечего сказать друг другу.

Уоррику пришлось долго смотреть в потолок, прежде чем он снова овладел собой.

— Я мог бы сказать очень много, — хрипло проговорил он, чувствуя себя бездарным болваном, потому что в самый ответственный момент своей жизни им вдруг овладело чудовищное косноязычие.

До последней минуты Арриан все же надеялась, что Уоррик будет рад ребенку, но — увы! — его скованность убедила ее в обратном. Теперь она хотела лишь одного — уйти отсюда как можно скорее, но прежде ей надо было навсегда закрыть эту страницу своей жизни.

— Я избавлю вас от этой необходимости, Уоррик, и скажу все сама. То, что между нами было, уже прошло. Наши жизни соприкоснулись лишь на краткий миг, и единственное, что осталось от нашей встречи, — это та новая жизнь, которую мы сотворили.

— И все же я не понимаю: что заставило вас ехать сюда сегодня?

— Неужели вы думали, что я расторгну наш брак и оставлю ребенка без отца и, следовательно, без имени?

Уоррик сглотнул горький ком.

— Да, конечно. — Голос его снова зазвучал ровно. — Что ж, в таком случае понятно, почему вы здесь. Вас и ваших родителей очень беспокоит законность.

— А вас разве нет?

— О, разумеется. Я только об этом и думаю. Воцарилась долгая неловкая пауза, которую Арриан наконец прервала.

— После того как ребенок родится, вы, вероятно, выйдете замуж за Йена? — Он невольно замер в ожидании ответа.

— Нет. Я убедилась, что мы не подходим друг другу.

Уоррик выдохнул воздух из груди.

— Арриан, я хочу поблагодарить вас за то, что вы вернули мне тело моей сестры.

Арриан уже сосредоточенно натягивала перчатки, сердясь, что не может унять дрожь в пальцах.

— Это не такая уж большая заслуга, Уоррик.

— Вы возвращаетесь в Давиншем?

— Нет. Завтра на рассвете мы с семьей отплываем домой, в Англию.

Он жадно вглядывался в ее лицо, стараясь запечатлеть в памяти каждую его черточку.

Арриан мучительно хотелось, чтобы он обнял ее и сказал, что весть о ребенке обрадовала его, но он опять этого не сделал.

— Я дам вам знать, когда он родится.

— Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо? — На какой-то миг ей показалось, что в его глазах мелькнула искренняя забота о ней.

— Благодарю вас, я здорова.

Он протянул к ней руку, но тут же ее опустил.

— Думаю, вряд ли вы согласитесь... Нет, конечно, нет.

Сердце ее заколотилось в груди. Что он хотел сказать? Быть может, позвать ее с собою в Айронуорт? Но он умолк, и она протянула ему руку.

— Прощайте, Уоррик. Надеюсь, ваша жизнь теперь станет спокойнее.

Он неуверенно смотрел на нее.

— А вы рады, что станете матерью?

Она хотела сказать ему, как она счастлива, потому что ребенок для нее — это его частичка, которая навсегда останется с нею, но вместо этого произнесла:

— Дети должны рождаться из любви, а не из ненависти.

Кивнув, он отпустил ее руку.

— У вас есть основания так говорить.

— Да, есть.

— Я полагаю, ребенок должен знать что-то о своем отце?

— Я расскажу ему о вас, Уоррик. Не все, разумеется.

Он постарался не выдавать своей боли.

— Мы еще увидимся?

— Не думаю. — Голубые глаза смотрели на него печально. — Но я желаю вам всего доброго, Уоррик. Он проводил ее взглядом, все еще не постигая важности свершившегося.

Когда Арриан и ее отец попрощались с лордом Торндайком и ушли, Уоррик отвернулся к окну. Солнце, только что выглянувшее из-за туч, золотыми лучами освещало землю.

Внезапно он словно прозрел. Ненависть — вот что губит его жизнь! Господь свидетель, именно она, ненависть, погубила всю его семью. И вот впервые судьба дарит ему шанс обратиться от темноты к свету, а он отталкивает его!

Как он мог позволить Арриан уйти от него навсегда? Нет, он не должен отдавать ее без борьбы! Зубы Уоррика упрямо сжались. Он поедет к ней и будет просить — умолять ее, если

понадобится, — вернуться домой вместе с ним.

Рейли помог Арриан забраться в карету, и вскоре лошадиные копыта мерно зацокали по булыжной мостовой. Они направлялись к стоянке «Соловья».

— Это был самый трудный день в моей жизни, папа.

— За ним придут другие, Арриан. Но главное — твой первый шаг к освобождению от этой проклятой земли уже сделан.

Арриан долго молча смотрела в окно.

— Как я хочу в Равенуорт, — сказала она, наконец, вкладывая свою руку в руку отца и склоняя голову на его плечо. — Пожалуйста, увези меня домой.

Глава 27

— Я ждал вас, лорд Уоррик, — сказал лорд Майкл, стоявший на палубе «Соловья». — Хотя я, признаться, думал, что вы появитесь раньше.

Уоррик с удивлением смотрел на брата Арриан.

Глаза юноши показались ему веселыми и, как ни странно, доброжелательными.

— Ваша сестра здесь?

— Да, а также мой отец и моя мать. Никто, кроме меня, не догадывался, что вы придете, милорд, зато я караю вас тут уже битых два часа.

Он знаком пригласил Уоррика следовать за ним.

— Они все внизу. Я восхищен вашей смелостью, милорд: вряд ли мои родители обрадуются вашему появлению.

— А ваша сестра?

— Трудно сказать: думаю, сейчас она и сама еще этого не знает. Позвольте дать вам только один совет: не поддавайтесь на запугивания нашего отца.

— Кто бы меня ни запугивал, я не уйду отсюда раньше, чем услышу ответ из собственных уст вашей сестры.

— Что ж, милорд, тогда идемте. Ох, что сейчас начнется!

Последнее замечание лорда Майкла показалось Уоррику чересчур легкомысленным, да и выражение его лица нельзя было назвать серьезным.

Через минуту, спустившись с палубы по ярко освещенному трапу, они очутились в просторном салоне. Прекрасно обставленное помещение утопало в толстых коврах, и Уоррик в первую минуту онемел от неожиданности. Арриан, однако, в салоне не было, а по вытянувшимся лицам герцога и герцогини Уоррик немедленно убедился, что лорд Майкл прав: его появление их нимало не обрадовало.

Первой заговорила Кэссиди. Поднявшись, она медленно приблизилась к нему.

— Не думала, что вы навещаетесь к нам, милорд.

— Вы могли догадаться, что я приеду, ваша светлость.

Лицо Рейли, неотрывно глядевшего на молодого лорда, было совершенно непроницаемо.

— Право, не знаю, что внушило вам мысль нанести нам визит, — заговорил наконец он. — В этом не было никакой необходимости: я сам, как только отвезу дочь домой, намерен вернуться в Шотландию, поскольку нам с вами предстоит еще уладить кое-какие вопросы.

— Ваша светлость, — сказал Уоррик, — утром у нас с Арриан не было возможности побеседовать без помех, поэтому сейчас я не уйду, не переговорив с нею.

— Моя дочь не желает с вами беседовать. Довольно и того, что вы уже с нею сделали. — В глазах Рейли не было жалости. — И имейте в виду, что если я и выручил вас сегодня утром, то сделал это ради нее, а вовсе не ради вас.

Уоррик и Рейли были приблизительно одного роста и стояли сейчас лицом к лицу, почти вплотную.

— Я догадывался об этом, ваша светлость, поскольку не имел причин рассчитывать на вашу симпатию.

— Лично мне плевать, что с вами станет. Будь на то моя воля, я хоть сейчас швырнул бы вас за борт рыбам на корм.

— На вашем месте я бы испытывал те же чувства, — не дрогнув, отвечал Уоррик.

— Я согласился явиться на эту вашу сегодняшнюю встречу под натиском жены и дочери, которые уговорили меня вмешаться.

— Но, ваша светлость, нам с вами известно, что была и другая причина.

Рейли пронзил его испепеляющим взглядом.

— Да, пришлось также думать о будущем ребенке. Я не хочу, чтобы сплетни о моей дочери поползли по всему Лондону, и только поэтому согласился временно терпеть ваш брак.

— Какими бы мотивами вы ни руководствовались, я благодарю вас за помощь, ваша светлость, — сказал Уоррик. — Но должен отметить, что я не рассчитывал на нее и не просил о ней.

— Кажется, скромность не относится к отличительным свойствам вашей натуры, не так ли, лорд Уоррик? — холодно осведомился Рейли. — Равно как и умение проявлять благодарность.

— Да, скромником меня никто еще не называл. Однако, ваша светлость, свою благодарность я все-таки выразил.

— Между прочим, тут у вас нашелся один заступник, — кивая на Майкла, сказал Рейли. — Мой сын, кажется, склонен приписывать вам качества, кои в действительности вам не свойственны, как-то: честность и порядочность.

Уоррик, смотревший то на отца, то на сына, заметно побледнел.

— Моя порядочность пока что ни у кого не вызывала сомнений.

— А вот я позволю себе в ней усомниться — после того, как вы обошлись с моей дочерью.

— Признаться, мнение вашей светлости заботит меня меньше всего. Я приехал затем, чтобы забрать с собою вашу дочь, если, конечно, она согласится.

— Черта с два вы ее заберете! — взревел Рейли, делая угрожающий шаг в сторону Уоррика. — Вы не увидите мою дочь до последнего дня вашей жизни — и до последнего дня будете жалеть о том, что встретились со мной!

— Здравствуйте, Уоррик. Все обернулись.

На пороге, в черном бархатном платье, которое, однако, ей очень шло, стояла Арриан. Золотые кудри, струившиеся по ее плечам и спине, делали ее особенно юной и хрупкой.

Кэссиди немедленно метнулась к дочери.

— Тебе нечего здесь делать, и ты это прекрасно знаешь!

— Мама, это касается меня. — Она неуверенно шагнула к Уоррику. — Итак, что вы хотели мне сказать?

Уоррик скользнул взглядом по ее лицу. Теперь, в этом привычном для нее окружении, он особенно остро осознал, что такие красавицы рождаются для роскоши. Имел ли он право надеяться, что она бросит все это и поедет с ним? Но он все же должен был попробовать.

— Я приехал, чтобы попросить вас вернуться в Айронуорт вместе со мной. Надеюсь, что вы обдумаете мое предложение.

Все молча ждали, что она ответит.

— Почему вы хотите, чтобы я поехала с вами, Уоррик?

— Потому что вы мать моего будущего ребенка. Если родится сын, он когда-нибудь станет вождем клана Драммондов... Как бы то ни было, он должен родиться в Айронуорте.

— Клянусь, я сверну ему шею голыми руками! — надвигаясь на Уоррика, воскликнул Рейли. Кэссиди тут же оказалась между ними.

— Рейли, ради Арриан, дай ему договорить!

Глаза Рейли пылали негодованием, но все же вмешательство жены подействовало на него успокаивающе.

— Хорошо, пускай объясняется, но потом я все равно вытряхну из него душу.

Уоррик предпочел бы побеседовать с Арриан наедине, чтобы иметь, наконец, возможность излить перед нею свои чувства, но об этом, видимо, не могло быть и речи. Он взял ее за руку, и она не вырвала ее.

— Арриан, поедемте со мной. — Уоррик давно научился скрывать свои истинные чувства, и

сейчас это удалось ему как нельзя лучше. — Прощу вас об этом ради нашего с вами ребенка.

Всматриваясь, Арриан не заметила во взгляде Уоррика ни проблеска любви или теплоты — и все же ответила без колебаний:

— Хорошо, Уоррик. Я поеду с вами.

Серебристые глаза радостно вспыхнули, и его рука сильнее сжала ее руку.

— Ваша светлость, я забираю вашу дочь с собой, и не пытайтесь меня остановить.

Пальцы Кэссиди предостерегающе сжали его локоть.

— Арриан, ты уверена, что этого хочешь? — спросила она.

— Да, мама, — сказала Арриан и перевела взгляд на Рейли. — Поймите меня. Мой ребенок — ребенок Уоррика — не должен остаться без отца.

Гнев и печаль боролись в душе герцога.

— Я хотел для тебя большего, Арриан.

— Папа, но это то, чего хочу я.

Брат Арриан с интересом наблюдал за происходящим. Да, Арриан любит Уоррика, в этом Майкл уже не сомневался. Но ему пока было неясно, как сам Уоррик относится к его сестре.

— О, я понимаю вас! — Рейли снова обернулся к Уоррику. — Арриан наследница огромного состояния, и не пытайтесь делать вид, что вам это неизвестно. Ни за что не поверю, что вы не слышали о семидесяти тысячах фунтов, которые я даю за своей дочерью.

— Я вижу, ваша светлость, что вы озабочены денежными вопросами гораздо больше меня. Уверяю вас, чужого мне не надо. Я женился на Арриан не из-за ее знатности и тем более не из-за денег. Здесь Шотландия, а не Англия, и вам не удастся подчинить меня своей воле, как лорда Торндайка сегодня утром.

— Нахал, — пробормотал Рейли. Кэссиди поймала мужа за руку.

— Не пора ли нам всем вздохнуть поглубже и успокоиться? Рейли и Уоррик, вы оба наговорили уже друг другу довольно грубостей. Но ведь все мы — близкие Арриан и желаем ей добра. Разумеется, лорд Уоррик, нам хочется знать, что вами движет, и думаю, что это вполне естественно.

Уоррик смутился.

— Простите меня, ваша светлость. Я приехал за Арриан, а не затем, чтобы оскорблять ее родных.

— Думаю, что и вам стоит сделать шаг навстречу, — заметил Майкл, обращаясь к отцу. — Арриан, как мне кажется, твердо решила вернуться в Айронуорт вместе с лордом Уорриком.

Рейли привлек Арриан к себе и заглянул ей в глаза.

— Ты уверена, что хочешь именно этого?

— Да, папа. Вполне.

Кэссиди с Майклом тоже подошли к Арриан и обняли ее, и Уоррик почувствовал себя среди них чужаком и чуть ли не вором. Ему вдруг захотелось заслужить уважение этого любящего семейства.

Наконец Кэссиди подошла к Уоррику и взяла его за руку.

— Вы забираете нашу самую бесценную драгоценность, Уоррик, и я прошу вас обращаться с нею бережно.

— Даю вам слово.

— Майкл вызвался поехать вместе с Арриан в Айронуорт и остаться там до рождения ребенка. Я также пошлю с нею Элизабет, мою служанку. Надеюсь, вы не будете возражать?

Уоррику с трудом удавалось скрыть свое ликование. Он не рассчитывал, что Арриан сразу же согласится поехать с ним, и тем более не ожидал, что ее родные так легко ей это позволят. Что же за беда, если с нею поедет кто-то еще?

— Нет, я не возражаю.

— Нам с Рейли сейчас необходимо ехать домой. Но еще до рождения ребенка мы тоже прибудем в Айронуорт.

Уоррик кивнул:

— Уверен, что Арриан захочется видеть вокруг себя родные лица.

Рейли высказался гораздо суровее:

— В моих глазах вы как супруг гроша ломаного не стоите. Однако моя жена и дочь — бог весть почему — о вас другого мнения. Возможно, им известны какие-то ваши скрытые качества, коих я не имел пока случая наблюдать. Но предупреждаю, Уоррик: если вы не будете относиться к Арриан с должной заботой и уважением, я сам, без всякого королевского суда, учиню расправу над вами.

На лице Уоррика не дрогнул ни один мускул.

— Я буду выполнять свой долг по отношению к Арриан, ваша светлость, но не по отношению к вам: ни ваши деньги, ни ваша власть не повергают меня в трепет.

Во взгляде Рейли, все еще негодующем, мелькнуло подобие удивления. Во всяком случае, этот шотландский вождь, с его манерой говорить без обиняков, явно нравился ему больше Йена Макайворса, постоянно строившего какие-то козни.

— А теперь, — объявил Майкл, — я намерен забрать от вас нашего зятя и показать ему работу «Соловья». Кстати, через час мы снимемся с якоря, и самое время сообщить капитану Норрису о том, что нужно проложить новый курс.

— Я не могу плыть с вами, — сказал Уоррик.

— Вам придется это сделать, — возразила Кэссиди. — Столь продолжительная поездка в карете может нанести сейчас вред здоровью Арриан.

— Вы не поняли, — сказал Уоррик. — Я не могу плыть с вами, потому что в Эдинбурге меня ждут сейчас мои люди. — Он обернулся к Арриан. — Увидимся в Айронуорте. — Сушей мне придется добираться дня три, так что вы можете прибыть туда быстрее меня.

— Все же, — заметила Кэссиди, — вам лучше плыть вместе с нами, чтобы мой муж мог познакомиться с вами получше. Поверьте, он ведет себя как любящий отец. Полагаю, что вы могли бы смириться с его требовательностью, тем более что в конечном итоге все вышло так, как того хотели вы, а не он.

— Благодарю вас, ваша светлость, но я вынужден отказаться от приглашения. Думаю, что и для Арриан неплохо будет провести еще несколько дней в кругу своей семьи.

— Возможно, вы правы, — согласилась Кэссиди.

— Если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с Арриан наедине.

— Выйдем на палубу, — предложила Арриан. Пожелав родным Арриан счастливого плавания, он вслед за нею поднялся на палубу.

Некоторое время они молча наблюдали за солнцем, медленно погружающимся в море. Оба, видимо, были не в состоянии облечь свои чувства в слова. Наконец Уоррик заговорил:

— Я не смел надеяться, что вы примете мое предложение.

Ее золотые волосы в закатных лучах нимбом светились вокруг головы.

— У меня нет выбора, Уоррик. Сейчас мы должны отместить собственные чувства и думать только о ребенке.

— Ах да, конечно.

Арриан крепко сжала поручни.

— Мои родные встретили вас нелюбезно, — не поднимая на него глаз, сказала она.

— Этого следовало ожидать. Я заслужил их презрение и недоверие. — Он взглянул на нее. — Знаете, Арриан, мне не довелось насладиться той любовью и нежностью, какими одаривают вас ваши родные. За всю жизнь я научился лишь страдать да ненавидеть и не уверен, что смогу когда-либо измениться.

О, как ей хотелось сейчас, чтобы он обнял ее и сказал, что любит, и попросил научить его той нежности и любви!

— Я постараюсь быть вам хорошей женой, — сказала она.

— Я обошелся с вами так гадко, что стыжусь теперь самого себя. Невозможно передать, что я почувствовал сегодня утром, когда вы явились мне на помощь. Вам следовало бы ненавидеть меня и желать мне страданий. До вас я не встречал в людях подобной доброты.

Арриан не без усилия улыбнулась.

— Я всегда стараюсь помочь людям в безнадежных случаях.

Он тоже улыбнулся.

— Я кажусь вам безнадежным случаем?

— Не знаю, — ответила она вполне искренне. — Надеюсь, что нет.

— Теперь, познакомившись с вашими родителями, я понимаю, почему вы к ним так привязаны.

— А вы знаете, что я их приемная дочь? Он воззрился на нее в немом изумлении.

— Нет, вы никогда мне этого не говорили.

— Моя родная мать умерла родами. Кэссиди была ее единственной сестрой, так что мы все равно связаны с нею кровными узами. Настоящий же мой отец был сводным братом Рейли.

— Я не подозревал ничего подобного.

— Мне еще не исполнилось двух лет, когда мой отец неожиданно погиб. Это была героическая смерть, но я не хочу о ней рассказывать и вообще не хочу об этом думать. Я всегда воспринимала Рейли и Кэссиди как своих истинных родителей и ни разу не усомнилась в том, что меня любят.

— Я буду заботиться о вас, Арриан.

Она готова была обхватить ладонями его лицо и покрывать поцелуями до тех пор, пока эта глубокая печаль не сотрется с его черт.

— Пусть наш ребенок научит вас любви, Уоррик. Голос его зазвучал сдавленно и взволнованно:

— Я ничтожество, Арриан. Судьба смилостивилась надо мною во второй раз, но я чувствую, что не достоин этого, поскольку овладел вами обманом.

Она долго молчала, потом заговорила очень тихо, так что он с трудом разобрал ее слова:

— Иногда, Уоррик, судьба ведет нас за собою, не спрашивая нашего желания, и мы не властны ее изменить. Пока еще я не знаю, тот ли вы, каким кажетесь мне, но я понимаю, что вам понадобилось немалое мужество для того, чтобы прийти сюда сегодня, и... это внушает мне уважение.

Они стояли совсем рядом, и Уоррика терзала мысль, что он не имеет права даже прикоснуться к ней.

— Надеюсь, у вас не будет повода жалеть о вашем сегодняшнем решении.

Арриан стояла со сплетенными пальцами рук, задумчиво глядя на дальние огни Эдинбурга. Ему, видимо, уже пора было уходить, но расставаться мучительно не хотелось.

— Вы решительно не можете плыть с нами на «Соловье»?

— Увы. Но скажите, почему у вашей яхты такое необычное название? — спросил он, тоже оттягивая минуту расставания.

— Этого никто не знает, кроме моих родителей. Видимо, тут что-то очень личное, поскольку они не поделились своей тайной даже со мной или с Майклом.

— Знаете, Арриан, мне никогда не приходилось видеть между супругами отношений столь

нежных и уважительных, как между вашими родителями. Насколько мне помнится, у моих родителей все было иначе.

— Я выросла в лучах их любви и не представляю себе ничего иного. — Подняв лицо к собеседнику, она успела увидеть отблеск последних закатных лучей на его волосах. — Я желаю того же для нашего будущего ребенка, Уоррик.

— Теперь, вероятно, вы думаете о том, каким был бы ваш союз с Йеном... Я ведь лишил вас возможности осуществить ваши мечты.

Как объяснить ему, что Йен оказался совсем не таким, каким она его себе представляла?

— Моя мама всегда говорит: нужно принимать судьбу такой, какова она есть.

В голове у Уоррика вертелись слова, которые он хотел, но не мог выговорить.

— Я хотел бы сделать вашу жизнь прекрасной, — сказал наконец он. — Жаль, что дня нашей первой встречи уже не вернешь... Ведь все могло быть совсем по-другому.

Уоррик, лица которого в тени от паруса почти не было видно, держал Арриан за руку, и ей так хотелось шагнуть к нему ближе, чтобы он обнял ее и говорил, говорил ей о своих чувствах к ребенку... и к ней.

— Вернуть ничего нельзя, Уоррик. А если бы было можно — что бы вы сделали?

Он не задумываясь произнес слова, мучившие его уже давно:

— Я позволил бы вам уехать просто так, не делая вас матерью моего ребенка.

Арриан хотела услышать совсем не это.

— Теперь уже слишком поздно что-либо изменить. У вас появились жена и ребенок, которые вам не нужны... но я не жалею вас, Уоррик. Вы сами этого добивались.

Отпустив ее руку, он вцепился в поручни, так что у него побелели пальцы.

— Арриан, я не...

Арриан поежилась от порыва холодного ветра и плотнее закуталась в шаль.

— Вам, наверное, пора идти, Уоррик? Мы ведь скоро уже отплываем.

Уоррик долгим взглядом посмотрел ей в глаза и отвернулся. Когда он покидал яхту, навстречу ему по сходням поднимался какой-то незнакомец, и Уоррику пришлось отступить в сторону, чтобы с ним не столкнуться.

Он ушел, ни разу не обернувшись. Арриан смотрела ему вслед, когда к ней приблизился только что взошедший на борт человек.

— Леди Арриан, — заговорил он, и она узнала слугу Йена Макайворса. — Лорд Йен просил передать вам это письмо.

Она рассеянно взяла из его рук конверт, спустилась в свою каюту и, не распечатывая, бросила его на столик.

Часом позже Уоррик снова выехал на берег и остановился в тени портового склада. Когда «Соловей», подняв паруса, вышел в море, он кивнул Мактавишу и тронул шпорами лошадиные бока. Пора было ехать домой. Если скакать без остановок, можно успеть добраться до Айронуорта раньше Арриан.

Глава 28

Пасмурным днем «Соловей» бросил якорь у берегов Гленкарина. Рейли с Кэссиди решили не провожать Арриан до замка и проститься с нею на борту яхты.

Стоя на палубе, они смотрели, как Майкл усадил сестру на сиденье шлюпки и укутал ей ноги.

— Наш сын сумеет позаботиться о ней, — сказала Кэссиди.

— И все-таки, Кэссиди, нужен ли ей такой муж, как этот лорд Уоррик? Ведь Арриан было из кого выбирать: у нее было столько поклонников из самых лучших семей.

— Но она выбрала этого, Рейли. Знаешь, он кое-чем напоминает мне тебя, когда мы с тобою познакомились.

— Думаешь, наша дочь сумеет сгладить его острые углы, как ты сглаживаешь мои? Кэссиди рассмеялась:

— Я не сглаживала никаких углов, дорогой, просто чуть-чуть подрезала твои вольные крылышки.

Фигурки в шлюпке делались все меньше и меньше.

— Господи, только бы он был добр к нашей девочке, — пробормотал Рейли.

— Он будет к ней добр, — пообещала Кэссиди. — Он любит ее без памяти. Надеюсь, когда-нибудь у него достанет мужества сказать ей об этом.

Уоррик, стоя у окна замка, смотрел, как яхта «Соловей» с отливом удаляется от берега, а Арриан и Майкл машут родителям с берегового утеса. Он все еще не мог поверить, что Арриан приехала к нему, и до последней минуты боялся, что она передумает. Подойдя к зеркалу, он увидел трехдневную щетину на своем подбородке. Чтобы прибыть раньше Арриан, ему пришлось скакать день и ночь, без передышки. Теперь, когда она высадилась на берег, он наконец мог отдохнуть.

— Хадди, пожалуйста, выйди встретить леди Арриан и ее брата, лорда Майкла. Передай, что мы увидимся с ними за ужином.

С этими словами он направился в свою комнату, где, не раздеваясь и не снимая грязных сапог, упал на кровать и мгновенно уснул.

Как ни грустно было Арриан расставаться с родителями, все же она чувствовала, что ее место теперь здесь, рядом с хозяином этой суровой земли.

После захода солнца граница между небом и морем сделалась почти неразличимой. От вереска склоны гор казались ярко-лиловыми, словно сама природа прошла по ним широкой лиловой кистью. Арриан с удовольствием вдохнула в себя свежий вечерний воздух и улыбнулась брату.

— Как здесь хорошо, правда? У меня дух захватывает от этой красоты.

Элизабет, у которой ноги увязали в песке, кажется, не разделяла восхищения Арриан.

— А по-моему, ничего хорошего нет в этой Шотландии.

— Гленкарин гораздо живописнее всего, что мы видели в этой стране до сих пор, — заметил Майкл. — Видишь, Арриан, я становлюсь опытным путешественником.

— В последнее время ты вообще очень вырос и изменился, Майкл. Думаю, скоро отец сможет переложить на тебя часть своих обязанностей.

— Вероятно, — обнимая сестру, улыбнулся он. — Но это произойдет не сегодня. Пока что меня интересует, чем я буду заниматься тут, в Гленкарине.

— Я слышала, здесь неплохая охота. А еще, — Арриан лукаво улыбнулась, — ты мог бы предложить Уоррику сыграть с тобой партию в шахматы. Мне он, к слову сказать, проиграл.

— Арриан! Неужто у тебя хватило совести сыграть над ним папину старую шутку?

— Он сам виноват! — рассмеялась она. — Он слишком много о себе вообразил, пришлось поставить его на место.

Подъехал Тэм с несколькими слугами, чтобы перевезти в замок их вещи. Элизабет, как обычно, уверенно отдавала распоряжения.

— Подвезти вас, миледи? — спросил Тэм.

— Нет, — отвечала Арриан. — Сегодня прекрасная погода, мы с братом лучше прогуляемся.

— Ну а я, пожалуй, подъеду, — заявила Элизабет, забираясь в коляску.

Арриан взяла Майкла за руку и подвела к каменным ступенькам.

— В детстве я думала, что наша семья всегда будет вместе. Но, как видишь, все мы постепенно разлетаемся в разные стороны: тетя Мэри теперь в Лондоне, мама с папой в Равенуорте, я в Шотландии. Где-то окажешься ты, Майкл?

— Времена меняются, Арриан, и люди меняются вместе с ними. Но, где бы мы ни оказались, мы всегда будем связаны между собой самыми прочными нитями.

— Я тоже в это верю.

К удивлению Арриан, миссис Хаддингтон и Барра встретили ее довольно приветливо. Они же доложили ей, что Уоррик, который, по ее расчетам, должен был приехать значительно позже, находится у себя в спальне. Правда, ее немного задело, что он не спустился их встретить.

На сей раз вместо бывшей спальни Гвендолин Арриан провели в главную анфиладу, где ей было отведено несколько комнат. Между ее новой спальней и спальней Уоррика находилась небольшая гостиная.

Утомленная долгим днем, она с удовольствием забралась в белоснежную постель.

Элизабет поставила ей на колени поднос с едой и пошла разводить огонь.

— Перекусите немного, прежде чем ложиться.

— Не хочу, — простонала Арриан. — Ах, Элизабет, убери все это! И когда наконец пройдет тошнота?

— Потерпите еще несколько недель, миледи. Хотите, я посижу немного с вами?

— Нет, я хочу только спать, больше ничего. Вот теперь я понимаю, каково было тетушке Мэри, когда ее мучила морская болезнь.

— Ну а я пока спущусь вниз, поговорю со здешней экономкой. Она, кажется, переживает, не собираюсь ли я выжить ее с ее места, так я пойду скажу, что у меня в мыслях нет ничего подобного. Я просто попросила ее нанять в деревне нескольких женщин. Вам ведь понадобятся расторопные помощницы, чтобы следить за таким огромным домом.

— Поверь мне, Элизабет, когда ты познакомишься с миссис Хаддингтон получше, она понравится тебе.

— Вот я и думаю: пойду-ка я ее успокою, пусть знает, что я всего лишь хочу ей помочь.

— Думаю, вы должны с нею поладить: она не любит только англичан и Макайворсов.

— Ну, миледи, к вам-то она относится хорошо.

— Да? — Зевая, Арриан откинулась на подушку. — Вот уж ни за что бы не подумала.

Элизабет вышла, тихонько затворив за собою дверь.

Взгляд Арриан упал на конверт, который служанка оставила на столике возле кровати. То было письмо от Йена, полученное перед самым отходом «Соловья». А она совсем о нем забыла. И, хотя сейчас ей меньше всего хотелось читать послание бывшего жениха, она все же протянула руку. Неожиданно из надорванного конверта выскользнуло что-то твердое и холодное, и Арриан с изумлением увидела на своей ладони обручальное кольцо Макайворсов. В эту минуту блеск огромного рубина почему-то показался ей особенно зловещим. Дрожащей рукой она развернула листок, исписанный торопливым почерком Йена.

«Любимая!

Возвращая тебе это кольцо, я хочу, чтобы оно напоминало тебе о былых днях нашей любви. Верю, что когда-нибудь ты вновь наденешь его на свой палец и мы станем мужем и женой, как велел нам Господь. А пока что остаюсь для тебя тем, кто, не взирая ни на что, продолжает любить тебя более собственной жизни».

В боковую дверь негромко постучали, и Арриан догадалась, что это может быть только Уоррик.

Волнуясь перед долгожданной встречей, она торопливо пригладила спутанные волосы, и Уоррик вошел.

— Не возражаете, если я с вами немного посижу? — спросил он, чувствуя себя до странности неловко.

Его темные волосы были влажны, словно он только что принимал ванну.

— Пожалуйста, садитесь.

— Надеюсь, вы добрались благополучно? Я должен извиниться за то, что не вышел вас встречать. Повисла неловкая пауза.

— Вы, вероятно, очень торопились, раз доехали так быстро, — промолвила она наконец.

— Да. Думаю, в этих комнатах вам будет удобнее. — Он обвел взглядом спальню и впервые почувствовал безнадежную убогость ее обстановки.

— Да, мне здесь очень нравится. Он заметил письмо, которое она все еще держала в руке.

— О, вы уже получаете корреспонденцию? — сказал он, полагая, что письмо скорее всего от ее матери.

Арриан разжала кулак, и на ее ладони сверкнуло знакомое рубиновое кольцо.

— Это от Йена. Его посыльный приходил к нам на яхту сразу после вашего ухода.

Уоррик молча смотрел на ненавистный рубин. Когда он снова заговорил, голос его звучал холодно:

— Простите, что я невольно помешал вам грезить об Йене Макайворсе. В письме он, вероятно, изливает свое любящее сердце? Что до кольца, я бы посоветовал вам лучше надеть его на палец и носить, чтобы все видели, чем лить над ним слезы в печальном уединении.

— Уоррик, Йену сейчас очень тяжело... Он вскочил, гневно сверкнув глазами.

— Избавьте меня от ваших объяснений! Что тут объяснять, если вы ложитесь спать с его письмом, с его кольцом и, вероятно, с приятнейшими воспоминаниями о нем же?

— Уоррик, вы не поняли. Я...

— Напротив, я все прекрасно понял! Но не волнуйтесь, я не стану более прерывать ваших мечтаний. Родите мне ребенка, а потом отправляйтесь хоть к своему любимому, хоть на все четыре стороны — мне будет решительно все равно!

Арриан еще пыталась что-то сказать, чтобы разъяснить недоразумение.

— Я не хочу... — протягивая ему кольцо, начала она.

Но Уоррик был уже у двери.

— Обещаю отныне не навязывать вам своего общества, — обернувшись с порога, сказал он. — Довольно и того, что я насильно заставил вас выйти за меня замуж и потом уговорил вернуться, чтобы вы могли родить ребенка в доме его отца. Так что можете и дальше предаваться своим нежным воспоминаниям и ни о чем не беспокоиться.

Он еще немного постоял в дверях, словно не решаясь окончательно уйти, но Арриан отвернулась от него.

— Ступайте, я хочу побыть одна, — сказала она.

Уоррик ушел, и дверь за ним закрылась.

Итак, он сразу же вообразил самое худшее и даже не позволил ей объясниться. Да, не такой она представляла себе их встречу. В своей наивности, она ожидала, что он войдет к ней со словами любви, он же вместо этого предъявил ей несправедливые обвинения.

«Что за демоны владеют его душой? — думала она. — Сможет ли он когда-нибудь избавиться от своего извечного недоверия и принять ее любовь?»

Следующее утро выдалось теплым и солнечным.

Когда Арриан спускалась по лестнице, Майкл, с которым они договорились выехать на верховую прогулку, уже ждал ее у крыльца с двумя оседланными лошадьми. Проходя через нижний холл, она не без удивления заметила двух работников, нанятых, по-видимому, в деревне. Работники сворачивали истертый ковер, а старая экономка стояла рядом и следила, чтобы при этом они ничего не сломали и не разбили.

— Что они делают, миссис Хаддингтон? — спросила Арриан.

— У нас большая уборка. Велено снять все шторы и ковры и позвать женщин из деревни, чтобы они все перемыли и перечистили. — Миссис Хаддингтон неодобрительно покосилась на дверь библиотеки. — А присматривать за их работой его милость поручил миссис Робертсон.

— Почему именно ей? — досадливо спросила Арриан.

— А кто его знает, миледи.

В этот момент дверь библиотеки отворилась, и навстречу Арриан вышла Луиза Робертсон с охапкой пыльных занавесок.

Миссис Хаддингтон презрительно фыркнула и заворчала себе под нос:

— Экая краля! Расхаживает везде как хозяйка.

— А, леди Арриан, — подходя, заговорила Луиза Робертсон. — Как жаль, что вы нездоровы. Я хотела было заглянуть к вам, но Уоррик велел мне вас не беспокоить. Мне очень приятно, что он предложил мне взять на себя ваши обязанности в Айронуорте.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросила Арриан.

Луиза едва заметно улыбнулась.

— Я хочу сказать, вы ведь не настолько здоровы, чтобы вести такое большое хозяйство, вот я и займусь этим вместо вас.

— Я не больна, миссис Робертсон.

— Да? Но я поняла со слов Уоррика, что здоровье у вас довольно хрупкое.

Арриан начала сердиться не на шутку.

— Прошу извинить меня, миссис Робертсон. Не буду больше отвлекать вас от вверенного вам дела. Луиза, однако, загородила ей дорогу.

— Уоррик собирается заменить ковры. Мне хотелось бы знать, какой цвет вы предпочитаете.

В светло-карих глазах миссис Робертсон стояла такая откровенная неприязнь, что Арриан стало не по себе.

— Полагаю, что мы с мужем сами решим этот вопрос. Вам же, если не ошибаюсь, было поручено лишь проследить за ходом уборки.

— Жаль. А я надеялась, что вы замолвите за меня словечко перед Уорриком.

— Не понимаю, какое словечко?

— В ближайшем будущем Уоррик намерен заново обставить Айронуорт. Я спросила его, не поручит ли он это дело мне, но он ответил, что ему придется посоветоваться с вами. Но вы же не захотите заниматься такими пустяками, правда?

— Мой муж сообщит вам о своем решении. — Арриан обошла стоявшую на ее пути женщину. — В дальнейшем, миссис Робертсон, если захотите со мной поговорить, извольте сперва сообщить об этом моей служанке.

Выходя из дома, Арриан все еще не успокоилась.

На крыльце Элизабет подала ей перчатки.

— Я тоже успела несколько раз столкнуться с нею сегодня утром. Экая фифа! На слуг фыркает, что тебе важная госпожа, а вашему мужу глазки строит.

— Может, она ему нравится, — сказала Арриан, сердито натягивая кожаные перчатки для верховой езды. — Признаться, пока она говорила, я думала о том, как хорошо должно быть сейчас в Равенуорте.

Элизабет дотронулась до ее руки.

— Миледи, я бы на вашем месте не приваживала лисицу к своему курятнику.

— Господи, к какому еще курятнику?

— Миссис Хаддингтон говорит, что эта особа уже несколько лет обхаживает его милость. Говорит, когда она овдовела, у них все уже шло к свадьбе, а лорд Уоррик возьми да и женись на вас.

— Ах, Элизабет, полно тебе слушать всякую болтовню. Меня, кстати, куда больше беспокоит, сможет ли эта миссис Робертсон как следует обставить дом, чем какие у нее виды на моего мужа. Ведь, насколько я понимаю, она проявляет интерес к переустройству Айронуорта.

— Не знаю, не знаю... Знаю только, что чем больше я на нее смотрю, тем меньше она мне нравится. — С этими словами Элизабет вернулась в дом, как бы предлагая Арриан подумать над ее предостережением.

При виде Мактавиша, беседующего с Майклом, Арриан просияла и легко сбежала с крыльца.

— Здравствуйте, Мактавиш! — издали крикнула она.

— Здравствуйте, здравствуйте, миледи! — Взгляд старого Мактавиша заметно оживился. — А

вы, я гляжу, все хорошеете и хорошеете.

— Спасибо, Мактавиш. — Присмотревшись, она заметила свежий шрам на лбу и темные круги под глазами, как после болезни. — Но что это? Что с вами случилось?

— Это просто память о встрече с Йеном Ма-кайворсом.

— Что?! Вы хотите сказать, память о том дне, когда вы привозили в Давиншем мои вещи?

— Ничего страшного, миледи. На мне заживет как на собаке.

— И это еще не все, Арриан! — негодуя выпалил Майкл. — В тот день Йен переломал Мактавишу несколько ребер и высек его кнутом.

Но не успела побледневшая Арриан произнести ни слова, как великан-шотландец подхватил ее под руки и усадил в седло.

— За меня не беспокойтесь, миледи. Все уже позади.

Значит, Мактавишу пришлось вынести все это ради нее? Арриан продолжала смотреть на старика в немом изумлении.

Выехав из замка, они с Майклом перевалили через холм и спустились на песчаный пляж. Чтобы немного успокоиться, Арриан пустила лошадь вскачь по самой пенистой кромке, так что Майкл с трудом догнал ее.

— Арриан, ты что, хочешь сломать себе шею? — сердито спросил он, перехватывая у нее поводья.

— Ну и пусть, — сказала Арриан, когда их лошади перешли на шаг. — Мне все равно. Стоит ли дорожить этой жизнью, если все кругом на поверку оказываются обманщиками, все что-то скрывают, замышляют... Что это за страна, в конце концов?

— А мне Шотландия нравится.

— Мне она тоже нравилась, Майкл, но теперь и эта земля, и эти люди кажутся мне слишком жестокими. Вероятно, я просто идеализировала их, а с идеалами, как известно, нелегко расставаться.

Майкл проводил взглядом стаю летящих по небу гусей.

— Арриан, люди здесь такие же, как в Англии, не хуже и не лучше. Просто ты оказалась втянутой в их старинную родовую вражду и потому имела несчастье наблюдать обе враждующих стороны в их самых неприятных проявлениях. Что же касается идеалов, я бы посоветовал тебе забыть о них и искать радость в той жизни, которая окружает тебя.

— Йен кажется мне теперь настоящим чудовищем! — Она нервно повела плечом. — При мысли о том, что я чуть не вышла за него замуж, я готова кричать от ужаса. Он даже на расстоянии сумел разрушить мое счастье.

— Ну а Уоррик?

Арриан спрыгнула с лошади и пошла дальше пешком.

— Уоррик — человек непростой. Гнев и недоверие слишком глубоко укоренились в его душе. Я надеялась, что смогу ему чем-то помочь, но теперь вижу, что это невозможно. — Она вспомнила Луизу Робертсон и снова подумала об их отношениях с Уорриком, вслух же сказала: — А впрочем, не лучше ли нам с тобою выбросить все это из головы и проехаться по холмам, прямо по цветущему вереску?

Майкл был рад возможности хоть как-то отвлечь сестру от печальных мыслей.

— Хочешь наперегонки? Глаза ее лукаво загорелись.

— Это кто тут собрался меня обогнать? Ты, верно, забыл, что перед тобою победительница Равенуортских скачек?

Уоррик стоял возле одного из деревенских домиков, на котором латали прохудившуюся крышу, когда Арриан с братом показались на склоне холма. Завидя близости между братом и сестрой, он проводил их глазами и снова вернулся к работе.

Он нарочно старался поменьше появляться в замке, чтобы Арриан легче было привыкать к ее новому положению.

Ради того, чтобы удержать ее, он готов был на все, даже на то, чтобы вовсе не видеть ее.

Глава 29

Лицо миссис Хаддингтон, подававшей ужин в малой столовой, было хмуро.

— А что, его милость не придет? — осведомился Майкл.

— Откуда мне знать, милорд? Он нынче домой не заезжал и ничего не передавал.

Арриан опустила глаза, чтобы Майкл не догадался, как сильно ее это задевает.

— Сегодня очень вкусная рыба, Хадди, — промолвила она как можно беззаботнее. — Я тут у вас в Шотландии все больше начинаю любить лососину.

Миссис Хаддингтон задержалась в дверях.

— Кухарка наша нарочно для вас расстаралась — знает, что у вас будет маленький.

Подождав, пока миссис Хаддингтон уйдет, Майкл спросил:

— Куда же все-таки подевался Уоррик? По-моему, после приезда мы его почти не видели.

— Понятия не имею, — сказала Арриан, отгоняя от себя навязчивый образ Луизы Робертсон.

После ужина Арриан поднялась к себе в спальню, где Элизабет помогла ей раздеться и лечь в кровать.

— По-моему, миледи, вы нынче еле на ногах стоите. Не надо бы вам больше до родов ездить верхом.

— Да, Элизабет, думаю, ты права. С завтрашнего дня буду ездить по окрестностям только в коляске или в карете.

Когда служанка ушла, Арриан долго лежала без сна и смотрела в темное небо за окном. Она все еще надеялась, что в душе Уоррика проснутся теплые чувства к ребенку, но надежд оставалось все меньше и меньше.

Наконец в доме все стихло. Веки Арриан постепенно отяжелели, и она уснула. Проснулась она от того, что из соседней комнаты донесся грохот и вслед за ним сдавленное ругательство, словно кто-то ходил в темноте, натываясь на мебель.

Арриан зажгла свечу и, выскользнув из-под одеяла, отворила боковую дверь. Пламя свечи осветило темные углы гостиной и фигуру Уоррика у окна.

Он смущенно обернулся.

— Простите, что потревожил вас. Я понимаю, здоровый сон для вас сейчас важнее всего.

— Я не фарфоровая кукла, Уоррик. — Она заметила в его руках бокал с какой-то жидкостью и догадалась, что это отнюдь не вода.

— Обычно я не пью в одиночестве, но, видите ли, сейчас у меня возникли кое-какие сложности... вот я и пытаюсь облегчить боль.

— Боль, милорд? Вы больны? Он немного помолчал.

— Возможно, я неудачно выразился.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Нет, Арриан, не можете. Ваше дело — сложности создавать, а разрешать их придется мне одному. Она растерянно заморгала от неожиданности.

— Уоррик, вы пьяны?

— О нет! Я еще далеко не так пьян, как хотелось бы.

— Я знаю, что причиняю вам немало неприятностей. Он осушил очередной бокал и только после этого взглянул на нее.

— Ничего, скоро вы исчезнете из моей жизни. Уедете к своему драгоценному Йену, хотя одному Богу известно, что вы в нем нашли.

— Скажите, Уоррик, вы приехали тогда на яхту только из-за ребенка?

Он забрал у нее свечу и поставил на стол, после чего отошел к окну и поманил Арриан к себе.

— Скажите, Арриан, что вы здесь видите?

Окна ее бывшей спальни выходили на море, по эту же сторону замка, сколько хватал глаз, простирались холмы и долины. Уоррик стоял сзади, его дыхание жгло ее щеку.

— Я вижу сказочный ландшафт, теряющийся в ночной мгле... Впрочем, вы, вероятно, ждете от меня иного ответа. Наверное, я должна сказать, что вижу только земли Драммондов?

— Вы необыкновенно догадливы, Арриан. — Он развернул ее лицом к себе. — А теперь кого вы видите?

— Вождя Драммондов.

— Вот именно. А вы любите вождя Макайворсов. В минуту слабости я позабыл, что вы с ними в родстве, и привез вас сюда... Не надо было этого делать.

Жестокие слова хлестнули Арриан больнее кнута, и она упрямо вскинула голову.

— Вам некого в этом винить, Уоррик. Вы сами ворвались к нам на яхту и предъявили моему отцу права на меня.

— У меня не оставалось выбора. Я должен был дать ребенку свое имя... Я многим обязан вам и вашей семье, ведь вы спасли меня от королевского суда, а он вряд ли был бы ко мне благосклонен. Знаете, как горько быть в долгу у своих врагов, Арриан?

— Никаких врагов здесь нет, Уоррик. Есть только женщина, совершившая большую глупость. Я ведь надеялась, что мы с вами сможем хотя бы остаться друзьями... Увы, я ошибалась. Но зачем вы просили меня вернуться, зачем притворялись, будто мечтаете стать отцом?

Он раздраженно отвернулся к окну.

— Не хотел, чтобы ваш возлюбленный Йен растил ребенка, в котором течет кровь Драммондов.

— Ваша кровь, — поправила она, но он не слушал ее.

— Только представьте, как у нас родится мальчик и как тогда я буду смотреть в глаза своим людям. «Вот, — скажу им, — ваш будущий вождь. Вы не смотрите, что в нем течет кровь Макайворсов...»

Арриан молча глядела ему в спину. Наконец, овладев собою, она развернулась и пошла к себе в комнату. С нее было довольно.

Однако она не успела дойти до своей двери: Уоррик догнал ее и схватил за руку.

— Нет, постойте! Я хочу вам еще кое-что сказать.

— Вы уже достаточно сказали! Думаете, что, делая больно мне, вы тем самым наносите удар Йену?

— Нет, милорд. Ваша месть как обоюдоострый клинок, и второе его лезвие обращено к вам.

Он рывком притянул Арриан к себе и приподнял ее подбородок.

— Когда я дотрагиваюсь до вас, вы думаете о нем, да? Знаю, что о нем... А хуже всего то, что даже теперь я хочу вас. — На миг он зажмурился. — О, если бы можно было стереть проклятый образ из вашей памяти! Возможно, это положило бы конец моим страданиям.

— Вы сами создаете себе страдания, Уоррик, и никто, кроме вас, не сможет вас от них избавить. Он с силой прижал ее к себе.

— Нет, я заставлю вас позабыть Йена Макайворса!

Губы его хищно впилась в ее рот, и она почувствовала тяжелый дух бренди. Это был поцелуй насилия, а не любви, и Арриан отчаянно пыталась высвободиться, но он только крепче обхватывал ее голову руками...

Он так резко ее отпустил, что от неожиданности она не удержалась на ногах и упала на стоявший сзади стул.

— Простите. — Уоррик тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. — Я не хотел вам больше навязываться.

— Простить? Я уже многое вам прощала, но того, что вы сказали мне сегодня, я не забуду никогда. У вас нет сердца, Уоррик, и лучше бы мы с вами вовсе не встречались!

С этими словами она бросилась в свою комнату и захлопнула за собою дверь. Сама того не желая, она все еще ждала, не послышатся ли сзади шаги Уоррика, но в гостиной было тихо.

Она решительно подошла к дорожному сундуку, откинула крышку и начала рыться в своих вещах. Наконец она отыскала свою голубую амазонку для торжественных выездов и, не зажигая света, начала одеваться. Она чувствовала себя скорее сердитой, чем оскорбленной, и ей нужно было поскорее что-нибудь сделать, чтобы привести в порядок расстроенные чувства.

Во дворе замка ей никто не встретился, зато на конюшне она нашла Тэма, который ссыпал в мешки овес для лошадей.

При виде жены хозяина, входящей в конюшню в столь неурочное время, Тэм остолбенел.

— Вы чего-нибудь хотите, миледи? — наконец выдавил из себя он.

— Да, Тэм. Оседлай мне лошадь. Я хочу прокатиться верхом.

То, что она собиралась на прогулку посреди ночи, притом в полном одиночестве, показалось Тэму довольно странным, однако его дело было подчиняться, а не спрашивать, и он проворно выполнил поручение.

— По-моему, вот-вот пойдет дождь, — заметил он, видимо, надеясь ее остановить, но Арриан лишь улыбнулась.

Тэм молча помог ей забраться в седло и смотрел вслед, пока искры, высекаемые подковами о камни, не погасли в ночи.

Уоррик видел из окна, как Арриан стремительно вышла во двор, но не двинулся с места. Лишь когда она верхом на лошади выехала из конюшни, он, чертыхнувшись сквозь зубы, бросился вниз.

— Тэм, седлай Тайтуса, да поживее, — рявкнул он, подбегая к конюшне.

Сразу же за воротами Арриан пустила лошадь галопом. Ей было все равно, куда ехать в этой беззвездной и безлунной ночи. Она двигалась сквозь непроглядную тьму, и сердце ее разрывалось, казалось, на тысячи кусочков. Ни одно слово, сказанное Уор-риком сегодня, не желало улетучиваться из ее памяти. Как она могла совершить такую глупость и вернуться в Айронуорт? Ведь отец предупреждал ее, она же настояла на своем...

Решив, что у моря будет слишком холодно, она повернула лошадь в сторону холмов.

Она уже пересекла ручей и выехала на крутой каменистый склон, когда неожиданный порыв ветра швырнул ей в лицо первые капли дождя. Она не остановилась, а когда за ее спиной послышался стук копыт, еще решительнее сжала поводья, ни секунды не сомневаясь, что это

Уоррик. Разгоряченная лошадь легко вынесла ее на середину холма. Желание уйти от погони было так велико, что она не заметила нависшего над дорогой выступа. Уоррик предостерегающе крикнул, но было уже поздно.

Когда прямо перед ней замаячило что-то темное, Арриан натянула поводья. Лошадь стала как вкопанная, но сама всадница вылетела из седла и, сильно ударившись о скалу, упала в грязь.

В первую секунду она попыталась подняться, но, вскрикнув от боли, снова осела на землю.

— Глупышка! — Подоспевший Уоррик уже ощупывал ее, проверяя, нет ли переломов. — Так ведь можно совсем убится!

— Мне все равно, — морщась, простонала она, и в этот момент ее тело пронзила новая боль. — Но мой ребенок! — Дыхание Арриан сделалось вдруг прерывистым. — Он может погибнуть!

— О боже! — в ужасе воскликнул Уоррик и, подхватив ее на руки, попытался укрыть от дождя. — Что я наделал!

Пока он нес Арриан на руках и взбирался в седло, крепко прижимая ее к себе, по ее лицу текли слезы вперемешку с дождевыми каплями.

Хлестнув Тайтуса, Уоррик поскакал в сторону замка.

— Лошадь... — с трудом вымолвила Арриан между схватками боли.

— Тэм приведет ее. Где болит? — Он склонился к ней, крепче обхватывая ее руками.

— Живот, — простонала она и закусил губу, чтобы не кричать. — Сейчас мне нужна Элизабет... Она знает, что надо делать. Скорее, умоляю!

Уоррик мчался как безумный. Спешившись у самого крыльца, он, с Арриан на руках, взбежал вверх по лестнице. Он ненавидел себя за боль, которую ей приходилось терпеть по его вине: ведь это из-за него она бросилась из дому в глухую беззвездную ночь... Следующая схватка заставила Арриан сжаться в комок.

Едва Уоррик уложил ее на кровать, как у него за спиной возникла взволнованная Элизабет.

— Что вы сделали с миледи? — резко спросила она, уже расстегивая мокрую амазонку.

Уоррик всматривался в побледневшее лицо Арриан.

— У нее будет выкидыш?

— Не знаю. Ступайте, я позабочусь о ней. Потом расскажете, что случилось.

Уоррик вышел из комнаты, чтобы провести остатки ночи под дверью. «Это Господь покарал его за содеянное, — думал он, — и если Арриан умрет, виноват в этом будет он и никто другой». Схватив со стола бутылку бренди, он швырнул ее в камин, и осколки посыпались сквозь чугунную решетку. Никогда еще он не страдал так и не чувствовал себя при этом таким беспомощным.

Прошел час, другой. В гостиной слышалось лишь тиканье часов да стоны Арриан из соседней комнаты.

Когда Элизабет вышла через боковую дверь, Уоррик сидел у окна, уставясь в сереющее предрассветное небо. Он обернулся, и служанка сочувственно покачала головой.

— Ребенок... Его уже нет?

— Да, его нет больше, милорд, — сказала Элизабет и добавила, разглядывая его покрасневшие глаза и щетину на подбородке: — Мне очень жаль.

— Арриан тоже умрет?

— Господь с вами, милорд! Что вы такое говорите? — Элизабет подошла к столу и налила ему чашку горячего кофе, который только что принесла экономка. — Вот, выпейте это.

Он послушно поднес чашку к губам.

— Это я виноват... Я виноват в смерти ребенка. Она упала с лошади, спасаясь от меня.

— Миледи так и сказала, что вы будете винить во всем себя. Она велела вам передать, что вы тут ни при чем, милорд.

Он уронил голову на руки.

— И она еще, после случившегося, думает о моих чувствах?

— Она всегда была такая, милорд. Ей-богу, не знаю, как вы до сих пор этого не заметили.

— Она не просила меня к ней зайти?

— Нет. У нее сейчас лорд Майкл, пускай побудут вдвоем. Может, он ее немного успокоит.

Кивнув, Уоррик ненадолго ушел в свою комнату, но вскоре снова вышел оттуда и, взяв Тайтуса, поскакал в сторону холмов.

В следующие два дня он не возвращался в Айронуорт. Один, вдали от утешителей, он оплакивал погибшего ребенка, которого лишился по своей вине.

Сидя возле сестры, Майкл вытирал катившиеся по ее щекам слезы.

— Не плачь, — тихонько говорил он. — У тебя родятся другие дети.

Арриан перекадилась на постели ближе к окну. Ласковый солнечный свет лился в комнату, но в душе Арриан было холодно и пусто.

— Я не хочу других детей. Мне нужен был этот ребенок.

Майкл ничего не ответил, только крепче сжал ее руку.

Лишь через три дня Уоррик постучался в дверь Арриан, но Элизабет печально сообщила ему, что миледи не хочет его видеть.

Каждый день он подходил к ее двери, и каждый день служанка передавала ему один и тот же ответ.

Через неделю он перестал стучать в дверь.

Наконец Арриан поправилась настолько, что могла уже самостоятельно двигаться. Сидя в кресле, Майкл задумчиво наблюдал, как она ходит от кресла к окну и обратно.

— Вижу, тебя гложет какая-то мысль. Верный признак, что ты уже выздоровела.

— Да, я давно хотела тебе кое-что сказать, но все не решалась.

— Хочешь вернуться в Равенуорт?

— Да, как только смогу выдержать поездку. Майкл дотянулся до руки сестры и заглянул ей в глаза.

— Ты уверена? Ведь если все получится, как ты хочешь, ты, возможно, никогда больше не увидишь Уоррика. Сможешь ли ты с этим жить?

— Я хочу уехать отсюда навсегда и забыть обо всем. — В глазах Арриан сверкнули слезы. — Майкл, пожалуйста, увези меня домой!

— Хорошо. Если ты и впрямь этого хочешь, я все сделаю. Но, прошу тебя, подумай еще, пока есть время, чтобы потом не пожалеть.

— Спасибо, что ты понимаешь меня и не задаешь лишних вопросов.

— Когда тебе плохо, Арриан, плохо и всем тем, кто тебя любит. Но все же скажу тебе вот что: мне очень нравится Уоррик. Я даже не думал, что мужчина может так страдать, потеряв еще не родившегося ребенка. Может, не стоит держать на него зла?

— Я не держу на него зла, — отвечала Арриан, набрасывая на плечи кашемировую шаль. — Просто не знаю, о чем с ним говорить. И потом, у него, кажется, уже есть утешительница: Луиза Робертсон бывает здесь чуть не каждый день.

— Думаю, чем меньше о ней говорить, тем лучше, — философски заметил Майкл.

Глава 30

Майкл и Арриан сидели в библиотеке у раскрытой книги в тканом узорном переплете.

— Видишь, Майкл, здесь рисунки Айронуорта, сделанные, видимо, кем-то из членов семьи. — Арриан отыскала выведенное женским почерком имя. — «Леди Брендолин Гленкарин, 1566». Тут сказано, что именно она принесла Драммондам титул Гленкаринов. Если бы я взялась за переустройство Айронуорта, я бы все делала по ее рисункам, Майкл. Посмотри, как подробно описаны цвета и обстановка каждой комнаты.

— Так покажи эту книгу Уоррику и предложи так и сделать.

— Не хочу.

В библиотеку вошла миссис Хаддингтон с подносом и начала расставлять на столике чай и сладости.

— Взгляните, миссис Хаддингтон, — сказала Арриан, поворачивая книгу так, чтобы экономке было видно. — Здесь старые рисунки Айронуорта.

Миссис Хаддингтон лишь скользнула взглядом по странице и обратилась к Майклу:

— Вам налить бренди, милорд?

— Нет, я буду пить чай вместе с сестрой. Надеюсь, Хадди, — Майкл назвал старую экономку так же, как ее называл Уоррик, — у вас найдется для меня малиновое пирожное, а?

— Найдется, милорд, найдется и малиновое, и лимонное. — Хадди, польщенная дружеским обращением, расплылась в улыбке, а Арриан подумала, что против обаяния Майкла никто не устоит.

— М-мм, Хадди, вы меня балуете, — пробормотал Майкл, надкусывая пирожное. — Вот чего мне будет не доставать, когда я уеду из Шотландии.

Последние слова напомнили Арриан о том, что, как ни страшил ее разговор с Уорриком, все же следовало сообщить ему о скором отъезде.

— Скажите, миссис Хаддингтон, дома ли сейчас его милость? — Задавая экономке вопрос о своем муже, она испытывала известную неловкость, но, с другой стороны, весь Айронуорт наверняка и так знал, что после той страшной ночи она с Уорриком ни разу не виделась.

— Верно, сидит у себя в кабинете вместе с Луизой Робертсон. Она тут уже во всем доме расхозяйничалась.

Захлопнув книгу, Арриан встала.

— Я скоро вернусь, Майкл. Пойду, поговорю с Уорриком.

Проводив ее взглядом, старая экономка сокрушенно поцокала языком.

— Просто сердце разрывается смотреть на них обоих!

Майкл кивнул, но не произнес ни слова. Он мог сколько угодно балагурить со слугами, однако никогда не позволил бы себе обсуждать в их присутствии личные дела своих родных.

Арриан негромко постучала в дверь и, услышав из кабинета голос Уоррика, вошла. Представившаяся ее взору картина заставила ее замереть на пороге: Уоррик и Луиза Робертсон сидели за обильным ужином, расставленным на маленьком столике. Арриан, которая никак не ожидала застать Уоррика за интимным ужином с дамой, в первую минуту не могла вымолвить ни слова.

— Арриан, — поднимаясь на ноги, заговорил Уоррик. — Какой приятный сюрприз!

Арриан перевела взгляд на Луизу Робертсон. Та сидела за столом, одетая, как на бал, в ярко-зеленом платье с глубоким вырезом, и с распущенными волосами — что, как не преминула отметить про себя Арриан, давно уже было ей не по возрасту.

— Прощу прощения, Уоррик, — вымолвила наконец Арриан. — Я вижу, что вы заняты. Что ж, я зайду в другой раз.

Уоррик с непроницаемым лицом подошел к ней.

— Нам с Луизой нужно было обсудить план второго этажа, и мы решили, что будет приятнее и проще сделать это за ужином.

— Вы не обязаны передо мною отчитываться, Уоррик. Пожалуйста, продолжайте свое обсуждение.

Она повернулась уходить, но Уоррик удержал ее за руку.

— Луиза, мы ведь уже закончили все дела, не так ли?

— Да, конечно, Уоррик. Думаю, на сегодня достаточно, все остальные вопросы можно решить и завтра. — По дороге к двери она с улыбкой остановилась возле Арриан. — Надеюсь, вам понравятся перемены в вашей спальне. Поверьте, я обставлю ее, как для себя. — Тайный смысл фразы не ускользнул от Арриан, хотя Уоррик, по-видимому, вовсе не уловил намека.

Пронаблюдав, с какой неприязнью Арриан проводила глазами Луизу Робертсон, Уоррик заметил:

— Не нужно думать о ней плохо, Арриан. Пока вы были больны, она все время заботливо справлялась о вашем здоровье и работала с утра до вечера, чтобы избавить вас от лишних забот.

Арриан пыталась погасить в себе внезапную вспышку ревности. Неужели Уоррик в простоте душевной не видит, как Луиза Робертсон виснет на нем? Или, напротив, видит и это ему нравится? Не требовалось особой проницательности, чтобы заметить, как эта Луиза Робертсон все больше и больше входит в роль хозяйки дома.

— Вы, вероятно, ужинаете так каждый вечер? — презирая себя за прорывающиеся нотки недовольства, спросила она.

— Нет, Арриан, сегодня я впервые ужинал вдвоем с Луизой. Я вернулся домой поздно — вы, как мне доложили, уже отужинали. Луиза еще работала в гостиной, и поскольку она...

— Ах, пожалуйста, избавьте меня от объяснений. Мне неинтересно знать, чем вы занимаетесь с этой женщиной. Ради бога, ужинайте с кем хотите и делайте все, что вам угодно.

— Арриан, я понимаю, как это выглядит со стороны, но вы ошибаетесь. Я с утра ничего не ел, а Луиза попросила меня просмотреть составленный ею план изменений на втором этаже, вот я и решил, что быстрее будет совместить оба дела сразу.

Пожав плечами, Арриан отошла к столу и принялась вертеть в руке серебряную ложечку для десерта.

— Уоррик, я пришла, потому что нам с вами пора поговорить.

Кивнув, он подвел ее к креслу и усадил.

— Как вы себя чувствуете?

— Я вполне здорова.

— Арриан, в ту злосчастную ночь...

— Я не хочу о ней вспоминать. Пусть весь этот кошмар поскорее останется в прошлом.

Опустившись в соседнее кресло, он некоторое время молча смотрел на нее.

— Я хотел задать вам один вопрос, но до сих пор не решался. Разумеется, вы можете на него не отвечать. Скажите, кто у нас был — сын или дочь?

— Об этом еще рано было судить. Плечи Уоррика опустились.

— С того момента, как мы встретились, я вел себя подло по отношению к вам, и эта ночь не была исключением.

— В том, что произошло, нет вашей вины.

— Вы очень добры ко мне.

— Надеюсь, что и вы оплатите мне добром, Уоррик: я ведь пришла к вам, чтобы кое о чем попросить... Позвольте мне уехать. То есть я не прошу вас о разрешении, я уеду в любом случае, но хотелось бы уехать спокойно, без каких бы то ни было осложнений.

Уоррик, откинувшись на спинку кресла, глядел в потолок.

— Я уже начал удивляться, что вы так долго медлили с решением.

— Просто откладывала его до того времени, когда смогу выдержать длительную поездку.

— По всей вероятности, никакие мои уговоры не заставят вас передумать?

— Нет, Уоррик.

— И все-таки — в душе вы всегда будете винить меня в том, что наш ребенок так и не родился. Она встала и подошла к окну.

— Причина моего отъезда — не гибель ребенка, Уоррик, а те чувства, которые вы, как выяснилось, питали к нему и ко мне. Для вас важно только то, кто мои предки, а не кто я сама.

— Я знаю, что наговорил вам много жестокостей в ту ночь, хотя помню далеко не все.

— Теперь это уже неважно.

Уоррик подошел к Арриан и развернул ее к себе лицом.

— Для меня важно.

Но Арриан отступила на шаг.

— Думаю, мы с Майклом уедем в следующий понедельник.

Серебристые глаза Уоррика погасли.

— Может быть, останетесь? Она обернулась.

— Всякий истинный джентльмен предложил бы на вашем месте то же самое. Но ведь мы оба знаем, что наша с вами свадьба была ошибкой из-за которой уже пострадали ни в чем не повинные люди.

— Арриан, поверьте, я совсем не хотел ваших страданий.

Она направилась к двери.

— Постараюсь уехать до того, как вы начнете работы на втором этаже. Пусть Луиза Робертсон обставляет спальню на свой вкус. Поверьте, она подходит вам гораздо больше меня: ведь среди ее родни нет ни англичан, ни Макайворсов.

Прежде чем Уоррик успел что-то ответить, она выскользнула за дверь и направилась наверх, к себе в спальню.

Войдя, она с изумлением увидела Луизу Робертсон, которая рылась в ее шкатулке с драгоценностями. Более того, на пальце Луизы блеснуло обручальное кольцо Драммондов! Арриан вдруг захлестнул гнев.

— Снимите сейчас же! — сверкнув глазами, воскликнула она.

Луиза нехотя стянула с пальца кольцо и положила его на туалетный столик.

— Не беда. Когда-нибудь оно все равно будет моим. — Луиза обошла вокруг Арриан, оглядывая ее с головы до ног. — Я появилась здесь гораздо раньше вас, миледи, и намерена остаться надолго и после вашего отъезда. Говорят, его милость спит один? Когда он будет моим, ему уже не придется проводить ночи в одиночестве.

Схватив со столика кольцо, Арриан сжала его так сильно, что бриллиант больно врезался ей в ладонь.

— Вон из моей комнаты! Луиза расхохоталась:

— Хорошо, я уйду. Но эта комната еще будет моей. Арриан указала рукою на дверь.

— Извольте удалиться из моей спальни, пока она еще не ваша! — произнесла она со всем высокомерием, на какое только была способна. — Что будет после моего отъезда, меня не занимает.

Луиза взяла со столика веер, который Рейли как-то привез дочери с Востока, но Арриан вырвала отцовский подарок у нее из рук и снова указала на дверь.

— Я сказала — вон!

Ядовито расхохотавшись, Луиза наконец вышла из комнаты. Пылающий взгляд Арриан упал на обручальное кольцо. О нет, эта бесстыдница никогда его не получит: Арриан заберет его с собой!

Ночью Арриан долго не могла уснуть: ей мерещился Уоррик в объятиях Луизы Робертсон, и она злилась на себя за то, что не может избавиться от навязчивого образа.

Среди ночи она вдруг проснулась от ощущения, что в комнате кто-то есть. Даже не открывая глаз, она почувствовала на себе взгляд Уоррика. Он постоял возле ее кровати несколько минут и тихо ушел.

Майкл отыскал хозяина в кабинете: Уоррик молча стоял перед окном и глядел на Арриан, которая в этот момент спускалась к песчаной кромке.

— Скажите, неужели вы так и позволите ей уйти из вашей жизни?

— Я не имею права требовать, чтобы она осталась.

— Вы ее муж — я полагаю, это дает вам какие-то права.

— Я женился на ней с помощью обмана.

— Но вы вместе зачали ребенка.

— Ребенка больше нет, и не нужно о нем говорить.

— Уоррик, какого черта вы притащили сюда эту Луизу Робертсон?

— Теперь я и сам вижу, что это была глупость. Она вдова моего покойного друга, и у нее сейчас плохо с деньгами. Я думал ей помочь, когда предлагал эту работу в Айронуорте... Но у Луизы с Арриан оказалось слишком мало общего.

— Напротив, по-моему, у них много общего.

— Хадди мне рассказала, до какой наглости дошла Луиза. И в этом тоже виноват я. — Уоррик сумрачно глядел перед собой. — Все, что я ни сделаю, только заставляет вашу сестру страдать и я не знаю, чем теперь я мог бы ей угодить.

— Угодить Арриан не так трудно, как вам кажется. Думаю, ей нравится то же, что и другим молодым дамам — чтобы за нею ухаживали, говорили ей комплименты, признавались в любви. Вы ведь любите ее?

Уоррик задумчиво взглянул на юношу, который внушал ему все большее уважение, и вместо ответа спросил:

— Когда вы уезжаете? — Последнее слово, видимо, далось ему с трудом, но он должен был знать.

— Завтра рано утром.

— Мне хотелось бы до отъезда поговорить с Арриан.

Майкл покачал головой:

— Как только речь заходит о моей сестре, я перестаю вас понимать. Объясните мне, почему нельзя поговорить с нею прямо сейчас?

Уоррик быстрыми шагами приближался к берегу моря. Завтра, уже завтра жизнь его снова станет пустой и бессмысленной, как до Арриан.

Она сидела, обхватив колени, на вершине повисшей над морем скалы и не заметила его приближения.

Волны шумели, и Уоррику пришлось кричать, чтобы она его услышала.

— Мне подняться наверх или вы спуститесь вниз?

— Я спущусь, — отвечала она, пытаясь угадать, искал ли он ее или оказался здесь случайно. Он подал ей руку и помог спуститься.

— Арриан, вы любите море?

— Море вечно и неизменно, его преобразует только шторм. Но когда шторм проходит, оно опять делается спокойным, как прежде. Здесь, в Айронуорте, море прекрасно.

Ветерок играл золотистой прядью у ее щеки, и он с трудом удержался, чтобы ее не погладить.

— Вы похожи на спокойное море, Арриан. Я не встречал женщин, подобных вам, и не знаю, как с вами обращаться.

— А вы похожи на шторм, Уоррик. Вы промчались сквозь мою жизнь, оставляя за собою только разрушения.

Он вздрогнул как от удара.

— Вы, верно, рады, что скоро от нас избавитесь?

— Мне нравится Айронуорт, Уоррик, и мне будет не доставать Хадди, Мактавиша, Барры... Я привязалась к ним, и они как будто тоже относятся ко мне неплохо.

— Многие из тех, кто остается здесь, будут скучать по вас, — глухо произнес он.

— Во всяком случае, не Луиза Робертсон. Под ее взглядом он невольно опустил глаза.

— Мне незачем было приглашать ее в Айронуорт, теперь я это понял. Возможно, вам приятно будет узнать, что она уехала и больше не вернется.

Арриан пожала плечами:

— Меня это уже не касается. Он схватил ее за плечи.

— Черт побери, Арриан, она же ничего для меня не значила! Я вообще не думал о ней как о женщине.

Их взгляды встретились, и голубизна ее глаз обдала Уоррика холодом.

— Я не хочу о ней говорить.

— Хорошо, не будем. Я просто сказал, чтобы вы знали. — Он посмотрел на склон соседнего холма. — Не хотите перед отъездом взглянуть на водопад? — спросил он, желая продлить последние совместные минуты.

— Хочу.

Уоррик взял ее за руку и повел по тропинке между замшелыми скалами наверх. С вершины холма они спустились к шумному потоку, низвергающемуся на дно долины. Запрокинув голову, Арриан смотрела на тысячеструйный водопад.

— Исток этой реки находится высоко в горах, Арриан. Даже в самое засушливое лето она остается полноводной, потому что там, в горах, идут дожди.

Она закрыла глаза, наслаждаясь свежестью мельчайших брызг на своем лице.

— Чем-то похоже на море.

— Рассказывают, что один из моих предков во время битвы с предателями, которые хотели

низвергнуть королеву Марию, был ранен в голову и ослеп. Была зима, метель, он заблудился в горах и, случайно выйдя на эту реку, двинулся вниз по течению. Здесь, около водопада, на него наткнулись Драммонды, и благодаря этому он был спасен.

— Несчастливая королева, преданная собственным народом!

Уоррик смотрел на крошечные капельки воды на ее щеке.

— Да, преданная своим народом и казненная вашей королевой.

— Я слышала, Макайворсы тоже тогда поддерживали королеву Марию? Уоррик нахмурился:

— Никак нельзя хотя бы сегодня обойтись без разговора о ваших родичах?

— Вероятно, можно.

Над головой у Арриан вспыхнула радуга. Взгляд Уоррика упал на ее губы, влажные от водяной пыли. Сам того не замечая, он склонился к ней и очнулся, только когда его губы коснулись ее губ.

Арриан блаженно потянулась к нему, руки ее легли на его плечи, рот раскрылся навстречу поцелую... Она уже растворялась в нем... Если бы...

В эту секунду он вдруг оторвался от ее губ и шагнул назад.

— Пойдемте, — беря ее за руку, сказал он. — Уже поздно. Нам пора уходить.

— Уоррик, вы будете иногда думать обо мне? Или забудете тотчас, как только я уеду, словно меня не было вовсе?

— Можно поклоняться солнцу, не обладая им и не прикасаясь к нему. К вам мне удалось прикоснуться лишь на миг, но я с самого начала знал, что вы не моя... Забыть же вас? Нет, жизнь слишком коротка, чтобы я успел вас забыть.

Ей хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но он вдруг словно удалился от нее куда-то бесконечно далеко, как бывало уже не раз.

Когда он пошел по тропинке впереди нее, Арриан овладело неудержимое желание окликнуть его и попросить обнять ее еще раз.

— Уоррик! Он остановился.

— Да?

— Я... желаю вам всего хорошего. Я буду часто представлять, как вы стоите здесь и волосы ваши развеваются на ветру. — Горло ее вдруг сжалось, и она договорила с трудом: — Или как вы скачете верхом на Тайтусе по холмам.

— Ну а мне, вероятно, следует представлять вас на королевском приеме, в окружении восхищенных поклонников?

— Нет. Я возвращаюсь в Равенуорт и намерена оставаться там, пока не окрепну духом, как прежде.

Он взял ее руку и прижал к своей груди.

— Арриан, если бы я только мог высказать всю горечь, переполняющую мое сердце...

— Вы ее уже высказывали. В ту ночь, когда у меня случился выкидыш.

Он сощурился и стал смотреть вверх, на чайку, скользящую по воздушной струе.

— Я от всего сердца желаю вам счастья.

— Я тоже.

Он немного отступил и долго всматривался в нее.

— Позвольте мне в последний раз обнять вас.

Она нерешительно шагнула вперед и почувствовала, как руки Уоррика легли на ее спину. Они так много пережили вместе, но их сердца не слились воедино. Они успели зачать ребенка и потерять его, но так и не сказали друг другу ни слова любви.

Арриан стояла, прижавшись щекой к его жесткой куртке, и готова была стоять так всегда. Но, видимо, их любовь родилась под несчастливой звездой, и им никогда не суждено было соединиться.

Уоррик крепче обнял ее и зарылся лицом в золотистый шелк ее волос.

— Когда мне будет особенно одиноко, Арриан, я буду вспоминать эту минуту. Вы впервые шагнули ко мне по своей воле — пусть даже на прощание.

Глава 31

Было облачно, когда карета выехала из ворот Айронуорта. Сидя рядом с братом, Арриан старалась не смотреть в окно, чтобы не оглядываться на замок. Она ехала в Англию, домой, и должна была радоваться тому, что покидает Шотландию. Элизабет, сидевшая напротив, уже начала сонно кивать головой.

Майкл искоса поглядывал на сестру и думал о том, что той веселой и беззаботной Арриан, которая еще недавно с радужными надеждами отправлялась в Шотландию, уже нет и никогда не будет. Хотелось наговорить ей каких-нибудь пустяков, чтобы она рассмеялась.

— Поговорим о чем-нибудь, Арриан? — наконец предложил он.

Она положила голову ему на плечо, и он обнял ее.

— В моей душе так пусто, Майкл. Мои руки тоскуют по ребенку, которого я потеряла, а сердце — по любви, которой не нашла.

— Не горюй, сестра. Боль дает нам силы, любовь учит терпению.

Она улыбнулась в ответ.

— Откуда в тебе столько мудрости? Без тебя я, наверное, не вынесла бы этих последних недель.

— Арриан, я хочу, чтобы ты стала такой, как прежде.

Арриан уткнулась лицом брату в грудь и дала наконец волю слезам, которые ей так долго приходилось сдерживать. За все время, пока она плакала, Майкл не сказал ни слова, потому что слова вряд ли могли бы помочь сестре.

В разгар августа Уоррик переезжал через ручей, бегущий по дну долины. Под ярко-голубым небом лиловел вереск, в прозрачном потоке, прямо под копытами Тайтуса, прыгала форель.

Услышав сзади стук копыт, Уоррик обернулся: его догонял Мактавиш. Некоторое время они молча ехали рядом.

— Над морем, я смотрю, тучи, — сказал наконец Мактавиш.

— Да, погода меняется.

— Думаю, будет хороший шторм.

— Похоже, что так.

— Не пора ли тебе возвращаться домой? — спросил Мактавиш. — Хадди уже начинает волноваться.

— Я прекрасно чувствую себя в охотничьем домике. Он мне сейчас больше по душе.

— Ты совсем забросил работы в замке.

— А какой смысл продолжать?

— Черт возьми, Уоррик, с тобой невозможно разговаривать! Когда ты, наконец, поймешь, что жизнь дана, чтобы жить? Ты ничего не делаешь, ничем не интересуешься...

— Полно, Мактавиш, ты преувеличиваешь. Я охочусь, ловлю рыбу, иногда помогаю селянам выполнять грубую работу. Два раза я даже выходил с рыбаками в море.

— Уоррик, ты вождь, и ты должен вести клан за собой. Поверь, мне с этим не справиться. Людям нужен ты.

Йен Макайворс вот уже несколько дней крался за человеком, которого ненавидел лютой ненавистью. В то время как глаза его были прикованы к Уоррику, сам он оставался в тени и ждал удобного момента, чтобы нанести последний удар своему кровному врагу.

На губах Йена блуждала зловещая улыбка. Лорд Уоррик, последний из рода Гленкаринов, так и не успел произвести на свет наследника, и в случае его смерти все земли Гленкаринов отойдут английской короне.

Холодея от ненависти, он вскинул ружье, тщательно прицелился и спустил курок.

При звуке выстрела Мактавиш обернулся и успел увидеть, как Уоррик неестественно дернулся вперед и выпал из седла.

Соскочив с лошади, Мактавиш бросился к Уоррику, который лежал вниз лицом, и перевернул

его на спину. Из раны на голове струилась кровь. Мактавиш попытался зажать ее носовым платком, но платок тут же пропитался кровью.

— Уоррик, сынок, скажи что-нибудь!

Ответа не последовало, лишь высоко в небе раздался крик кружащего над землей ястреба.

Заслышав неподалеку стук копыт, Мактавиш проворно вскочил на ноги. По пшеничной гриве волос он еще издали узнал Йена Макайворса, но не успел дотянуться до ружья: прозвучал второй выстрел, и он осел на землю, прижимая руку к груди.

Из последних сил он подполз к вождю, лежащему все так же неподвижно. Прежде чем впасть в забытие, он успел увидеть, что Йен Макайворс уже спешил к нему и шел к нему.

Направив ствол в голову Уоррика, Йен остановился и пнул неподвижное тело ногой. Судя по обилию крови, лорд Уоррик был либо смертельно ранен, либо уже мертв.

— Наконец-то ты у меня в руках, ублюдок! Сейчас я всажу тебе в голову еще одну пулю, и твоей никчемной жизни придет конец.

— Не делай этого, Йен, — раздался сзади предостерегающий голос.

Йен обернулся, и на лице его отразилось изумление.

— Братишка, ты что, приехал полюбоваться на кончину ненавистного врага?

— Он умер? — спросил Джейми.

— Не умер, так сейчас умрет.

— Брось ружье, Йен. Я не дам тебе совершить грязное убийство.

Лицо Йена медленно побагровело, глаза сощурились.

— Ты, кажется, встаешь на сторону какого-то жалкого Драммонда — против собственного брата?

— Ты изменился, Йен. Ты не тот брат, которым я когда-то восхищался. — Джейми медленно поднял свое ружье и направил его Йену в грудь. — Я не позволю тебе его убить.

Йен ухмыльнулся:

— Разве ты мужчина, Джейми? Около своей дражайшей супруги ты давно превратился в слизняка, у тебя попросту духу не хватит спустить курок.

— Брось ружье и отойди от лорда Уоррика! Если ты этого не сделаешь, то — клянусь, Йен! — я выстрелю.

В стороне замаячили лица нескольких селян, которые слышали выстрелы и явились узнать, в чем дело. Они с видимым беспокойством поглядывали на бесчувственное тело вождя на земле и прислушивались к разговору двух братьев. Несколько человек побежали в деревню за оружием, но, пока они не вернулись, остальные могли лишь издали наблюдать за происходящим.

— Как ты меня нашел? — оттягивая время, спросил Йен.

— Еще когда ты уезжал из Давиншема, я догадался, куда ты направляешься. Все это время я следил за тобой, но надеялся, что ты передумаешь.

Ствол ружья пополз к виску Уоррика.

— Не дури, Джейми. Вот твой брат, а вот твой злейший враг. Я знаю, кого из нас ты выберешь.

В ту секунду, когда Йен взвел курок, прогремел выстрел.

Отбросив ружье, Джейми соскочил с седла и кинулся вперед.

— О проклятье! — Джейми упал на колени и поднял Йена на руки. — Зачем ты заставил меня это сделать? Я же сказал тебе, что не дам убить лорда Уоррика.

Взгляд Йена, направленный в потемневшее небо, начал затуманиваться.

— Джейми... — Он медленно облизнул сухие губы. — Джейми, вождь Драммондов умер? Видишь, как вышло... Вождь Макайворсов и вождь Драммондов — в один день...

— Прости меня, — сказал Джейми, не в силах оторвать взгляда от лужи крови на земле. Краем глаза он заметил, что подошедшие люди поднимают безжизненное тело лорда Уоррика.

Мактавиш уже пришел в себя и поднялся на ноги.

— Твой брат не выживет, — раздался его голос у Джейми над плечом.

— Я знаю.

Йен смотрел перед собой невидящими глазами.

— Почему так потемнело, Джейми? Это что, гроза?

Сердце Джейми сжалось от глухой тоски. Глаза его брата расширились и застыли, голова свесилась набок. Он умер.

Когда Джейми стал поднимать отяжелевшее тело, Мактавиш наклонился ему помочь. Вдвоем они подняли Йена в седло и привязали, чтобы он не упал.

— Я должен был это сделать, — сказал Джейми, обернувшись к Мактавишу.

— Я знаю. Ты поступил правильно. Мы все это видели и подтвердим, что у тебя не было выбора.

С тяжелым сердцем Джейми забрался в седло, и Мактавиш подал ему поводья второй лошади.

— Мактавиш, ты тоже ранен.

— Прострелено плечо, это не опасно. Поезжай домой, сынок. Если лорд Уоррик умрет, даже я не поручусь за твою жизнь, пока ты на земле Драммондов.

Джейми кивнул и, не оглядываясь, поскакал прочь.

Отмыв от крови лицо Уоррика, Барра, к своему облегчению, увидела, что рана неопасная. Пуля лишь оцарапала лобную кость, а от удара Уоррик потерял сознание. Она наложила повязку и улыбнулась, когда он застонал и открыл глаза.

— Что случилось? — тряхнув головой, спросил он и попытался встать, но голова закружилась, и он снова откинулся на подушку.

— Ничего страшного, милорд, обычная царапина. У Мактавиша и то рана серьезнее. — Барра уже склонилась над широкой грудью старика. — Сейчас будем удалять пулю.

— Я требую, чтобы мне объяснили, что случилось! — Уоррик с трудом поднялся на ноги. — Кто это сделал? Черт побери, ответит мне кто-нибудь или нет?

Хадди сердито подтолкнула его обратно к кровати.

— Не раньше, чем мы позаботимся о Мактавише.

Со дня смерти Йена прошел месяц. И Уоррик, и Мактавиш уже поправились, хотя рука Мактавиша все еще была на перевязи. Вдвоем они не спеша прогуливались за воротами замка, когда на дороге показался всадник.

— По-моему, это лорд Джейми, — удивленно произнес Мактавиш.

Глаза Уоррика сузились.

— Как будто он. Любопытно знать, что ему здесь понадобилось.

Поравнявшись с вождем Драммондов, Джейми остановил коня.

— Приветствую тебя, лорд Уоррик. Даже зная, что этот человек спас ему жизнь, Уоррик все же не доверял ему.

— Не понимаю, зачем ты без приглашения пожаловал в наши края.

— Выслушай меня, — сказал лорд Джейми. — Думаю, ты сам согласишься, что у меня были для этого веские основания.

— Так говори скорее, с чем приехал. Я не собираюсь тратить целый день на беседу с Макайворсом.

— Вам известно, что Йен, мой брат, умер. Мактавиш с Уорриком переглянулись.

— Конечно, известно, — нетерпеливо произнес Уоррик. — Его кровь пролилась здесь, на земле Драммондов.

Джейми чувствовал, что лорд Уоррик хочет вызвать его на ссору, но не собирался отступить от своей миссии.

— Йен принял смерть, покусившись на твою жизнь. Мне же отныне придется жить с сознанием того, что я убил собственного брата, чтобы спасти тебя.

— Зато, вероятно, ты теперь вождь, — обронил Уоррик.

— Да, хотя мне и ненавистны обстоятельства, при которых я им стал.

— Не стану притворяться, что огорчен смертью твоего брата. Но мы оба с Мактавишем обязаны тебе жизнью, и я благодарю тебя.

— Скажи нам, зачем ты приехал, — вмешался Мактавиш.

Глаза Джейми взглянули на него серьезно и печально.

— Я приехал, чтобы исправить старое зло.

Уоррик окинул недоверчивым взглядом нового вождя Макайворсов.

— Как ты собираешься это сделать?

Джейми спрыгнул на землю и приблизился к Уоррику.

— Я хочу положить конец нашей кровной вражде. Она тянется уже слишком долго.

— Но, — озадаченно отвечал Уоррик, — лично к тебе, Джейми Макайворс, я не питаю ненависти.

— Я хочу доказать тебе свои добрые намерения. — Джейми извлек из нагрудного кармана какую-то бумагу и протянул ее Уоррику. — Я переписал на твое имя Килмурис, исконную землю Драммондов. Также я возвращаю тебе ту тысячу фунтов, которая перешла моей семье в качестве приданого леди Гвендолин.

Уоррик безмолвно взирал на пожелтевший документ. Да, это был акт о передаче Килмуриса. Он поднял глаза на Джейми, все еще не веря.

— Но почему? Что тебя заставило это сделать?

— Хотелось бы, конечно, ответить, что на столь благородный шаг меня толкнула собственная совесть, но в действительности было не совсем так. Дело решили письма одной моей родственницы, некой леди Арриан. Она, знаешь ли, умеет убеждать.

Уоррик окончательно перестал понимать происходящее. Прямо перед ним стоял Джейми Макайворс, его кровный враг, и протягивал ему руку дружбы. Обмана быть не могло, ибо он держал в своих руках подлинный документ.

Мактавиш покачал головой.

— Столько лет крови и вражды, и все это может кончиться благодаря настойчивости леди Арриан?

— Арриан имеет большое влияние на Элен, мою жену, а Элен на меня, — честно признался Джейми. — Вот мне и пришлось, в угоду им обоим, ехать к вам. К слову сказать, Арриан возвратила нам обручальное кольцо Макайворсов, и теперь его носит моя жена. Уоррик глядел на него, все еще не решаясь верить.

— Ты очень счастлив с леди Элен?

— Да, и это единственное, чего я ни за что тебе не верну. Впрочем, к чему тебе моя Элен, если у тебя есть любовь Арриан? Думаю, этого для счастья тебе хватит.

— Ты ошибаешься, лорд Джейми. Арриан не любит меня.

— Мне доподлинно известно, что Арриан тоскует сейчас в Лондоне. Я также слышал, что она носит твоё кольцо и не снимает его, даже когда ложится спать. Арриан несчастлива без тебя, Уоррик, и Элен просила меня уговорить тебя поехать к ней.

Уоррик всматривался в голубые серьёзные глаза Джейми.

— Я думал, что она давно уже расторгла наш брак. Джейми поставил ногу в стремя и вскочил в седло.

— Отец долго уговаривал её, но она отказалась... Ну а выводы делай сам. — Он кивнул на прощание. — Желаю вам обоим всего доброго.

Уоррик долго стоял неподвижно, как каменное изваяние. Наконец он обернулся к Мактавишу, лицо которого расплылось в широченной улыбке.

— Что собираешься делать? — спросил Мактавиш.

Гроза уже начиналась, тучи скрыли солнце, и, чтобы перекричать налетевший порыв ветра, Уоррику пришлось напрячь легкие.

— Я еду в Англию, чтобы привезти домой свою жену! И пусть только кто-то попробует встать на моем пути!..

Глава 32

На осенний бал леди Мэри съехалась вся избранная лондонская знать.

Сидя рядом с тетушкой, Арриан разглядывала пары, оживленно кружившиеся в середине зала.

Она приехала в Лондон, чтобы немного подбодрить свою славную старую тетушку, а заодно хотя бы на время отвлечься от собственных грустных мыслей.

— Трудно предаваться утехам беззаботности, когда ровесники умирают один за другим, — вздохнула леди Мэри. — Что ж, в моем возрасте уже следует быть готовой ко всему.

Арриан накрыла ладонью тетушкину руку.

— Милая тетушка, к лицу ли вам такая угрюмость? Ведь вы, как никто другой, всегда умели поддержать меня в трудную минуту.

Леди Мэри тряхнула головой.

— Правда! Что это я увлеклась своими старушечьими жалобами, когда моя племянница пребывает в такой печали?

— Мне не о чем печалиться.

— Арриан, хочешь в Париж?

— Тетя Мэри, вы же не выносите морских путешествий, а в Париж иначе как морем не добраться — разве что отрастить себе крылья и полететь.

— Можно попробовать перебежать через пролив.

— Не удивлюсь, если вам это удастся, но учтите, меня вам все равно придется тащить за собой волоком.

— Ну хорошо, не хочешь в Париж, так поедем в Венецию.

— Туда тоже надо плыть морем.

— Ради тебя я согласна.

— Нет, тетя. Как только сезон закончится, я вернусь в Равенуорт. Может, и вы захотите провести зиму у нас в деревне?

— Пожалуй. Зимой в Лондоне такая тоска. К Арриан подошел незнакомый молодой человек и галантно поклонился.

— Не окажете ли вы мне честь танцевать со мною следующий танец?

Арриан хотела отказаться, но в последний момент, чтобы не огорчать тетушку, кивнула. Пока руки партнера кружили ее по блестящему полу, ей вспоминались серебристые глаза, от одного взгляда которых разбивались женские сердца... Впрочем, что удивительного, если она частенько думала об Уоррике: в конце концов, он ведь был ее мужем.

После танца молодой человек отвел Арриан обратно к леди Мэри. Тетушка сидела теперь в окружении нескольких молодых дам, явно чем-то взволнованных.

— Леди Мэри, скажите же наконец, кто он такой? Вы его знаете? Тогда, умоляю, познакомьте меня с ним скорее!

— О ком это они? — с любопытством спросила Арриан.

— О том красавце, что стоит возле дверей, — неопределенно взмахнув веером, пояснила одна из девиц. — Я вижу его в первый раз, но, если меня с ним не познакомят, я умру!

Из-за танцующих Арриан так и не смогла рассмотреть объект всеобщего любопытства.

На губах леди Мэри играла лукавая улыбка.

— Этот мужчина, мои милые, явился сюда ради одной-единственной женщины. И если я сейчас попытаюсь познакомить его с кем-то из вас — боюсь, он вас даже не заметит.

— Но кто он? — продолжала настаивать самая любопытная из собеседниц леди Мэри. — И к кому он приехал?

— Он — лорд Уоррик Гленкарин, вождь клана Драммондов. А приехал он к моей племяннице.

Арриан побледнела и обернулась. Уоррик уже стоял у нее за спиной. С замирающим сердцем она взглянула в восхитительные серебристые глаза.

На нем был строгий черный костюм и белая рубашка с оборками и бриллиантовыми запонками.

Едва он улыбнулся Арриан, ей захотелось броситься в его объятия. Казалось, лишь в этот

момент она наконец-то ожила. Музыка и смех в зале зазвучали вдруг веселее.

Уоррик подал ей руку.

— Милая супруга, вы позволите мне пригласить вас на танец?

Арриан присела перед ним и, опираясь на его руку, сказала:

— С удовольствием, милорд.

Пока Уоррик плавно вел ее в танце, не отрывая взгляда от ее лица, обступившие леди Мэри девицы стояли открыв рты.

— Я не знала, что Арриан замужем, — пролепетала наконец одна из них.

— Я тоже, — заметила другая.

— Да, она замужем. — Леди Мэри рассмеялась, от ее давешнего уныния не осталось и следа. — Они прекрасная пара, вы не находите?

Арриан самозабвенно глядела в глаза, прожигавшие ее, казалось, насквозь.

— Думается, вы нечасто забираетесь так далеко от дома, милорд?

— Верно, — отвечал он.

— Странно видеть вас в здешних краях: ваша нелюбовь к Англии всем известна. Могу ли я спросить, что вас сюда привело?

— Все просто, Арриан. Я приехал за тем, что принадлежит мне.

Едва дыша, она задала следующий вопрос.

— И что же это такое, милорд?

— Вы, моя милая супруга. Я приехал, чтобы увезти вас домой.

Взгляд Арриан, растворявшейся в желанных объятиях, затуманился от слез.

— Но на сей раз вы уверены, что хотите этого, Уоррик?

— Еще никогда и ни в чем я не был так уверен. Без вас я лишь наполовину жив. Поедемте домой, Арриан. Можете не любить меня, можете не спать со мною в одной постели, если не захотите... Просто будьте рядом, чтобы я мог видеть вас и говорить с вами каждый день.

Музыка уже смолкла, и Арриан вдруг осознала, что они с Уорриком стоят посреди зала, а все смотрят на них.

Подошедшая леди Мэри поцеловала Уоррика в щеку.

— Наконец-то пожаловал, — заметила она и подняла руку, требуя всеобщего внимания. — Леди и джентльмены, позвольте представить вам мужа моей племянницы, лорда Уоррика Гленкарина Шотландского.

Вскоре Уоррика и Арриан окружила толпа любопытных гостей, которые засыпали их

вопросами и, в конце концов, оттерли друг от друга, так что леди Мэри опять пришлось вмешаться.

Ловко оттеснив от Уоррика молодую особу, с самого начала больше всех жаждавшую с ним познакомиться, она отвела его к двери и зашептала:

— Наверху — третья дверь по коридору направо — спальня Арриан. Ждите ее там. Скоро я пришлю ее к вам.

Уоррик просиял:

— Я уже говорил вам, что вы просто восхитительны?

— Экий льстец! — рассмеялась леди Мэри. — Не растрачивайте попусту свои комплименты на старуху, лучше приберегите их для жены.

Арриан торопливо взбежала по лестнице и вошла в свою спальню. Сразу же за дверью ее ждали горячие губы и руки Уоррика.

— Я хочу дотрагиваться до тебя, знать, что это действительно ты, — порывисто дыша ей в ухо, шептал он. — Я снова чувствую тебя, я снова живу...

Она обхватила его лицо руками.

— Я все еще не могу поверить, что ты здесь, — с трудом вымолвила она.

— Предупреждаю, Арриан: без тебя я отсюда не уеду!

— Об этом не может быть и речи, милорд. Он заглянул ей в глаза.

— Неужели ты правда рада меня видеть? — Взяв ее за руку, он увидел на ее пальце свое обручальное кольцо, и сердце его наполнилось гордостью.

— Да, — сказала она, прижимаясь лицом к его груди. — Только я не думала, что увижу тебя снова.

— Когда-нибудь я бы все равно приехал за тобой. Сможешь ли ты забыть всю ту боль, которую я тебе причинил?

— Я уже забыла, — пробормотала она, отдаваясь его горячим губам.

К удивлению Арриан, Уоррик вдруг прервал поцелуй и отстранился от нее.

— Хочу объясниться с тобой до конца, пока я совсем не потерял от тебя голову.

Сложив перед собою руки, она улыбнулась.

— Что ж, раз ты так решил...

Он отошел еще на несколько шагов, поскольку не был уверен, что сможет удержаться от нежных прикосновений. Как ни старался он казаться спокойным, Арриан видела, что пальцы его сцепленных рук побелели от напряжения.

— Ты, конечно, можешь не верить мне, Арриан... Мне стыдно вспоминать о том, как я с тобой обошелся. — Он глубоко вздохнул. — Тогда я не любил тебя, хотя и желал больше всех женщин на свете. И то, что я не мог подавить в себе это нестерпимое желание, приводило меня в бешенство.

— А теперь?

— Теперь я люблю тебя, Арриан. Я еще никому и никогда не говорил этих слов.

Она подошла и тихонько коснулась пальцами его щеки.

— Ты будешь их иногда повторять для меня?

— Каждый день моей жизни. — Он горячо сжал ее руку. — Я не могу назвать тот день или час, когда я тебя полюбил, потому что долго сам себе в этом не признавался. Я создал для себя тайный ад: любил тебя и думал, что ты любишь Йена. Теперь я знаю, что все было не так.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась, Уоррик?

— Да, Арриан, — прошептал он. — Я хочу этого всем сердцем.

Горячая волна счастья захлестнула ее.

— И ты заглушил свою гордость и приехал просить меня об этом? Зная твое самолюбие, я могу представить, чего это тебе стоило.

Он поднес ее руку к губам.

— Я согласен на все, только бы видеть твое лицо, прикоснуться к тебе, просить у тебя прощения. Ее глаза засияли от радости.

— Тогда, в охотничьем домике, я любила тебя, — сказала она. — И отдалась тебе без сожалений.

Уоррик долго молча разглядывал ее руки, словно не мог заставить себя поднять глаза.

— Я никогда не встречал таких женщин, как ты. Чем дольше я был с тобой, тем больше терялся. Стоило мне заглянуть в эти голубые глаза, как я во всем начинал сомневаться, потому что начинал видеть себя таким, каким меня видела ты. Пойми, Арриан, я столько времени жил среди ненависти, что избавиться от нее сразу просто не мог.

— Но ты и тогда не казался мне человеком совсем дурным, Уоррик. Я ведь видела, как бескорыстно ты предан своим людям... А моя мама до сих пор считает, что ты тогда нарочно позволил нам с нею бежать из Айронуорта. Это правда?

Он закрыл глаза.

— Да, правда. Это было самое тяжелое испытание, какое мне довелось пережить, — видеть, как ты уходишь, и знать, что с тобою уходит лучшая часть меня самого.

— Уоррик, мне было так плохо... Я ни за что бы не уехала, скажи ты мне хоть раз, что любишь меня. Я ведь думала, что ты меня ненавидишь — за мое родство с Макайворсами.

— Арриан, милая, как я мог тебя ненавидеть? Ты затронула ту часть моей души, которую я

давно считал омертвевшей. Благодаря тебе я снова почувствовал себя живым и начал думать о будущем вместо того, чтобы смотреть в прошлое. Не знаю, хорошо это или плохо, но ты меня изменила... Ты знаешь, что Йен умер?

— Да. Мне жаль его. Я помню время, когда он так галантно за мною ухаживал, и стараюсь не думать о том, что было потом.

— Ты любила его?

— Мое чувство к нему оказалось неглубоким и совсем детским. Настоящую любовь я познала только с тобой, Уоррик.

Он смотрел на нее, словно не веря.

— Тебе не за что меня любить. Но я буду очень дорожить тобой и заботиться о тебе, Арриан. Я постараюсь никогда больше не делать тебе больно, и, может быть, мне удастся заслужить твою любовь.

— Скажи, закончилась ли родовая вражда Драм-мондов и Макайворсов?

— Да, со смертью Йена Макайворса. Теперь я хочу только, чтобы наша с тобою кровь перемешалась и чтобы наши дети никогда не знали ненависти.

Она тихонько дотронулась до его волос.

— Я согласна, Уоррик. Засмеявшись, он притянул ее к себе.

— Значит, давняя ненависть двух кланов закончится на нас с тобой, да, Арриан?

— В моей душе никогда не было ненависти к тебе, Уоррик, — возможно, потому, что я выросла вдали от Шотландии и не знала тех уродливых обычаев, среди которых тебе пришлось прожить всю жизнь.

— Теперь и я хочу забыть о них. Думаю, с твоей помощью мне это удастся.

Некоторое время он молча смотрел на нее, словно хотел что-то сказать, но не знал как. Наконец, сбиваясь, он заговорил:

— Я знаю, что ничем не заслужил такой награды, как ты. Но с каждым моим вдохом я чувствую, что люблю... Ты нужна мне, без тебя моя жизнь пуста. — Он нежно дотронулся до ее губ. — Пожалуйста, скажи еще раз, что любишь меня.

— Я люблю тебя, Уоррик Гленкарин, и буду любить всегда.

Он крепко прижал ее к себе.

— Мне надо, чтобы ты часто мне это повторяла.

— Что же все-таки заставило тебя приехать за мною? — спросила она, хотя в глубине души знала ответ.

— Когда ты уговорила Джейми вернуть мне земли Килмуриса и приданое моей сестры, в мою душу закралось подозрение, что, возможно, я не так уж тебе противен. — Подняв ее руку к губам, он поцеловал кольцо на тоненьком пальце. — Но знаешь, когда я окончательно в это

поверил? Когда лорд Джейми сказал мне, что ты на виду у всего Лондона носишь это кольцо.

Он прижал ее руку к своей обветренной щеке.

— С тобою рядом я смогу все. Я хочу, чтобы у нас были дочери и сыновья. Хочу, чтобы ты спала в моей постели, и я мог бы в любой момент к тебе прикоснуться... — Взгляд его становился все нежнее. — Я изменюсь и стану таким, каким ты захочешь меня видеть.

Арриан прижалась к нему щекой и обвила руками его плечи.

— Только смотри, не меняйся слишком сильно! Я полюбила гордого и высокомерного шотландца, который желает, чтобы весь мир подчинялся ему.

Плечи Уоррика вздрогнули от смеха.

— Только не ты, Арриан! Ты не должна мне подчиняться.

— Ах, Уоррик! Тех, кто не захочет подчиняться твоей воле, ты завоеешь сладкими речами. Думаешь, я не знаю, как ты умеешь околдовывать женские сердца? — Ее голубые глаза лукаво мерцали. — Но предупреждаю, в твоей жизни будет теперь только одна женщина — я.

— Молю Бога, чтобы он помог мне сделать тебя счастливой.

— А я благодарю Бога за то, что он надоумил Уоррика Гленкарина меня полюбить.

Из танцевального зала все еще доносилась музыка, но биение их сердец заглушало звуки музыки.

— Уоррик... — Арриан сильнее прижалась к нему. — Я так тосковала по тебе.

— Пожалуйста, Арриан, никогда больше не покидай меня. Я не вынесу новой разлуки. Они были уже возле самой кровати.

— Арриан, Арриан... У тебя есть все. Что я смогу тебе дать, чего жизнь не дала тебе без меня? Она улыбнулась.

— Я хочу сына с серебристыми глазами, а такой подарок мне можешь сделать только ты.

— С огромным удовольствием, миледи, — рассмеялся он. — Я готов начать прямо сейчас.

Они стояли обнявшись, и вокруг них носились грезы Уоррика о близких уладах супружеского ложа, и грезы Арриан о будущем с любимым — их будущем, в котором кровь Драммондов свободно перемешается с кровью Макайворсов, давая жизнь новому поколению.

Довольная, леди Мэри заметно повеселела. Она с улыбкой глядела на лестницу, по которой удалились счастливые любовники, когда ей поклонился весьма сановитый господин, бывший некогда другом ее покойного мужа.

— Вы до сих пор затмеваете их всех, — галантно сказал он. — Не окажете ли вы мне честь танцевать со мною?

— С удовольствием, — кивнула она. — Скажите, Дональд, вы слышали о том, как я однажды чуть не лишилась ноги?

Он удивленно взглянул на нее.

— Нет.

— Так вот, — начала она. — Случилось это в Шотландии...

mir-knigi.org